

Этой книге суждено стать
современной классикой.

Джон Грин

Бумажные Города

Один список. Десять пунктов.
И ночь, которая изменит всё.

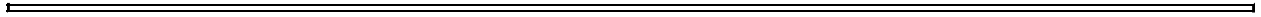
Annotation

Выпускник школы Кью Джейкобсен с детских лет тайно влюблен в свою прекрасную и дерзкую соседку Марго Рот Шпигельман. Поэтому, когда однажды ночью она приглашает его принять участие в «карательной операции» против ее обидчиков, он соглашается. Но, придя в школу после их ночного приключения, Кью узнает, что Марго исчезла... оставив для него лишь таинственные послания, которые он должен разгадать, чтобы найти девушку. И Кью бросается в отчаянную погоню, но девушки, которая долгие годы царила в его сердце, на самом деле нет.

- [Джон Грин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
- [Часть третья](#)
 - [3 ур. Час первый](#)
 - [3 ур. Час второй](#)
 - [3 ур. Час третий](#)
 - [3 ур. Час четвертый](#)
 - [3 ур. Час пятый](#)
 - [3 ур. Час шестой](#)
 - [3 ур. Час седьмой](#)
 - [3 ур. Час восьмой](#)
 - [3 ур. Час девятый](#)
 - [3 ур. Час десятый](#)
 - [3 ур. Час одиннадцатый](#)
 - [3 ур. Час двенадцатый](#)
 - [3 ур. Час тринадцатый](#)
 - [3 ур. Час четырнадцатый](#)
 - [3 ур. Час пятнадцатый](#)
 - [3 ур. Час шестнадцатый](#)
 - [3 ур. Час семнадцатый](#)
 - [3 ур. Час восемнадцатый](#)
 - [3 ур. Час девятнадцатый](#)
 - [3 ур. Час двадцатый](#)
 - [3 ур. Час двадцать первый](#)
 - [3 ур. Ээгло](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [Об авторе](#)
- [Награды Джона Грина](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Джон Грин

Бумажные города

С благодарностью Джули Стросс-Гейбел, без которой ничего этого не было бы.

Потом мы вышли на улицу и увидели, что она уже зажгла свечу; мне очень понравилось лицо, которое она вырезала из тыквы: издалика казалось, что в глазах сверкают искры.

«Хеллоуин», Катрина Ванденберг, из сборника «Атлас».

*Говорят, что друг не может уничтожить друга.
Да что они об этом знают?*

Из песни группы «Маунтин гоутс».

Пролог

Мое мнение таково: с каждым человеком в жизни случается какое-то чудо. Ну, то есть, конечно, маловероятно, что в меня попадет молния или я получу Нобелевку, или стану диктатором маленького народа, обитающего на каком-нибудь островке в Тихом океане, или подцеплю неизлечимый рак уха в конечной стадии, или вдруг самовозгорюсь. Но, если посмотреть на все эти необыкновенные явления вместе, скорее всего, с каждым хоть что-то маловероятное да происходит. Я, например, мог бы попасть под дождь из лягушек. Или высадиться на Марсе. Жениться на английской королеве или несколько месяцев в одиночестве болтаться в море, находясь на грани жизни и смерти. Но со мной приключилось кое-что другое. Среди всех многочисленных жителей Флориды именно я оказался соседом Марго Рот Шпигельман.

Джефферсон-парк, где я живу, раньше был базой военно-морского флота. Но потом она стала не нужна, и землю вернули в собственность муниципалитета Орlando, Флорида, а на месте базы отстроили огромный жилой район, потому что именно так сейчас используется свободная земля. И в итоге мои родители и родители Марго купили дома по соседству, как только стройка первых объектов была закончена. Нам с Марго тогда было по два года.

Еще до того как Джефферсон-парк превратился в Плезентвилль, даже до того как он стал базой военно-морского флота, он действительно принадлежал некому Джефферсону, точнее, доктору Джефферсону Джефферсону. В честь доктора Джефферсона Джефферсона в Орlando назвали целую школу, есть еще крупная благотворительная организация его имени, но самое интересное, что доктор Джефферсон Джефферсон не был никаким «доктором»: невероятно, но факт. Он всю жизнь торговал апельсиновым соком. А потом вдруг разбогател и стал человеком влиятельным. И тогда он пошел в суд и сменил имя: «Джефферсон» поставил в середину, а в качестве первого имени записал слово «доктор». И попробуй возрази.

Так вот, нам с Марго было по девять. Родители наши дружили, поэтому и мы с ней иногда играли вместе, гоняя на великах мимо тупиковых улиц в сам Джефферсон-парк — главную

достопримечательность нашего района.

Когда мне говорили, что скоро придет Марго, я всегда жутко волновался, поскольку считал ее самым божественным из созданий господних за всю историю человечества. В то самое утро на ней были белые шорты и розовая маечка с зеленым драконом, у которого из пасти вырывалось пламя оранжевых блесток. Сейчас-то сложно объяснить, почему мне эта майка в тот день показалась такой восхитительной.

Марго ездила на велике стоя, прямыми руками вцепившись в руль и нависнув над ним всем телом, фиолетовые кеды так и сверкали. Дело было в марте, но жара уже стояла, как в парной. Небо было ясным, но в воздухе чувствовался кисловатый привкус, говоривший о том, что через некоторое время может грянуть буря.

Я в то время мнил себя изобретателем, и, когда мы с Марго, бросив велики, пошли к игровой площадке, я принялся рассказывать ей о том, что разрабатываю «ринголятор», то есть гигантскую пушку, которая сможет стрелять большими цветными камнями, запуская их кружиться вокруг Земли, чтобы у нас тут стало, как на Сатурне. (Я до сих пор считаю, что это было бы классно, вот только сделать пушку, которая будет выводить камни на земную орбиту, оказывается, довольно сложно.)

Я часто бывал в этом парке и хорошо знал каждый его уголок, так что довольно скоро почувствовал, что что-то странное стряслось с этим миром, хотя и не сразу заметил, что же *именно* в нем изменилось.

— Квентин, — тихо и спокойно сказала Марго.

Она показывала куда-то пальцем. Тут-то я и увидел, *что* не так.

В нескольких шагах перед нами находился дуб. Толстенный, шишковатый, жутко старый. Он всегда тут стоял. Справа располагалась площадка. Она тоже не сегодня появилась. Но там, прислонившись к стволу дерева, сидел мужчина в сером костюме. Он не двигался. Вот его я увидел впервые. А вокруг него разлилась лужа крови. Кровь текла изо рта, хотя струйка уже почти пересохла. Мужчина как-то странно разинул рот. На его бледном лбу спокойно сидели мухи.

— Он мертвый, — добавила Марго, как будто я сам не видел.

Я отошел на два шажка назад. Помню, мне почему-то казалось, что если вдруг я сделаю какое-нибудь резкое движение, он может очнуться и накинуться на меня. Вдруг это зомби? Я в том возрасте уже знал, что их не бывает, но этот мертвец *действительно* выглядел так, будто в любой момент может ожить.

И пока я делал эти два шага назад, Марго так же медленно и осторожно шагнула вперед.

— У него глаза открыты, — констатировала она.

— Надодомойвозвращаться, — ответил я.

— Я думала, что умирают с закрытыми глазами, — не унималась она.

— Маргонадовернутьсядомойиассказатьродителям.

Она сделала еще шаг вперед. Протяни она сейчас руку, она могла бы коснуться его ноги.

— Как ты думаешь, что с ним случилось? — спросила она. — Может, наркотики или что-то в этом роде.

Мне не хотелось бросать Марго одну с трупом, который в любой момент мог ожить и броситься на нее, но оставаться там и обсуждать обстоятельства его кончины в мельчайших подробностях я тоже был не в состоянии. Я набрался смелости, шагнул вперед и схватил ее за руку.

— Маргонадоидтидомойсейчасже!

— Ну ладно, хорошо, — согласилась она.

Мы побежали к великам, у меня перехватило дух, как от восторга, только это был не восторг. Мы сели, и я пропустил Марго вперед, потому что сам расплакался и не хотел, чтобы она это видела. Подошвы ее фиолетовых кед были окрашены кровью. Его кровью. Этого мертвого мужика.

А потом мы разошлись по домам. Мои родители вызвали 911, вдалеке завывали сирены, я попросил разрешения посмотреть на машины, мама отказала. Тогда я лег поспать.

Мои мама с папой — психотерапевты, так что у меня, по определению, проблем психологических нет. Когда я проснулся, у нас с мамой состоялась предлинная беседа о продолжительности жизни человека, о том, что смерть — это тоже часть жизненного цикла, но мне в возрасте девяти лет об этой фазе можно особо не задумываться, в общем, мне стало лучше. Честно, я на эту тему как-то никогда не загонялся. Это о многом говорит, потому что в принципе загоняться я умею.

Таковы факты: я наткнулся на мертвого мужика. Маленький миленький девятилетний мальчик, то есть я, и моя еще более маленькая и куда более миленькая подружка нашли в парке мертвеца, у которого шла ртом кровь, и когда мы помчались домой, маленькие миленькие кедик моей подружки были в этой самой его крови. Очень драматично, конечно, и все дела, но что из того? Я его не знал. Каждый треклятый день умирают люди, которых я не знаю. Если бы всякое несчастье, происходящее в этом мире, доводило меня до нервного срыва, я бы давно уже слетел с катушек.

В девять вечера я пошел к себе в комнату, собираясь лечь спать — по

расписанию. Мама подоткнула мне одеяло, сказала, что любит меня, я сказал ей «до завтра», она тоже сказала мне «до завтра», выключила свет и закрыла дверь так, что осталась лишь маленькая щель.

Повернувшись на бок, я увидел Марго Рот Шпигельман: она стояла на улице, буквально прижавшись носом к окну. Я встал, открыл его, теперь нас разделяла только москитная сетка, из-за которой казалось, что у нее лицо в мелкую точечку.

— Я провела расследование, — серьезным тоном сообщила она.

Хотя сетка мешала разглядеть ее как следует, я все же увидел в руках у Марго маленький блокнотик и карандаш со вмятинами от зубов около резинки.

Она посмотрела на свои записи:

— Миссис Фельдман из Джефферсон-корт сказала, что его звали Робертом Джойнером. И что он жил на Джефферсон-роуд в квартире дома с гастрономом. Я сходила туда и застала кучу полицейских, один из них спросил, я что, из школьной газеты, я ответила, что у нас в школе нет своей газеты, а он сказал, что если я не журналист, то он может ответить на мои вопросы. Выяснилось, что Роберту Джойнеру было тридцать шесть лет. Он адвокат. В его квартиру меня не пустили, но я зашла к его соседке по имени Хуанита Альварес под предлогом, будто хочу одолжить у нее стакан сахара, и она сказала, что этот Роберт Джойнер застрелился из пистолета. Я спросила почему, и оказалось, что его жена захотела с ним развестись и это его очень расстроило.

На этом рассказ Марго закончился, а я стоял и молча смотрел на нее: ее серое от лунного света лицо разбивалось оконной сеткой на тысячи крошечных точек. Взгляд ее больших круглых глаз метался с меня на блокнот и обратно.

— Многие разводятся без самоубийства, — прокомментировал я.

— *Знаю*, — взволнованно ответила она. — Я как раз *то же самое* сказала Хуаните Альварес. А она ответила... — Марго перелистнула страницу. — ...что мистер Джойнер был человеком нелегким. Я спросила, что это означает, а она просто предложила помолиться за него и велела нести сахар маме, я сказала ей: «Про сахар забудьте» — и ушла.

Я снова промолчал. Я хотел, чтобы продолжала говорить она — в ее тихом голосе звучало возбуждение человека, приблизившегося к разгадке какого-то важного вопроса, и у меня от этого создавалось ощущение, будто происходит что-то очень важное.

— Мне кажется, что я, может быть, понимаю, почему он это сделал, — наконец сказала Марго.

— Почему?

— У него, наверное, все ниточки в душе оборвались, — объяснила она.

Думая, что на это можно ответить, я нажал на защелку и вынул из окна разделявшую нас сетку. Я положил ее на пол, но Марго не дала мне ничего сказать. Она, практически уткнувшись в меня лицом, велела: «Закрой окно», и я повиновался. Я думал, что она собирается уходить, но она осталась и продолжала смотреть на меня. Я помахал ей рукой и улыбнулся, но мне показалось, что она смотрит на что-то у меня за спиной, на что-то столь ужасное, что у нее кровь отхлынула от лица, и я настолько перепугался, что не осмелился повернуться и посмотреть, что же там. Но у меня за спиной, естественно, ничего такого не было — кроме, разве что, того мертвеца.

Я перестал махать. Мы с Марго смотрели друг на друга через стекло, наши лица находились на одном уровне. Я не помню, чем это все закончилось — я пошел спать или она ушла. У меня это воспоминание конца не имеет. Мы просто стоим и смотрим друг на друга целую вечность.

Марго обожала всякие загадки. Впоследствии я часто думал, что, может быть, именно поэтому она и сама стала девочкой-загадкой.

Часть первая

Ниточки

Самый длинный в моей жизни день не спешил начаться: я проснулся поздно, очень долго принимал душ, так что завтракать в ту среду мне пришлось в 7:17 в мамином минивене.

Обычно я езжу в школу вместе со своим лучшим другом Беном Старлингом, но он в тот день вышел вовремя, так что меня прихватить не смог. «Приехать вовремя» у нас означало «за полчаса до звонка». Первые тридцать минут школьного дня были самым значимым пунктом в графике нашей общественной жизни: мы собирались у черного хода в репетиционную и разговаривали. Многие из моих друзей играли в школьном оркестре, так что почти все свободное время мы проводили в радиусе двадцати футов от их репетиционной. Но сам я не играл, поскольку мне медведь на ухо наступил, отдавив его так, что иногда меня вообще можно принять за глухого. Я опаздывал на двадцать минут, что означало, что я все же приеду за десять минут до начала первого урока.

По пути мама завела разговор о школе, экзаменах и выпускном.

— Меня выпускной не интересует, — напомнил ей я, когда она заворачивала за угол.

Я держал тарелку с хлопьями с учетом динамических перегрузок. Опыт у меня уже был.

— Я думаю, ничего страшного не будет, если ты пойдешь туда с девочкой, с которой у вас просто дружеские отношения. Ты же можешь пригласить Кэсси Задкинс.

Да, я мог пригласить Кэсси Задкинс — она просто отличная, и милая, и приятная, только вот с фамилией ей не повезло.

— Дело не только в том, что мне не нравится сама мысль идти на выпускной. Мне еще и не нравятся те люди, которым нравится мысль идти на выпускной, — объяснил я, хотя это, по сути, было неправдой. Бен, например, этим выпускным просто бредил.

Мама подъезжала к школе, и на лежащем полицейском я придержал тарелку, которая, впрочем, была уже почти пустой. Я посмотрел на стоянку для старших курсов. Серебристая «хонда» Марго Рот Шпигельман стояла на своем обычном месте. Мама заехала в тупик у репетиционной и чмокнула меня в щеку. Бен и остальные мои друзья стояли полукругом.

Я направился к ним, и полукруг принял меня, став чуть больше. Они обсуждали мою бывшую, Сьюзи Ченг. Она играла на виолончели, а сейчас

решила произвести фурор, начав встречаться с бейсболистом по имени Тэдди Мэк. Я даже не знал, настоящее ли это имя или кличка. Но как бы то ни было, Сьюзи решила идти на выпускной с ним, с этим Тэдди Мэком. Еще один удар судьбы.

— Эй, — окликнул меня Бен, стоявший напротив.

Он мотнул головой и развернулся. Я двинулся за ним. Он вошел в репетиционную. Мой лучший друг Бен был мелким и смуглым и к тому времени уже начал созревать, но еще не созрел. Мы с ним дружили с пятого класса — с того самого момента, как оба наконец признали тот факт, что никому больше в качестве «лучшего друга» не сдались. К тому же он очень старался быть хорошим, и мне это нравилось — по большей части.

— Ну че, ты как? — спросил я. Оттуда нас никто не мог услышать.

— Радар идет на выпускной, — мрачно объявил он.

Это еще один наш лучший друг. Мы прозвали его Радаром, потому что он был похож на маленького очкарика Радара из старого телешоу, за исключением того что, во-первых, Радар в том шоу не был чернокожим, и во-вторых — через некоторое время наш Радар вытянулся на шесть дюймов и стал носить контактные линзы, так что я подозреваю, что, и это в-третьих, ему тот чувак из телешоу вообще не нравился, но, в-четвертых, поскольку до конца учебы в школе оставалось всего три с половиной недели, выдумывать ему другую кличку мы не собирались.

— С этой Энджелой? — спросил я.

Радар никогда ничего о своей личной жизни не рассказывал, что, впрочем, не мешало нам постоянно строить собственные предположения на этот счет.

Бен кивнул и добавил:

— Я тебе рассказывал про свой грандиозный план? Пригласить кого-нибудь из младших? Из тех, кто не знает мою «кровавую историю»?

Я кивнул.

— Так вот, — продолжал Бен. — Сегодня ко мне подошла какая-то милая зайка из девятого класса и спросила: «Ты тот самый кровавый Бен?» Я стал ей объяснять, что это было из-за инфекции в почках, но она хихикнула и убежала. Так что этот план отпадает.

В десятом классе Бена забрали в больницу, потому что у него была почечная инфекция, но Бекка Эррингтон, лучшая подружка Марго, пустила слух, что у него якобы кровь в моче, потому что он постоянно дрожит. Несмотря на то что с медицинской точки зрения это полнейший бред, последствия этой истории Бен ощущает до сих пор.

— Отстойно, — посочувствовал я.

Бен принялся посвящать меня в свой новый план найти себе спутницу на выпускной, но я слушал лишь вполуха, поскольку в сгущающейся в коридоре толпе заметил Марго Рот Шпигельман. Она стояла у своего шкафчика — а рядом ее парень, Джейс. На ней была белая юбка до колен и топ с каким-то синим рисунком. Я смотрел на ее ключицы. Она хохотала над чем-то как ненормальная — согнувшись, широко раскрыв рот, а в уголках глаз залегли морщинки. Но мне показалось, что насмешил ее не Джейс, поскольку смотрела она не на него, а куда-то вдаль, на ряд шкафчиков. Я проследил ее взгляд и увидел Бекку Эррингтон, которая повисла на каком-то бейсболисте, как гирлянда на елке. Я улыбнулся Марго, хотя и понимал, что она меня все равно не видит.

— Старик, ты все же должен решиться. Забудь про Джейса. Боже, она же нереально сладкая зайка.

Мы шли по коридору, и я все бросал на нее украдкой взгляды, словно фотографируя: это была серия снимков под названием *«Совершенство неподвижно, а мимо него снуют простые смертные»*. Когда мы подошли поближе, я подумал, что она, может быть, вовсе не смеется, может, ее чем-то удивили или что-то ей подарили, или вроде того. Марго, похоже, просто не могла закрыть рот.

— Да, — ответил я Бену, по-прежнему не слушая его, поскольку был слишком занят: я старался ничего не упустить, но в то же время не хотел, чтобы кто-нибудь заметил, что я на нее глазею.

Дело даже не в том, что она очень красивая. Марго просто богиня в буквальном смысле этого слова. Мы прошли мимо нее, толпа между нами сгущалась, и я уже едва ее видел. Я так и не смог заговорить с ней и выяснить, что же ее насмешило-удивило. Бен покачал головой: он давно понял, что я от этой девчонки глаз не могу отвести, и уже привык.

— Нет, честно, она классная, конечно, но не *настолько*. Знаешь, кто по-настоящему секси?

— Кто? — спросил я.

— Лэйси, — ответил Бен, имея в виду еще одну лучшую подружку Марго. — И твоя мама тоже. Ты прости конечно же, но когда я сегодня увидел, как она тебя в щечку целует, я подумал: *«Господи, как жаль, что я не на его месте»*, честно тебе говорю. И еще: *«Как жаль, что щеки не на члене расположены»*.

Я двинул ему локтем под ребра, хотя думал все еще о Марго, поскольку именно она была легендой, жившей со мной по соседству. Марго Рот Шпигельман — все шесть слогов ее имени почти всегда произносились с легким налетом мечтательности. Марго Рот Шпигельман — рассказы о ее

эпических приключениях сотрясали всю школу, как землетрясение. Один старик, живший в полуразрушенном доме в Хот Кофи, Миссисипи, научил Марго играть на гитаре. Марго Рот Шпигельман в течение трех дней путешествовала с цирком — им показалось, что она сможет прекрасно выступать на трапедии. В Сент-Луисе Марго Рот Шпигельман выпила за кулисами чашку травяного чая с группой «Маллионеры», пока они сами хлестали виски. Марго Рот Шпигельман попала на тот концерт, соврав вышибалам, будто она подружка басиста: вы что, меня не узнаете, да, ребят, хватит прикалываться, я — Марго Рот Шпигельман, и если вы спросите самого басиста, он, как только меня увидит, скажет, что я его подружка, или что он оч-чень хочет, чтобы я ею стала; вышибала послушался, и басист действительно сказал: «Да, это моя девчонка, пустите ее на концерт», а потом, после выступления, он хотел с ней замутить, но она *отвергла басиста из «Маллионеров»*.

Когда кто-либо рассказывал о похождениях Марго, история непременно заканчивалась вопросом: «Блин, можешь в это поверить?» Зачастую поверить было невозможно, но потом всегда оказывалось, что это действительно правда.

И тут мы с Беном дошли до своих шкафчиков. Там стоял Радар, забивая что-то в наладонник.

— Значит, ты на выпускной собрался, — сказал я.

Он поднял взгляд на меня, а потом снова опустил его в экран.

— Я восстанавливаю испорченную статью в Мультипедии о бывшем премьер-министре Франции. Прошлой ночью кто-то удалил все, что там было, написав вместо этого: «Жак Ширак — пидар», — а это неверно ни фактически, ни с точки зрения английского языка.

Радар — ответственный редактор основанного им же сетевого справочника под названием Мультипедия, статьи в который могут писать и рядовые пользователи. Он посвящает этому проекту всего себя без остатка. Еще одна причина, по которой его решение пойти на выпускной меня крайне удивило.

— Значит, ты на выпускной собрался, — повторил я.

— Извини, — сказал он, продолжая смотреть в наладонник.

Все прекрасно знали, что я идти на выпускной не хочу. Меня это мероприятие совершенно не привлекало — ни медленные танцы, ни быстрые, ни платья, а уж как меня не привлекала перспектива брать в аренду парадный смокинг! Мне казалось, что это верный способ подхватить какую-нибудь жуткую заразу от его предыдущего носителя, а я совершенно не желал стать первым в мире девственником с лобковыми

вшами.

— Дружище, — сказал Радару Бен, — даже зайкам из девярых классов известно о моем кровавом прошлом.

Радар опустил свой наладонник и с сочувствием закивал.

— Так вот, — продолжал Бен, — у меня остается два варианта действий: либо нанять кого-нибудь за деньги на специальном сайте, либо слетать в Миссури и выкрасть там какую-нибудь зайку, выросшую на деревенских хлебах.

Я пытался объяснить Бену, что «зайка» — это сексизм и гадость, а не крутое ретро, как думает он, но Бен все равно от этого словечка не отказался. Он и мать свою зайкой называл. Видимо, это уже не исправить.

— Я спрошу Энджелу, может, она кого присоветует, — ответил Радар. — Хотя найти тебе пару на выпускной будет сложнее, чем свинец в золото превратить.

— Да, это будет тяжело. Тяжелее осмий-иридиевого сплава, — добавил я.

Радар в знак одобрения дважды стукнул кулаком по дверце шкафчика, а потом придумал еще один вариант:

— Бен, найти тебе пару на выпускной так трудно, что правительство Соединенных Штатов не видит возможности решить данный вопрос путем переговоров и считает нужным начать военные действия.

Пока я пытался выдумать что-нибудь еще на эту тему, мы вдруг все трое одновременно заметили, что в нашу сторону целеустремленно направляется контейнер анаболических стероидов в форме человеческого существа, известного под именем Чак Парсон. Чак даже не думал увлекаться спортивными играми — это отвлекло бы его от основной цели его жизни: он собирался заработать себе судимость за убийство.

— Эй, придурки, — начал он.

— Привет, Чак, — ответил я со всем подвластным мне на тот момент дружелюбием.

Чак нас по-крупному не беспокоил уже почти два года — кто-то в стане крутых издал указ, что нас надо оставить в покое. Так что странно было, что он вообще с нами заговорил.

Может, из-за того что я дерзнул ответить, обе его ручки с грохотом уперлись в шкафчики по обеим сторонам от меня. Лицо Чака оказалось так близко, что можно было даже попробовать угадать, какой зубной пастой он пользуется.

— Что тебе известно насчет Марго и Джейса?

— М-м, — ответил я.

И вспомнил все, что знал на эту тему: Джейс — первый и единственный настоящий парень Марго Рот Шпигельман. Они начали встречаться в конце прошлого учебного года. И в следующем году оба планировали учиться во Флоридском университете. Джейсу, как выдающемуся бейсболисту, даже давали стипендию. У нее дома он не бывал, только забирал ее, когда они шли куда-то вместе. По Марго нельзя было сказать, что он ей прямо сильно нравится, но по ней и нельзя было сказать, что ей всерьез нравится хоть кто-либо вообще.

— Ничего, — наконец ответил я.

— Не брешь, — прорычал он.

— Да я ее едва знаю, — сказал я, что к тому времени уже стало правдой.

Чак около минуты раздумывал над моим ответом, а я изо всех сил старался смотреть прямо в его близко посаженные глазки. Он едва заметно кивнул, потом оттолкнулся от ящиков и пошел на урок: у него в расписании значилось «Питание и уход за грудными мышцами». Прозвенел второй звонок. До начала занятий оставалась одна минута. У нас с Радаром была математика, а у Бена — физика. Классы располагались рядом, и мы пошли вместе, рассчитывая, что одноклассники дадут нам пройти, и толпа действительно расступалась.

И я сказал:

— Найти тебе пару на выпускной будет настолько нереально, что даже если тысяче обезьян дать тысячу пишущих машинок, вряд ли хоть одна и за целую тысячу лет напечатает: «*Я пойду с Беном*».

Бен не устоял и начал прикалываться над самим собой.

— Да, мои шансы ничтожны, меня даже бабушка Кью отвергла. Сказала, что ждет приглашения от Радара.

Радар неспешно закивал:

— Это верно, Кью. Она же у тебя любит «братьев».

Забывать о Чаке и трепаться о выпускном, на который я даже идти не хотел, было до обидного просто. Именно так тем утром все и складывалось: меня ничто особо не занимало, ни хорошее, ни плохое. Мы просто прикалывались, и дела на этом поприще шли довольно неплохо.

Следующие три часа я провел в разных классах, стараясь не смотреть на висящие над доской часы, но все же делал это и неизменно удивлялся, почему с прошлого раза пошло всего лишь несколько минут. У меня уже большой опыт: я смотрю на эти часы почти четыре года, но их медлительность не перестает удивлять. Если я когда-нибудь услышу, что

мне осталось жить один день, я проведу его в священных стенах школы Уинтер-парк, где, как всем известно, один день растягивается на целую тысячу лет.

Хотя я и был уверен в том, что третий урок будет длиться вечность, он все же закончился. И мы с Беном пошли в столовку. Радар обедал во время пятого урока, впрочем, как почти все наши общие друзья, так что мы с Беном обычно ели в одиночестве, только через пару стульев сидели знакомые ребята из драмкружка. В тот день мы оба выбрали мини-пиццу пепперони.

— Вкусно, — прокомментировал я.

Бен как-то задумчиво кивнул.

— Что такое? — поинтересовался я.

— Нифё, — сказал он с набитым ртом. Потом проглотил. — Я знаю, что тебе это кажется глупостью, но я хочу на выпускной.

— Первое: мне это не кажется глупостью. Второе: если хочешь идти — иди. Третье: если я не ошибаюсь, ты даже и не пробовал никого пригласить.

— Я на физике Кэсси Задкинс пригласил. Записку ей написал.

Я вопросительно поднял брови. Бен достал из кармана шортов сложенный много раз клочок бумаги. Я развернул.

Бен,

Я бы с радостью, но меня уже пригласил Фрэнк. Извини!

К.

Я свернул листок и толкнул его обратно через стол. Помню, мы тут как-то в футбол бумажным шариком играли.

— Отстойно, — сказал я.

— Да, что уж.

Я вдруг ощутил всю тяжесть столовского шума, мы сами какое-то время сидели молча, а потом Бен взглянул на меня и сказал крайне серьезно:

— Уж в колледже я оторвусь. Про меня в Книге рекордов Гиннесса напишут: «Столько заек не было больше ни у кого».

Я захохотал. И вспомнил о родителях Радара, о которых действительно было написано в Книге рекордов Гиннесса, но тут вдруг заметил, что к нам подошла хорошенькая афроамериканка с короткими, торчащими в разные стороны дредами. До меня дошло, что это Энджела,

подружка Радара — надо полагать.

— Привет, — сказала она, обращаясь ко мне.

— Привет, — ответил я.

Мы с ней на некоторые уроки ходили вместе, так что я ее немного знал, но раньше мы в коридоре даже не здоровались. Я жестом предложил ей сесть. Она быстро подтащила стул и поставила его во главе стола.

— Ребят, вы, наверное, знаете Маркуса лучше всех тут, — сказала она, назвав Радара по имени. Она наклонилась к нам, поставив локти на стол.

— Да, поганая обязанность, но кто-то же должен ее исполнять, — улыбаясь, ответил Бен.

— Как вы думаете, может, он, гм, меня стесняется?

Бен рассмеялся.

— Что? Нет, конечно, — ответил он.

— По сути, — добавил я, — это *ты* должна стесняться *его*.

Она улыбнулась и закатила глаза. Видно, что эта девчонка привыкла к комплиентам.

— Но он меня с собой никогда не зовет, когда вы идете куда-то вместе.

— А-а-а, — до меня наконец дошло. — Это потому что он *нас* стесняется.

Энджелу это заявление рассмешило.

— Вы вроде бы нормальные.

— Просто ты не видела, как Бен засасывает «Спрайт» носом, а потом выплевывает его изо рта, — пояснил я.

— Я — психбольной газировочный фонтан, — с невозмутимым видом добавил Бен.

— Нет, серьезно, вы бы разве не волновались, если бы с вами так себя вели? Мы уже пять недель встречаемся, а он меня даже к себе домой еще не приглашал.

Мы с Беном со знанием дела переглянулись, я изо всех сил напрягся, чтобы не заржать.

— Что такое? — не поняла она.

— Да ничего, — сказал я. — Энджела, честное слово, если бы он заставлял тебя тусоваться с нами и постоянно водил к себе домой...

— Тогда это бы значило, что ты ему точно *неприятна*, — закончил Бен.

— У него что, родители ненормальные?

Я и не знал, как ответить на такой вопрос по-честному.

— М-м, да нет. Они классные. Просто, наверное, чрезмерно стараются его от всего оберегать.

— Оберегать, ага, — как-то слишком поспешно подтвердил Бен.

Она улыбнулась и встала, сказав, что ей надо еще с кем-то поздороваться, пока обед не закончился.

Бен заговорил, только когда она отошла достаточно далеко:

— Она просто отпадная.

— Сам вижу, — согласился я. — Интересно, может, нам ее вместо Радара к себе взять?

— Ну, она, наверное, в компах не так рубит. А нам нужен человек, который в них разбирается. И в «Восстании», наверно, полный ноль. — [Это была наша любимая видеоигра.] — Кстати, — добавил Бен, — круто ты придумал насчет того, что предки его «оберегают».

— Ну, не мне же ей все рассказывать.

— Интересно, скоро ли она сама увидит Резиденцию и Музей Команды Радаров?

Наш перерыв уже почти закончился, мы с Беном поставили подносы на ленту. Ту самую ленту, на которую пару лет назад меня швырнул Чак Парсон, после чего она увезла мое брненное тело в чистилище, в котором в нашей школе мылась посуда. Мы направились к шкафчику Радара. Он прилетел прямо после первого звонка.

— Я на «Основах управления государством» пришел к выводу, что готов в прямом смысле, то есть буквально, отсосать у осла, если мне до конца семестра разрешат на них больше не ходить, — сообщил он.

— Да уж, ослиный член тебя основам управления научит, — ответил я. — Кстати, я тебе подкину еще один повод обедать с нами: сегодня к нам присоединилась Энджела.

Бен ухмыльнулся и добавил:

— Да, она интересовалась, почему ты ее домой еще ни разу не пригласил.

Набирая код на замке, Радар тяжело вздохнул. Он так долго выпускал из легких воздух, что я был готов к тому, что он может потерять сознание.

— Паршиво, — наконец высказался он.

— Тебя что-то смущает? — с улыбкой спросил я.

— Заткнись, — ответил он, пихнув меня локтем в живот.

— У тебя хороший дом, — не унимался я.

— Нет, серьезно, — добавил Бен, — она милая девчонка. Я не понимаю, почему бы тебе не познакомить ее с родителями и не показать ей Радар-хаус.

Радар забросил в шкафчик учебники и громко хлопнул дверцей. Даже

общий гул в коридоре ненадолго утих, когда он, посмотрев на небеса, возопил:

— Я НЕ ВИНОВАТ, ЧТО У МОИХ РОДИТЕЛЕЙ САМАЯ КРУПНАЯ В МИРЕ КОЛЛЕКЦИЯ ЧЕРНЫХ САНТА-КЛАУСОВ!

Я уже, наверное, в тысячный раз слышу эту фразу из уст Радара: «самая крупная в мире коллекция черных Санта-Клаусов» — но мне до сих пор жутко смешно. Все дело в том, что это еще и правда. Помню, как я пришел к нему впервые. Мне было лет тринадцать, наверное. Случилось это весной, через несколько месяцев после Рождества — но на всех подоконниках стояли чернокожие Санта-Клаусы. На перилах висели бумажные фигурки. Обеденный стол был украшен свечами в виде черных Санта-Клаусов. Над камином висела картина маслом на ту же тему, и сам камин был уставлен фигурками чернокожих Санта-Клаусов. Из Намибии родители Радара привезли автомат с конфетками в виде черного Санта-Клауса. Черный пластмассовый Санта с подсветкой, который со Дня благодарения до Нового года стоял во дворе возле почтового ящика, остальное время проводил в гостевой ванной — оклеенной обоями, декорированными Санта-Клаусами с помощью губки-трафарета и черной краски. И все комнаты — за исключением Радаровой — служили прибежищем многочисленным Сантам-неграм: пластмассовым, гипсовым, мраморным, глиняным, деревянным, резиновым, тряпичным. Всего их было тысяча двести штук. На их доме даже висела табличка, сообщающая, что по официальному признанию Сообщества любителей Рождества здесь живут истинные ценители.

— Чувак, ты должен ей признаться, — сказал я. — Просто скажи: «Энджела, ты мне очень нравишься, и ты должна кое-что обо мне знать: когда мы придем ко мне и начнем целоваться, на нас будут смотреть две тысячи четыреста глаз тысячи двухсот чернокожих Санта-Клаусов».

Радар провел рукой по своему ежику:

— Да, я с ней поговорю, хотя не уверен, что воспользуюсь твоей формулировкой.

Я пошел на «Основы управления государством», а Бен на свой дополнительный курс о дизайне видеоигр. Еще два урока я наблюдал за часами, а когда все наконец завершилось, мою душу переполнило облегчение: уже меньше чем через месяц школа останется позади, и кажется, что каждый день теперь проходит вхолостую.

Вернувшись домой, я съел два бутерброда с арахисовым маслом и вареньем. Потом посмотрел покер по ящику. В шесть вернулись родители,

обнялись сами и обняли меня. Потом у нас был настоящий ужин — макаронная запеканка. Они спросили, как школа. Потом подивились, как хорошо меня воспитали. Рассказали, что им пришлось целый день работать с людьми, которым достались не такие прекрасные родители, как мне. Потом они ушли смотреть телевизор, а я пошел к себе — проверить почту. Немного времени уделил английскому, работе на тему «Великого Гэтсби», почитал «Записки федералиста»^[1] в качестве подготовки к экзамену по «Основам управления государством». Початился с Беном, потом в сеть вышел и Радар. За время разговора фраза «самая крупная в мире коллекция черных Санта-Клаусов» использовалась им четырежды, и я каждый раз смеялся. Я сказал, что рад за него — ну, что у него подружка завелась. Он ответил, что лето наверняка получится отличное. Я согласился. Было пятое мая, но это ни о чем не говорило, потому что все мои дни отличались греющим душу сходством. Мне это всегда нравилось: рутина доставляла мне удовольствие. Я любил скучную жизнь. Меня этот факт не огорчал, он просто был фактом. Так что это вполне мог быть любой день, не обязательно пятое мая — точнее, любой до того самого момента, когда незадолго до полуночи Марго Рот Шпигельман открыла мое окно, в котором больше не было сетки. Впервые с тех пор как велела мне закрыть его девять лет назад.

Услышав, как открывается окно, я резко повернулся. На меня смотрели синие глаза Марго. Поначалу я только их и увидел, но, привыкнув к темноте, разглядел, что у нее на лице черный грим, а одета она в черную кофту с капюшоном.

— У тебя тут что, секс по Интернету?

— Я с Беном разговариваю.

— Это не ответ на мой вопрос, извращенец.

Я неловко засмеялся, потом подошел к окну, опустил на колени, и мое лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Марго. Я и предположить не мог, для чего вдруг она пришла ко мне вот так вот.

— Чем обязан? — поинтересовался я.

Мы с ней, наверное, все еще были в хороших отношениях, но не настолько хороших, чтобы притащиться среди ночи с черной краской на лице. Не сомневаюсь, что для этого у нее были друзья и поближе. Я — не из их числа.

— Хочу тачку твою взять, — объяснила она.

— У меня нет своей машины, — ответил я. Вообще это для меня была болезненная тема.

— Тогда — тачку твоей мамы.

— У тебя же своя есть, — напомнил я.

Марго сказала «пффф».

— Да, только предки забрали у меня ключи и спрятали в сейф, который стоит у них под кроватью, а в их комнате спит Мирна Маунтвизель. — [Так звали их собаку.] — А у нее случается сердечный приступ, как только она меня видит. Короче, я никак не могу туда пробраться, выкрасть сейф, вынуть ключи и поехать куда-нибудь на собственной тачке. Дело в первую очередь, в том, что, стоит мне приоткрыть дверь, как Мирна начнет брехать, словно полоумная. В общем, как я уже сказала, мне нужна машина. Более того, мне нужно, чтобы ее вел ты, потому что сегодня у меня по плану одиннадцать пунктов и для реализации по меньшей мере пяти из них мне требуется сообщник.

Если не смотреть на Марго пристально, от нее оставались лишь сверкающие в темноте глаза. Но я сконцентрировался и разглядел овал ее лица — грим оказался еще влажным. Скулы и подбородок образовывали треугольник, на черных как уголь губах едва обозначилась улыбка.

— Уголовно наказуемые пункты там есть?
— Гм. Напомни-ка, взлом и проникновение наказуемы?
— Нет, — твердо сказал я.
— «Нет» в смысле «не наказуемы» или ты отказываешься мне помочь?
— Отказываюсь. У тебя же вроде есть шестерки, из них тебя никто покатать не может?

Например, Лэйси и/или Бекка всегда были готовы ей услужить.

— Дело в том, что отчасти из-за них все эти проблемы и возникли, — объяснила Марго.

— Какие проблемы?

— Целых одиннадцать, — беспокойно напомнила она.

— Я закон нарушать не буду.

— Богом клянусь, тебе ничего противозаконного делать не придется.

В тот самый момент у дома Марго зажглись яркие фонари. Она мигом влетела в мое окно, перекувыркнувшись через подоконник, и закатилась под кровать. Через несколько секунд в патио показался ее отец.

— Марго! — кричал он. — Я тебя видел!

Из-под кровати донесся приглушенный вздох:

— О, господи. — Марго поспешно выбралась, вскочила и ответила ему: — Пап, ну хватит уже. Я просто с Квентином зашла поболтать. Ты же сам всегда говоришь, что он мог бы оказать на меня расчудесное влияние и все такое.

— Так ты просто болтаешь с Квентином?

— Да.

— А лицо почему черное?

Марго колебалась лишь тысячную долю секунды:

— Пап, для этого потребуется длинную историю рассказывать, а ты устал наверняка, так что иди...

— В дом! — громогласно рявкнул он. — Сию же минуту!

Марго схватила меня за майку, прошептала: «Вернусь через минуту», и полезла через окно.

Как только она ушла, я схватил со стола ключи от машины. *Ключи* — мои, а вот машина, к сожалению, не моя. На шестнадцатый день рождения родители подарили мне крошечную коробочку, я сразу же понял, что там ключи от тачки — и чуть не обделался от радости, поскольку они мне до этого неустанно твердили, что денег на машину для меня у них нет. Но когда мне вручили крохотную коробочку в обертке, я сразу понял, что они просто дурили мне голову, а теперь все же дарят мне тачку. Я сорвал

оберточную бумагу и открыл коробочку. Да, там, действительно, оказался ключ.

Пристально рассмотрев его, я понял, что он от «крайслера». От минивена. Того самого минивена компании «Крайслер», на котором ездила моя мама.

— Вы дарите мне ключ от твоей машины? — спросил я ее.

— Том, — сказала она отцу. — Я же говорила тебе, что он размечтается.

— Ой, не надо меня обвинять, — ответил отец, — ты просто пытаешься списать собственную фрустрацию на мой уровень дохода.

— Нет ли в твоей попытке наскоро проанализировать мое поведение некоторой скрытой агрессии?

— А нет ли скрытой агрессии в риторических обвинениях в скрытой агрессии по умолчанию? — возразил папа, и этот диалог затянулся еще на некоторое время.

Вкратце итог был таков: я мог наслаждаться крутизной одной из последних моделей фирмы «Крайслер» за исключением тех случаев, когда на минивене уезжала мама. А поскольку она каждый день с утра пораньше укатывала на работу, я мог на нем ездить только по выходным. Ну да, по выходным и среди ночи, будь оно неладно.

Марго отсутствовала дольше обещанной минуты, но не намного. Однако пока ее не было, я снова начал колебаться.

— Мне же завтра в школу идти, — сказал я ей.

— Да я знаю, — ответила Марго. — Завтра учебный день и послезавтра тоже, но если об этом много думать, девичьи мозги не выдержат. В общем, да. Завтра на уроки. Поэтому надо спешить, чтобы к утру успеть вернуться.

— Не знаю.

— Кью, — сказала она, — Кью, дорогой. Мы же с тобой старые друзья?

— Мы не друзья. Мы просто соседи.

— Господи, Кью. Я что, недостаточно хорошо к тебе отношусь? Разве я не велела своим мальчикам на побегушках быть с тобой помягче?

— Гм, — с сомнением ответил я, хотя всегда подозревал, что это именно благодаря Марго Чак Парсон и его дружки нас не трогают.

Она моргнула — оказалось, что у нее даже веки накрашены.

— Кью, пора идти.

Вот я и пошел. Выскользнув из окна, мы, пригибаясь, побежали вдоль

стены моего дома. Когда мы добрались до минивена, Марго шепотом велела мне не закрывать дверцы — слишком много шума. Я переключился на нейтраль, подтолкнул машину, и она покатилась по дорожке. Миновав два дома, я наконец завел двигатель и включил фары. Мы закрыли дверцы и поехали по серпантину бесконечности Джефферсон-парка; построенные тут домики до сих пор казались новехонькими пластмассовыми модельками, это была такая игрушечная деревенька, населенная десятками тысяч настоящих людей.

Марго заговорила:

— Дело в том, что на самом деле им *пофиг*, им просто кажется, будто мои выходки очерняют их в чьих-то там глазах. Ты вот знаешь, что он сейчас сказал? «Свою жизнь можешь портить сколько хочешь, не мое дело, но не ставь нас в неловкое положение перед Джейкобсенами — они наши друзья». Смехотворно просто. Ты не представляешь себе, какие препятствия они чинят, чтобы я из этого сраного дома не вышла. Помнишь, как в фильмах про побеги из тюрьмы скомканную одежду кладут под одеяло, чтобы сразу не заметили?

Я кивнул.

— Так вот, моя мама поставила в моей комнате радио-няню, чтобы слышать, как я ночью сплю-дышу. Мне пришлось дать Руфи пять баксов, чтобы она легла спать в моей комнате, а под ее одеяло я запихала кучу одежды. — [Руфи — это младшая сестренка Марго.] — Это, блин, хуже, чем «Миссия невыполнима». Раньше-то я могла сбежать просто так, как любой нормальный американский подросток — вылезти из окна и спрыгнуть с крыши. Но сейчас я как под гнетом фашизма живу.

— Так ты мне скажешь, чем займемся?

— Сначала едем в «Пабликс». Ты должен будешь закупить продуктов, зачем — позже объясню. А потом — в «Уолмарт».

— Мы что, по всем крупным торговым точкам центральной Флориды проедем? — спросил я.

— Сегодня, милый, мы компенсируем много зла, учиненного другими, и сами нанесем этим другим немного вреда. Первые станут последними, последние станут первыми, а кроткие немного земли унаследуют. Но прежде чем мы начнем творить радикальные перемены в мире, надо заехать в магазин.

Как раз в этот момент я подъезжал к «Пабликсу», на стоянке практически никого не было.

— Слушай, — спросила она, — сколько у тебя при себе денег?

— Ноль долларов ноль центов, — ответил я.

Я выключил двигатель и посмотрел на нее. Марго сунула руку в карман своих темных обтягивающих джинсов и вытащила несколько сотен.

— К счастью, мне Господь послал, — сказала она.

— Что это за фигня?

— Деньги на бат-мицву^[2] Руфи, блин. Мне их брать не разрешается, конечно, но я знаю родительский пароль, он у них один на всё: «mugnamountw3az3l». Так что я сняла.

Я принялся хлопать глазами, чтобы скрыть охвативший меня ужас, но она его все равно заметила и ухмыльнулась.

— По сути дела, — сказала Марго, — это будет самая лучшая ночь в твоей жизни.

Особенность моего общения с Марго Рот Шпигельман заключается в том, что я могу лишь слушать, как она говорит, а когда она замолкает, побуждать ее сказать что-нибудь еще, по тем причинам, что, во-первых, я, неоспоримо, в нее влюблен, во-вторых, она невероятна во всех отношениях, и в-третьих, она сама никогда ни о чем меня не спрашивает, так что избежать молчания можно, только задавая ей вопросы.

В общем, там, на стоянке «Пабликса», она сказала:

— Так, я составила тебе список. Если что будет не ясно, звони мне на мобильник. Кстати, да, я позволила себе сунуть кое-что в твой минивен заблаговременно.

— Что? Еще до того как я на все это подписался?

— Ну да. Формально так и есть. Короче, будут вопросы, звони, но вазелина бери большую банку, больше твоего кулака. Там есть такие баночки-малышки, есть баночки для мамочек чуть побольше, а есть серьезные банки для огромных жирных мужиков — вот нам надо такую. Если большой не будет, бери штуки три средних. — Марго вручила мне список и одну сотню, сказав: — Этого должно хватить.

Вот этот список.

3 целые Зубатки — в Отдельной упаковке
«Вит» (Это крем, чтобы ноги Брить, Только Без лезвия
В отделе Девчачьей косметики)
Вазелин
упаковка шесть банок, «Маунтин дью»
букет Тюльпанов
одна Бутылка Воды
Платочки
одна Банка синей краски, Спрей

— В интересных местах ты слова с большой буквы пишешь, — сказал я.

— Да, я серьезно верю, что заглавные буквы надо ставить где попало. Правила слишком несправедливы к словам, стоящим в середине.

Я не знаю, что полагается говорить кассирше, когда предстаешь перед

ней в полпервого ночи с тринадцатью фунтами зубатки, «Витом», огромной банкой вазелина, упаковкой «Маунтин дью», банкой синей краски и букетом тюльпанов.

Я сказал:

— Все, на самом деле, не так странно.

Женщина откашлялась и, не глядя на меня, пробормотала:

— Нет, все же странно.

— Я, правда, не хочу вляпаться в неприятности, — сказал я, вернувшись в минивен.

Марго в это время убирала с лица черный грим с помощью платочков и воды из бутылки. Получается, он был нужен только для того, чтобы выбраться из дома.

— Меня берут в Дьюк только с условием, что на мне не будет ни одного ареста.

— Кью, какой же ты нервный.

— Я лишь прошу: постарайся, чтобы у нас не было неприятностей, — сказал я. — Я, конечно, не прочь повеселиться и все дела, но не за счет моего, гм, будущего.

Марго подняла на меня взгляд — лицо было уже почти чистое — и едва заметно улыбнулась:

— Поразительно, неужели тебе вся эта ерунда реально небезразлична?

— Гм?

— Колледж: возьмут тебя туда или нет. Проблемы: возникнут они или нет. Школа: будут у тебя пятерки или тройки. Карьера: сделаешь ты ее или не сделаешь. Дом: большой или маленький. Деньги: есть или нет. Все это так тоскливо!

Я попытался возразить, сказать, что ей самой, очевидно, тоже не совсем наплевать на эти вопросы, она же и сама учится хорошо, и в университет приличный ее берут, да еще и на курс, куда поступают только ребята с выдающимися способностями.

Но Марго прозаично перебила:

— «Уол-март».

Туда мы пошли вместе и взяли «кочергу», так называют блокиратор руля машины. Когда мы шагали через детский отдел, я поинтересовался у Марго, зачем нам «кочерга».

Но вместо ответа на мой вопрос она произнесла очередной безумный монолог:

— Ты в курсе, что длительное время, то есть почти всю историю человечества, средняя продолжительность жизни составляла меньше тридцати лет? Получается, нормальная взрослая жизнь длилась лет десять, так? О пенсии вообще никто не задумывался. О карьере тоже. Никто вообще ничего *не планировал*. На это времени ни у кого не было. В смысле, на будущее. А потом вдруг продолжительность жизни принялась расти, у народа появилось будущее, и теперь люди почти все время только о нем и думают. О будущем, то есть. И вся жизнь получается как бы *там*. Ты делаешь что-то только ради будущего. Ты оканчиваешь школу — чтобы попасть в колледж, чтобы потом работа была получше, чтобы дом купить побольше, чтобы денег хватило своих детей в колледж отправить, чтобы и у них потом работа была получше, чтобы они могли дом купить побольше, чтобы и у них хватило денег своих детей отправить в колледж.

Мне казалось, что она несет эту чушь просто, чтобы не отвечать на заданный мной вопрос. Так что я спросил еще раз:

— Зачем нам «кочерга»?

Марго мягко похлопала меня по спине:

— Ты все поймешь раньше, чем наступит утро.

И тут Марго увидела клаксон. Как только она вынула его из коробки, я сразу же сказал:

— Нет!

А она спросила:

— Что значит «нет»?

— Это значит не надо дудеть в клаксон.

Но она начала сигналить, не успел я еще добраться до первой буквы «д» в слове «дудеть» — он завизжал так пронзительно, что у меня чуть не лопнула голова, а Марго говорит:

— Извини, я не расслышала. Что ты сказал?

Я ответил:

— Прекрати си...

И она снова меня заглушила.

Тут к нам подошел работник «Уол-марта», парнишка едва старше нас, и сказал:

— Послушайте, тут нельзя сигналить.

И Марго как будто бы даже искренне ответила:

— Простите, я не знала.

И он:

— Да все нормально. Я-то лично не против.

На этом разговор вроде бы закончился, но парень продолжал на нее

пялиться; я его, честно говоря, не виню: от Марго действительно сложно отвести взгляд.

Потом он спросил:

— Ты сегодня что делаешь?

— Да ничего особого, — ответила Марго. — А ты?

— У меня в час смена заканчивается, и я двину в бар в Орендже. Если есть желание, присоединяйся. Только брата твоего придется домой отправить, там документы строго проверяют.

Кого-кого?

— Я ей не брат, — сказал я, глядя на его кеды.

Но Марго приняла его игру.

— Он двоюродный, — соврала она.

Потом вдруг подошла ко мне бочком и обняла за талию — я каждый ее пальчик чувствовал. И тут вдруг она добавила:

— *И к тому же* мы любовники.

Парень выпучил глаза и ушел, но рука Марго на какое-то время задержалась у меня на поясе, и я, воспользовавшись случаем, тоже ее обнял.

— Я действительно люблю тебя больше других своих двоюродных сестер, — сообщил я. — Марго улыбнулась, легонько толкнула меня бедром и ловко выкрутилась из моих объятий.

— А то я не знаю.

Мы мчали по 1-4, которая, слава богу, оказалась пуста, я следовал указаниям Марго. Согласно часам на приборной панели, было 01:07.

— Красиво, да? — сказала она. Марго смотрела не на меня, а в окно, поэтому ее лица я почти не видел. — Мне нравится гонять на большой скорости в свете фонарей.

— Свет. Видимое напоминание о Свете Невидимом.

— Здорово, — похвалила Марго.

— Это Элиот. Ты же тоже читала. В прошлом году на английском проходили.

Я сам, честно говоря, весь стих не осилил, но куски, которые прочел, осели в памяти.

— А, так это цитата, — протянула она разочарованно.

Рука Марго лежала на центральной панели. Я тоже мог бы свою положить на центральную панель, и тогда наши руки оказались бы в одном месте в одно и то же время. Но я этого не сделал.

— Повтори-ка еще раз, — попросила она.

— Свет. Видимое напоминание о Свете Невидимом.

— Да. Черт, красиво все же сказано. Может, это и на твою подругу подействует.

— Бывшую подругу, — поправил я.

— Сьюзи тебя бросила? — спросила Марго.

— С чего ты взяла, что это *она* меня бросила?

— Ой, извини.

— Хотя так оно и было, — признался я, и Марго расхохоталась.

Мы разошлись уже несколько месяцев назад, но я не винил Марго за то, что она не следила за драмами в низших сословиях. То, что происходит в репетиционной, редко выплескивается за ее стены.

Марго положила на приборную панель ноги и принялась шевелить пальчиками в такт своим словам. В ее речи всегда слышался отчетливый ритм, как будто она стихи читала.

— Эх, ну да, жаль, конечно. Но я тебя понимаю. Мой красавчик, оказывается, уже давным-давно трахается с моей лучшей подружкой.

Я повернулся, но лицо Марго было закрыто волосами, и я не мог понять, не прикалывается ли она.

— Серьезно?

Она промолчала.

— Я же вас видел сегодня вместе, ты так весело смеялась.

— Не знаю, о чем ты. Мне стало об этом известно только сегодня, перед первым уроком, потом я вижу их: стоят, болтают, я разоралась как ненормальная, Бекка бросилась к Клинту Боэру в объятия, а Джейс встал, как идиот, рот разинул, и из него вонючие от табака слюни так и текут.

Да, значит, сцену в коридоре я интерпретировал неверно.

— Странно. Утром ко мне подкатил Чак Парсон с вопросом, что мне известно про тебя и Джейса.

— Ну, Чак, наверное, просто делает, что ему приказывают. Может, Джейс велел ему выяснить, кому об этом было известно.

— Господи, зачем ему Бекка-то понадобилась?

— Ну, интересной личностью или щедрой души человеком ее никто не считает, так что, наверное, просто потому что у него на нее стоит.

— Да она не красивее тебя, — вылетело у меня.

— Меня вообще всегда удивляло, что кто-то начинает с кем-то мутить только потому, что ему внешность нравится. Это все равно, что хлопья на завтрак не по вкусу выбирать, а по цвету упаковки. Кстати, нам до следующей развязки. Но я не то чтобы хорошенькая, по крайней мере, если с близкого расстояния смотреть. Как правило, чем ближе человек ко мне подходит, тем менее привлекательной я кажусь.

— Это... — начал было я.

— Да и фиг с ним, — оборвала она.

Мне показалось несправедливым, что козел вроде Джейсона Ворзингтона может заниматься сексом и с Марго, и с Беккой, в то время как у довольно-таки приятных людей вроде меня нет ни Марго, ни Бекки — да и вообще никого нет, если уж на то пошло. С другой стороны, я предпочитаю считать себя человеком, который не стал бы связываться с Беккой Эррингтон. Она хоть и сексапильная, но, первое — убийственно неинтересная, и второе — совершенная, неподдельная, отъявленная стерва. Мы с ребятами, которые тусуются в репетиционной, давно заподозрили, что у Бекки такая роскошная фигура потому, что она ничего не ест, кроме душ маленьких котят, а во сне видит только нищих сироток.

— Бекка, в общем-то, отстойная, — сказал я, пытаясь вернуться к этой теме.

— Да, — ответила Марго, глядя в окно.

Ее волосы блестели в свете фар встречных машин. Я вдруг подумал, не плачет ли она, но она практически тут же продемонстрировала, что я

ошибся, молниеносно натянув капюшон и вытащив «кочергу» из пакета.

— Ладно, мы все равно повеселимся, — воскликнула Марго, срывая упаковку.

— Мне все еще нельзя узнать, куда мы едем?

— К Бекке, — ответила она.

— Ох, — сказал я, останавливаясь перед знаком «стоп».

Я включил стояночный тормоз и собрался сообщить Марго, что отвезу ее домой.

— Никаких правонарушений. Слово даю. Надо найти тачку Джейса. Бекка живет на следующей улице справа, но он паркуется где-то в другом месте, потому что ее предки дома. Давай на параллельной посмотрим. Это первое, что в голову приходит.

— Ладно. Но потом — домой.

— Нет, потом — пункты со второго по одиннадцатый.

— Марго, это плохая идея.

— Поезжай, а, — сказала она, и я повиновался.

Мы нашли «лексус» Джейса в тупике в двух улицах от дома Бекки. Я даже остановиться окончательно не успел, а Марго уже выскочила с «кочергой» в руках. Она открыла водительскую дверь «лексуса», села за руль и принялась устанавливать «кочергу». А потом аккуратно захлопнула дверь.

— Этот придурок никогда тачку не закрывает, — буркнула Марго, забираясь обратно в мой минивен.

Ключ от «кочерги» она положила в карман. Потом взъерошила мне волосы.

— Часть первая выполнена. Теперь едем к Бекке.

По пути Марго посвятила меня во второй и третий пункты плана.

— Гениально, — признал я, хотя внутри у меня все бурлило от волнения.

Свернув на улицу, на которой жила Бекка, я остановился в двух домах от ее хором. Марго полезла за сиденья и вернулась с биноклем и цифровым фотоаппаратом. Она посмотрела в бинокль, потом дала его мне. Я увидел, что в подвале горит свет, но движения никакого не заметил. Я, в общем, очень удивился, что в доме вообще *есть* подвал — почти на всей территории Орlando раз копнул, и сразу вода.

Я достал из кармана свой телефон и набрал продиктованный Марго номер. Один гудок, второй, потом сонный голос произнес: «Алле».

— Мистер Эррингтон?

Марго хотела, чтобы позвонил именно я, потому что моего голоса

никто не узнает.

— Кто это? И сколько вообще времени?

— Сэр, думаю, вам следует знать, что в настоящий момент ваша дочь занимается сексом с Джейсоном Ворзингтоном в подвале вашего дома. — Я повесил трубку.

Пункт Второй: выполнен.

Мы с Марго выпрыгнули из минивена и, добежав до дома Бекки, легли на живот прямо у изгороди. Она отдала мне фотоаппарат. Загорелся свет в спальне наверху, потом на лестнице, потом в кухне. А потом наконец и на лестнице, ведущей в подвал.

— Вон он, — шепнула Марго.

Я понял, о чем она, только когда краем глаза заметил, как из подвального окна вылезает полуголый Джейсон Ворзингтон. Он понесся через газон в одних семейных трусах, и, когда достаточно приблизился ко мне, я подскочил и сфотографировал его, тем самым завершив и Третий Пункт. Вспышка фотоаппарата, полагаю, удивила нас обоих. Около секунды Джейсон напряженно смотрел в мою сторону, в эту секунду мои нервы накалились от напряжения, а потом бросился в темноту.

Марго подергала меня за штанину джинсов, я посмотрел вниз: она лыбилась, как полоумная. Я помог ей подняться, и мы побежали к машине. Когда я вставил ключ в замок зажигания, она сказала:

— Покажи фотку.

Я отдал ей фотоаппарат, и мы вместе уставились на экран, буквально соприкасаясь головами. Увидев бледное лицо Джейсона Ворзингтона, который явно был в шоке, я заржал.

— О, боже, — воскликнула Марго и ткнула в экран пальцем.

Похоже, Джейсон так спешил, что своего маленького дружка в трусы спрятать не успел, и у нас имелось цифровое изображение его достоинства, которое можно будет демонстрировать потомкам.

— Это можно назвать пенисом, — сказала Марго, — с такой же натяжкой, с какой Род-Айленд можно назвать штатом. Может, он чем-то там и знаменит, но очень уж крошечный.

Я снова посмотрел на дом и увидел, что свет в подвале больше не горит. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне немного даже жаль Джейсона: ему не повезло с пенисом, — такой крошечный — да еще и бывшая девушка гениальной мстительницей оказалась. Но, с другой стороны, в шестом классе Джейс пообещал, что не будет заламывать мне руки, если я съем червяка, я съел, а он мне по морде дал. Так что я не слишком долго ему сочувствовал.

Потом я повернулся к Марго: она смотрела на дом в бинокль.

— Теперь нам туда, — объявила она. — В подвал.

— Что? Зачем?

— Четвертый Пункт. Выкрасть его одежду, на случай если он попытается за ней вернуться. Пятый Пункт. Оставить Бекке рыбку.

— Нет.

— Да. И сейчас же, — сказала она. — На нее сейчас там, наверху, орут родители. Но длинная ли будет лекция? Что они ей могут сказать? «Нехорошо трахаться в подвале с парнем Марго». Все, одно предложение, по сути. Так что надо поторопиться.

И она выпрыгнула из машины с баллончиком краски в одной руке и с рыбиной в другой.

Я сказал шепотом:

— Это плохая идея, — но все равно пошел за ней, так же пригибаясь к земле, пока не добрался до незакрытого подвального окна.

— Я первая, — сказала Марго и полезла в окно ногами вперед.

Когда она уже наполовину скрылась в подвале, я спросил:

— Может, я просто на стреме постою?

— Нет, затаскивай свою тощую задницу сюда, — ответила она, и мне снова пришлось повиноваться.

Я быстро собрал всю мужскую одежду, валяющуюся на светло-лиловом ковре. Джинсы с кожаным ремнем, шлепки, бейсболку нашей школьной команды «Дикие коты», светло-голубую тенниску. Когда я повернулся к Марго, она сунула мне завернутую в бумагу рыбину и фиолетовую ручку с блестками, которую взяла у Бекки. И велела писать:

Послание от Марго Рот Шпигельман: вашу дружбу скормили
рыбам.

Марго завернула рыбину в шорты и спрятала ее в шкаф. Я вдруг услышал шаги наверху, похлопал Марго по плечу и уставился на нее, выпучив глаза. Но она лишь улыбнулась и неторопливо достала баллон с краской. Я полез в окно и, оказавшись снаружи, развернулся: Марго, опираясь о стол, спокойно встряхнула краску. А потом легким движением руки — как в фильмах про Зорро — вывела на стене над компьютерным столом Бекки букву «М».

Потом она протянула мне руки, и я вытащил ее из окна. Как только она оказалась на земле, мы услышали пронзительный вскрик: «АБРЦ!» Я поспешно схватил одежду и бросился наутек, Марго — за мной.

Я услышал, как распахнулась входная дверь Беккиного дома, но оборачиваться не стал, ни когда услышал громкое: «СТОЙ!», ни даже когда за спиной раздался выстрел.

Марго пробормотала: «Ружье» — но мне не показалось, что она из-за этого хоть как-то переживает, она как будто бы просто факт констатировала, — и я бросился через ограду головой вперед, решив не обегать ее сбоку. Не знаю, как я планировал приземляться, может, думал, что сальто получится сделать, но на самом деле рухнул на асфальт, упав на левое плечо. Слава богу, я плюхнулся на тряпки Джейса, которые хоть сколько-то смягчили удар.

Я выругался. Еще прежде чем я попытался встать сам, я почувствовал, что Марго пытается мне помочь, потом мы как-то оказались в машине, мне пришлось выезжать задним ходом с выключенными фарами — и я чуть не придавил почти что голого начинающего шорт-стопа из команды «Дикие коты». Бежал Джейс очень быстро, но, по-моему, как-то бесцельно. Когда мы проезжали мимо него, у меня случился еще один приступ жалости, который заставил меня приоткрыть окно и бросить в его сторону тенниску. К счастью, кажется, ни меня, ни Марго он не увидел, а минивен Джейс узнать не мог, потому что — не подумайте, конечно, что у меня это прямо такая уж больная тема — *в школу я на нем не езжу*.

— На фига ты это сделал? — спросила Марго, когда я включил фары — я уже ехал вперед, пытаюсь сориентироваться в лабиринте пригородных улиц.

— Мне жалко его стало.

— Его? За что? За то, что он изменял мне полтора месяца? Или за то, что он, может, дрянью какой-нибудь меня заразил? За то, что он мерзкий дебил, который всю свою жизнь будет незаслуженно счастлив и богат, являя собой пример вселенской несправедливости?

— Да он просто мне таким несчастным показался, — ответил я.

— Ну и ладно. Теперь едем к Карин. На Пенсильвания-стрит, у «Эй-Би-Си Ликорс».

— Не злись на меня, — сказал я. — В меня стреляли, черт возьми, за то, что я тебе помогал, так что не злись.

— Я НЕ ЗЛЮСЬ НА ТЕБЯ! — заорала Марго, а потом долбанула по приборной панели.

— Ну, судя по тону голоса...

— Я надеялась, что вдруг... ну, может, он мне не изменяет.

— Ой.

— Мне Карин рассказала. Я так полагаю, многим уже давно было

известно. Но до нее мне никто не говорил. Я подумала, что, может, она просто решила воду взбаламутить.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— Ага. Блин, поверить не могу, неужели мне не пофиг.

— У меня сердце просто бешено колотится, — сообщил я.

— Это верный признак того, что тебе весело, — ответила Марго.

Но мне не казалось, что это весело, мне казалось, что у меня сердечный приступ. Я заехал на стоянку «Севен-Элевена» и прижал палец к яремной вене, глядя, как на часах мигает «:». Посмотрев на Марго, я увидел ее возмущенный взгляд.

— У меня сердцебиение слишком учащенное, — объяснил я.

— Да, я сама даже не припомню, когда меня в последний раз что-то так же взбудоражило. Адреналин прямо в горле, легкие расширяются.

— Вдыхай через нос, выдыхай через рот, — посоветовал я.

— Все твои мелкие страхи, это так...

— Мило?

— Это такие вещи принято называть инфантилизмом? — с улыбкой спросила она.

Марго снова слезила назад и вернулась с сумочкой. «Сколько у нее там барахла?» — подумал я. Она извлекла из сумочки пузырек лака для ногтей — он был такого густого красного цвета, что казался практически черным.

— Пока ты будешь в себя приходить, я ногти крашу, — сообщила она, улыбаясь из-под челки. — Можешь не спешить.

Какое-то время мы так и сидели: она с пузырьком лака на приборной панели, я — с дрожащим пальцем на вене. Мне нравился этот цвет лака, а у Марго были красивые пальцы, очень тонкие, в отличие от всего остального: в других местах изгибы ее тела были плавными. Я думал, как хорошо было бы сплестись с ней пальцами. Вспомнил, как она положила мне руку на бедро в «Уол-марте» — казалось, что это было уже несколько дней назад. Пульс потихоньку стал замедляться. Я попытался убедить себя в том, что Марго права. Мне нечего бояться, в таком маленьком городке в такую тихую ночь.

— Пункт Шесть, — объявила Марго, как только мы двинулись дальше. Ее пальчики прыгали в воздухе, будто она играла на пианино. — Оставим у двери дома Карин цветы и записку с извинениями.

— Что ты ей сделала?

— Ну, когда она рассказала мне про Джейса, я последовала традиции убивать гонца, принесшего дурную весть.

— В смысле?

Мы остановились на светофоре, а рядом встала спортивная тачка с молодыми ребятами, мотор «крайслера» ревел, я словно собирался принять участие в гонках. Нет, если бы я надавил на газ, двигатель лишь жалобно бы заскулил.

— Ну, я точно не помню, как именно я ее назвала, но что-то в духе «сопливая, тошнотная, тупая сука с прыщавой спиной, кривыми зубами, толстой жопой и самой ужасной во всей центральной Флориде прической». Ну, в общем, я немало наговорила.

— У нее действительно прическа какая-то дурацкая, — согласился я.

— Знаю. Но только это во всей моей тираде и было правдой. Когда обзываешь кого-нибудь, ни в коем случае не говори правды, потому что после этого сложно по-честному взять свои слова обратно, понимаешь? Ну, есть перышки, есть мелирование, а есть полосы, как у скунсов.

Когда я подъезжал к дому Карин, Марго снова полезла за сиденья и достала букет тюльпанов. К стеблю одного из них она скотчем прикрепила записку, сложив ее конвертиком. Как только я остановил машину, она отдала цветы мне, я по дорожке долетел до двери Карин, положил цветы и убежал обратно.

— Пункт Семь, — сказала она, когда я снова сел за руль, — отвезти рыбу милому мистеру Ворзингтону.

— Его, наверное, еще нет дома, — предположил я, и в моем голосе снова послышался легкий намек на жалость.

— Я надеюсь, что через недельку копы найдут его в какой-нибудь придорожной канаве: босого, обезумевшего и голого, — бесстрастно ответила Марго.

— Почаще напоминай мне никогда не переходить дорогу Марго Рот Шпигельман, — буркнул я, и она рассмеялась.

— Да, все серьезно. Мы найдем на наших врагов настоящую бурю.
— На твоих врагов, — поправил я.
— Посмотрим, — поспешно ответила она, а потом вся встрепенулась и добавила: — Так, это я сама. У Джейсона очень хорошая охранная система. Еще один приступ панического расстройства нам не к чему.
— Гм, — ответил я.

Джейсон жил на той же улице, что и Карин, в супербогатом районе под названием «Касавилла». Там все дома в испанском стиле, красная черепица на крышах и все дела, только строили их не испанцы. А сам отец Джейсона — один из самых богатых застройщиков во Флориде.

— Огромные кошмарные дома для жирных уродов, — сказал я, когда мы въехали в Касавиллу.

— Да уж. Если я когда-нибудь буду жить в доме с семьей спальнями для семьи из трех человек, сделай одолжение и пристрели меня.

Мы остановились перед домом Джейсона, архитектурным монстром, похожим на гигантскую копию испанского ранчо, к которому зачем-то пристроили три дорические колонны. Марго взяла вторую рыбину, зубами сняла колпачок с ручки и накарябала так, что на ее почерк было совсем непохоже:

Любовь МШ Скормили рыбам.

— Не глуши мотор, — велела она и надела бейсболку Джейсона козырьком назад.

— Хорошо, — согласился я.

— Будь готов, — добавила Марго.

— Хорошо, — снова сказал я, почувствовав, что у меня опять участилось сердцебиение.

Вдох через нос, выдох через рот, вдох через нос, выдох через рот. Держа в руках рыбу и баллончик с краской, Марго распахнула дверь и бегом бросилась через огромный газон Ворзингтонов, потом спряталась за дубом. Она помахала мне рукой, я тоже помахал в ответ, потом она устрашающе глубоко вдохнула, надула щеки и выдохнула, снова повернулась к дому и бросилась вперед.

Но она успела сделать всего шаг, как вспыхнули огни, будто на городской елке, и завывала сирена. У меня мелькнула мысль о том, чтобы бросить Марго на произвол судьбы, но я все же остался на месте, вдыхая через нос, выдыхая через рот — а она упорно бежала к дому. Она

швырнула рыбину в окно, но сигнализация визжала так громко, что звук бьющегося стекла я едва расслышал. А потом она — это же Марго Рот Шпигельман — аккуратно вывела букву «М» на неразбившейся части окна. И только после этого кинулась к машине, а я одну ногу держал над педалью газа, вторую — над педалью тормоза, и «крайслер» в тот момент стал настоящим породистым скакуном. Марго летела так быстро, что с нее соскочила бейсболка, а потом она запрыгнула в тачку, и я сорвался с места даже раньше, чем она закрыла дверцу.

Я притормозил у знака «стоп» в конце улицы, и Марго тут же запротестовала:

— Какого черта? Вперед, вперед, вперед.

— А, ну да. — Я уже забыл, что предосторожности в ту ночь — выброшенное на ветер время.

Все три остальных знака «стоп» в Касавилле я проехал без остановки и уже выехал на Пенсильвания-авеню, когда мимо нас пролетела полицейская тачка с включенной мигалкой.

— Блин, это было жестковато, — сказала Марго, — даже для меня. Используя твою шкалу накала страстей, у меня тоже слегка участился пульс.

— Боже мой, неужели ты не могла оставить ему рыбу в машине? Или у двери хотя бы?

— Блин, Кью, мы бурю на них должны наслать, а не прерывистые дожди.

— Умоляю, скажи мне, что Пункт Восьмой не такой ужасный.

— Не волнуйся. Восьмой — просто ребячество. Едем обратно в Джефферсон-парк. К Лэйси. Ты ведь знаешь, где она живет?

Я, действительно, знал, хотя видит Господь, Лэйси Пембертон никогда в жизни не снизошла бы до того, чтобы пригласить меня к себе. Она жила с противоположной стороны Джефферсон-парка, в миле от меня, в хорошей квартире над магазином канцтоваров — в том самом квартале, где когда-то жил тот мертвый мужик. Я бывал в этом доме, на третьем этаже, у друзей моих родителей. И я знал, что сам дом стоит за двумя заборами с закрытыми калитками. Я понимал, что туда не залезть даже Марго Рот Шпигельман.

— Лэйси себя хорошо вела или плохо? — спросил я.

— Лэйси — о, однозначно плохо, — ответила Марго. Она опять смотрела в боковое окно и говорила, не глядя на меня, так что я едва ее слышал. — Вообще-то мы с ней с детского сада дружили.

— И?

— Она мне про Джейса не сказала. Но дело не только в этом. Я подумала и поняла, что она — просто ужасная подруга. Ну, вот например, как тебе кажется, я жирная?

— Бог мой, нет, конечно, — ответил я. — Ты... — Я хотел сказать: «... не тощая, но в этом же и заключается твоя красота, в том, что ты на пацана не похожа», но сдержался. — Ну, у тебя нет лишнего веса.

Она захохотала и махнула рукой, добавив:

— Да тебе просто нравится моя огромная задница.

Я на секунду отвлекся от дороги и посмотрел на Марго, чего делать не следовало, потому что она прочла все по моему лицу, на котором было написано: первое — я бы не назвал ее *огромной*; второе — она действительно довольно привлекательна. Но дело не только в этом. Ведь личность Марго неотделима от тела Марго. Невозможно видеть только что-то одно. Например, ты смотришь в ее глаза и видишь их синеву, а в синеве — саму Марго. В конечном счете нельзя сказать, что Марго Рот Шпигельман жирная или тощая, это все равно, что говорить, что Эйфелева башня — одинокая. Или не одинокая. Красота Марго — закрытый сосуд совершенства, который не имеет и не может иметь каких-либо изъянов.

— Но она всегда какие-то шпильки отпускает, — продолжила Марго. — «Я бы дала тебе эти шорты поносить, но на тебе, наверное, они будут не очень смотреться». Или: «Какая же ты дерзкая, я восхищаюсь, как ты заставляешь пацанов влюбляться в тебя исключительно за твой характер». Она все время на меня наезжает по-тихому. Я даже вспомнить не могу, когда она что-то обо мне без наезжания говорила.

— Без наезда.

— Спасибо большое, Занудный МакПрофессор Филоматики.

— Филологии.

— Бог мой, я тебя сейчас убью! — Марго смеялась.

Я обогнул Джефферсон-парк по периметру, чтобы не проезжать мимо наших с ней домов, на случай если вдруг наши предки встали и обнаружили, что нас нет. Мы проехали вдоль озера (Лейк Джефферсон), потом через Джефферсон-корт и оказались в типа «деловом центре» Джефферсон-парка, который пугал своей пустотой и тишиной. Перед японским рестораном мы увидели черный джип Лэйси. Мы остановились в нескольких домах поодаль, специально отыскав местечко без фонаря.

— Подай мне, пожалуйста, последнюю рыбину, — попросила Марго.

Я был рад от нее избавиться, потому что она уже начала вонять. Марго своим нормальным почерком написала на обертке:

твою дружбу С мш Скормили рыбам.

Мы шли, петляя, чтобы не попадать под фонари, стараясь при этом делать вид, что просто прогуливаемся, — насколько это возможно, когда у одного (у Марго) в руках огромная, завернутая в бумагу, рыбина, а у другого (у меня) баллончик с синей краской. Залаяла собака, мы оба замерли, но вскоре все стихло, и мы добрались до тачки Лэйси.

— Тут все не так просто, — объявила Марго, обнаружив, что машина заперта.

Она извлекла из кармана кусок проволоки, которая некогда была плечиками. Быстрее чем за минуту она вскрыла замок. На меня ее мастерство произвело должное впечатление.

Марго залезла на водительское сиденье и открыла мне пассажирскую дверь.

— Помоги мне, — прошептала она.

Вдвоем мы подняли заднее сиденье. Марго бросила туда рыбину, потом досчитала до трех, мы одновременно выпустили сиденье из рук, и оно раздавило рыбу. Я услышал, с каким жутким звуком лопнули зубаткины кишки. Я позволил себе пофантазировать на тему, как будет пахнуть в джипе после того, как он денек постоит на солнышке, и, признаю, меня охватило настоящее благоговение.

Потом Марго попросила:

— Нарисуй «М» за меня на крыше.

Я раздумывал над этим меньше секунды: кивнув, я взобрался на задний бампер, наклонился и быстро вывел гигантскую «М» на крыше джипа. Я вообще-то плохо отношусь к вандализму. Но еще хуже я отношусь к Лэйси Пембертон — и это пересилило. Я спрыгнул с машины и бросился бежать по темной улице — едва дыша — обратно к минивену. Положив руки на руль, я увидел свой указательный палец — он был синим. Я поднял его, показывая Марго. Она улыбнулась и показала мне свой синий палец, а потом коснулась им моего. Я чувствовал прикосновение ее нежной синей кожи, и мой пульс отказался замедляться.

После довольно длительной паузы Марго сказала:

— Пункт Девятый — в центр.

Было 02:49. Никогда еще в своей жизни я не чувствовал себя таким бодрым.

Туристы в деловой центр Орlando никогда не ходят, потому что там ничего нет, только несколько небоскребов, принадлежащих банкам и страховым компаниям. Ночью и по выходным там вообще не бывает людей, разве что ничтожная кучка ничтожно жалких посетителей какого-нибудь ночного клуба. Пока я под руководством Марго вел машину по лабиринту улиц с односторонним движением, я заметил несколько человек, лежащих прямо на тротуаре или сидящих на скамейках, но все они спали. Марго открыла окно, и в машину ворвался тяжелый, теплый воздух — было как-то не по-ночному жарко. Ветер взъерошил ее соломенные волосы, набросил пряди на лицо. Даже несмотря на ее присутствие, среди этих огромных, пустых зданий я чувствовал себя одиноко, как будто наступил конец света, а я один выжил, и мир теперь принадлежит мне, весь этот огромный, бесконечный и волнующий мир — мой, и я — его исследователь.

— Мы просто так что ли катаемся? — поинтересовался я.

— Нет, — ответила она. — Я пытаюсь найти здание «Сан-Траста». Оно рядом со «Спаржей».

— А, — я в кои-то веки мог сказать что-то по делу, — это на юге.

Я проехал несколько поворотов, а потом свернул. Марго обрадовалась: перед нами действительно была «Спаржа».

Это, в общем-то, не стебель спаржи, и даже не из спаржи сделано. Это скульптура, жутко похожая на тридцатифутовую спаржу, хотя ее еще сравнивают с:

первое: зеленым стеклянным стеблем какого-то бобового;

второе: абстрактным деревом;

третье: монументом Вашингтона, только стеклянное, зеленее и еще страшнее;

четвертое: зеленым великанским фаллосом зеленого великана.

В общем, на «Башню Света» (официальное название скульптуры) это совершенно непохоже. Я остановился перед стояночным счетчиком и повернулся к Марго. Она смотрела вперед, вникуда, за «Спаржу» — я лишь на миг уловил этот пустой взгляд. И впервые подумал, что с ней может быть что-то не так. Не одно только «мой парень козел», а посерьезней. Мне следовало сказать что-нибудь. Конечно же. Надо было сказать ей сначала

одно, потом другое, потом третье. Но я сказал только это:

— Можно спросить, зачем ты меня к «Спарже» привезла?

Марго повернулась ко мне и улыбнулась. С ее красотой даже фальшивая улыбка выглядит убедительно.

— Надо проверить, как успехи. Лучше всего это делать с высоты «СанТраста».

Я закатил глаза:

— Ну нет. Ни в коем случае. Ты обещала без взломов и проникновений.

— А взлома не будет. Мы так проникнем. Там есть незапертая дверь.

— Марго, это смешно. Ко...

— Я признаю, что в течение сегодняшней ночи взломы и проникновения уже были. Мы проникли к Бекке. Взлом был у Джейса. И тут снова будет просто проникновение. Взлома и проникновения одновременно не было. Да, нас могут обвинить и во взломе, и в проникновении, но во «взломе с проникновением» — нет. Так что, считай, я свое обещание сдержала.

— Я не сомневаюсь, что у них тут охрана или что там, — ответил я.

— Есть охранник, — сказала она, отстегивая ремень безопасности. — Конечно же, как без этого. Его зовут Газ.

Мы вошли прямо в парадную дверь. За огромным полукруглым столом сидел молодой человек в форме охранника, которому, видимо, сильно хотелось отрастить эспаньолку, но не очень получалось.

— Привет, Марго, — поздоровался он.

— Как жизнь, Газ? — ответила она.

— А это что за пацан?

МНЕ СТОЛЬКО ЖЕ ЛЕТ, СКОЛЬКО И ЕЙ! — хотелось крикнуть мне, но я предоставил право вести переговоры Марго.

— Это мой коллега Кью. Кью, познакомься, это Газ.

— Как дела, Кью? — спросил он.

Знаешь, мы тут катаемся, разбрасываем по всему городу дохлую рыбу, бьем окна, фотографируем голых пацанов, врываемся в деловой небоскреб в пятнадцать минут четвертого утра и все такое.

— Нормально, — ответил я.

— Лифты на ночь выключаются, — сказал Газ. — Пришлось в три вырубить. Но можете подняться по лестнице.

— Круто. Ну, тогда до скорого, Газ.

— До скорого, Марго.

— Офигеть, откуда ты знаешь охранника из небоскреба «СанТраста»? — спросил я через некоторое время, когда мы уже шли по лестнице.

— Он учился в нашей школе, окончил ее в прошлом году, — ответила она. — Давай поторопимся, о'кей? Часики-то тикают.

Марго помчалась вверх, перепрыгивая через ступеньки и держась рукой за перила, я старался не отставать, но не получалось. Моя соседка спортивными играми не увлекалась, но любила бегать — я иногда видел ее в Джефферсон-парке, одну, с плеером. А я бегать не любил. Вообще любой физической активности я старался избегать. Но в ту ночь я пыхтел изо всех сил, вытирая со лба пот и стараясь не обращать внимания на горящие огнем ноги. Когда я добрался до двадцать пятого этажа, Марго ожидала меня на площадке.

— Зацени, — сказала она, открыла ведущую с лестницы дверь, и мы оказались в огромной комнате с длинным столом — как две тачки — и окнами во всю стену. — Это зал заседаний, — сообщила Марго. — Отсюда самый лучший вид.

Я пошел за ней вдоль окон.

— Так, вон там, — она показала пальцем, — Джефферсон-парк. Дома наши видишь? Свет не горит, хорошо. — Она прошла чуть дальше. — Вон дом Джейса. Тоже темно, копов уже нет. Тоже отлично, хотя может означать, что и сам он уже до дома добрался, что для нас нежелательно.

Дом Бекки был слишком далеко, и увидеть его оттуда мы не могли.

Какое-то время Марго молчала, а потом подошла к стеклу и прижалась к нему лбом. Я сделал шаг назад, но она схватила меня за майку и потянула вперед. Я боялся, что стекло нашего совместного веса не выдержит, но Марго не сдавалась, и, ощутив, как ее кулак уперся мне в бок, я все-таки приложил лоб к стеклу — как можно аккуратнее. И осмотрелся.

Сверху было видно, что Орlando очень хорошо освещен. Прямо под нами, на перекрестке, был знак, запрещающий переход дороги, во все стороны безупречной сеткой разбегались фонари — до извилистых улиц и многочисленных тупиков бесконечных жилых районов.

— Красота, — сказал я.

Марго усмехнулась:

— Да ну? Ты серьезно так считаешь?

— Ну, может, и нет, — сказал я, хотя мне все же нравилось.

Из окна самолета Орlando был похож на конструкцию из «ЛЕГО» в океане зелени. А с такой высоты и ночью он казался настоящим городом —

и я его как будто видел впервые. Я прошел по конференц-залу, потом зашел и в другие кабинеты на том же этаже и рассмотрел весь город: вон школа. Вон Джефферсон-парк. Вон там вдалеке — Диснейуорлд. Вон аквапарк «Морской Мир». Вон «Севен-Эleven», около которого Марго красила ногти, пока я пытался отдышаться. Там был мой мир, и я мог осмотреть его весь с одного этажа.

— Посерьезней впечатление, — сказал я вслух. — Ну, с такой высоты. Незаметно, какое все на самом деле уже потертое, понимаешь? Не видишь ни ржавчины, ни сорняков, ни потрескавшейся краски. Все выглядит как на проекте еще до постройки.

— Вблизи всё уродливее, — согласилась Марго.

— Нет, к тебе это не относится, — сказал я, опять не подумав.

Она продолжала стоять, прижавшись лбом к стеклу, но чуть-чуть повернула ко мне голову и улыбнулась:

— Дам тебе совет. Более привлекательны уверенные в себе люди. А неуверенные — менее. — И прежде чем я придумал, что ответить, она опять опустила взгляд вниз и снова заговорила: — Вот что некрасиво: да, ты отсюда не видишь ни ржавчины, ни потрескавшейся краски, ни чего-то там еще, но зато видишь весь город, как он есть. Насколько он фальшивый. Такой из пластмассы нетрудно сделать. Или из бумаги вырезать. Ну посмотри, Кью: все эти тупики, улицы, которые замыкаются сами на себя, все эти постройки-временки. В бумажных домишках живут бумажные людишки и отапливают их собственным будущим. Бумажные дети хлещут пиво, купленное им каким-нибудь бомжом в бумажном гастрономе. И все помешаны на том, как бы занять побольше барахла. А барахло все тонкое и брэнное, как бумага. И люди такие же. Я уже восемнадцать лет живу в этом городе и еще не встретила ни одного человека, который ценил бы что-нибудь стоящее.

— Я постараюсь это на собственный счет не принимать, — сказал я.

Мы оба смотрели в чернильно-темную даль, на тупики и участки в десять соток. Но ее плечо касалось моего, локоть тоже, и хотя я на Марго даже не смотрел, а стоял, прижимаясь к стеклу, мне казалось, будто я прижимаюсь к ней.

— Извини, — добавила она. — Может, все было бы иначе, если бы я тусила с тобой, а не с... ох. Господи. Я так себе противна из-за того, что эти мои так называемые друзья мне небезразличны. Ну вот, да будет тебе известно, я не то чтобы дико расстроена из-за Джейсона. Или из-за Бекки. Или даже из-за Лэйси, хотя к ней у меня были очень теплые чувства. Но просто последняя нитка оборвалась. Тонюсенькая конечно же, но она у

меня единственная оставалась. А ведь каждой бумажной девчонке нужна хотя бы одна ниточка, так?

И я сказал следующее. Я сказал:

— Мы будем рады, если завтра ты пойдешь обедать с нами.

— Это мило, — едва слышно ответила Марго.

Потом она повернулась ко мне и легонько кивнула. Я улыбнулся. И она улыбнулась. Я в эту улыбку поверил. Потом мы снова вышли на лестницу и побежали. Внизу каждого пролета, спрыгивая с последней ступеньки, я щелкал каблуками, чтобы рассмешить ее, и она смеялась. Я думал, что я ее утешаю. Я думал, что она утешна. Я думал, что если смогу быть увереннее, у нас что-то получится.

Но я ошибся.

Мы сели в минивен, я вставил ключ и, прежде чем завести мотор, спросил:

— А во сколько, кстати, твои просыпаются?

— Не знаю, где-то в начале седьмого.

На часах было 03:51.

— То есть у нас еще больше двух часов, а выполнено уже девять пунктов.

— Знаю, но я под конец самое трудное оставила. Но мы все сделаем. Пункт Десятый — жертву выбирает Кью.

— Что?

— Наказание я уже придумала. А ты решай, кому именно мы обрушим бурю своего гнева.

— На кого именно мы обрушим бурю своего гнева, — поправил я, а Марго с презрением покачала головой. — Да и к тому же мне не на кого бурю своего гнева обрушивать, — добавил я, и это было правдой.

Мне всегда казалось, что враги есть только у значительных людей. Например, заглянем в историю: у Германии было больше врагов, чем у Люксембурга. Марго Рот Шпигельман была Германией. И Великобританией. И Соединенными Штатами. И Россией. А я — Люксембург. Я сижу на месте, пасу овец и пою йодлем.

— А Чак?

— Гм.

Чак Парсон действительно непрестанно меня изводил, пока его не взяли в узду. Тот случай, когда он бросил меня на ленту в столовке, был не единственным. Однажды он поймал меня на автобусной остановке и принялся выкручивать руку, повторяя: «Скажи, что ты пидор». Это у него было универсальное ругательство, типа «я всего двенадцать слов знаю, на разнообразие в оскорблениях не рассчитывай». Хотя это и выглядело до смешного по-детски, мне все же пришлось сказать, что я пидор, что было довольно-таки неприятно, поскольку, первое: мне кажется, так вообще никого не следует называть, уж особенно меня, потому что, второе: по факту я не голубой, и, более того, третье: Чак Парсон преподносил это так, будто назвать себя пидором — самое страшное унижение на свете, хотя ничего такого стыдного в нестандартной ориентации нет, что я и пытался ему втолковать, пока он выкручивал мою руку так, что даже лопатка

топорщилась, но он все не унимался: «Если ты гордишься тем, что ты пидор, почему же не признаешься, что ты пидор, а, пидор?»

Аристотелевскими способностями по части логики Чак Парсон явно не отличался. Но зато в нем было шесть футов три дюйма роста и двести семьдесят фунтов веса, а это уже кое-что значит.

— Да, Чака есть за что наказать, — согласился я, завел двигатель и поехал в сторону шоссе. Я не знал, куда нам дальше, но в центре явно больше делать было нечего.

— А помнишь школу танцев? — спросила Марго. — Я сегодня как раз об этом думала.

— Ага. Да уж.

— Кстати, я извиниться хотела. Не знаю, почему я вдруг стала ему подыгрывать.

— Ладно. Все нормально, — ответил я, но все же воспоминания об этой проклятой школе меня разозлили, так что я добавил: — Хорошо. Чак Парсон. Ты в курсе, где он живет?

— Я знала, что смогу разбудить в тебе мстителя. В Колледж-парке. Сворачивай в Принстоне.

Завернув на пандус шоссе, я надавил на газ.

— Эй, эй, смотри не сломай свой «крайслер», — сказала Марго.

В шестом классе некоторых, включая Марго, Чака и меня, родители заставили ходить на бальные танцы в Школу Унижения, Деградации и Танцев. Происходило все вот как: мальчиков ставили у одной стены, девочек — у другой, противоположной, и по команде учительницы мы должны были подойти к девочкам и сказать: «Позвольте пригласить вас на танец». А девочка должна была ответить: «Пожалуйста». Им *не разрешалось* отказывать. Но однажды — когда мы разучивали фокстрот, — Чак Парсон подговорил всех девчонок сказать мне «нет». Этот его запрет касался одного меня. Я подхожу к Мэри Бет Шортц и говорю: «Позвольте пригласить вас на танец», а она отказывается. Потом я приглашаю вторую, третью, потом Марго, потом еще одну — все они сказали мне «нет», и я расплакался.

Хуже, чем быть отвергнутым всеми в школе танцев, может быть только одно: рыдать из-за этого. А хуже этого — только подойти к учительнице и пожаловаться сквозь слезы: «Девочки не хотят со мной танцевать, хотя это *неправилам*». А я конечно же пожаловался, и все годы средней школы прошли под знаком стыда за тот ужасный инцидент. В общем, короче говоря, из-за Чака Парсона я больше не танцую фокстрот, что, по сути, не

такая уж большая печаль. Я уже перестал злиться на него, я забыл про тот случай, как и про все остальные его издевки, которые претерпел за школьные годы. Но меня не расстроит и то, что он тоже теперь немножко пострадает.

— Погоди, он же не узнает, что это я?

— Нет. А что?

— Не хочу, чтобы он думал, что меня его старые выходки до сих пор так волнуют, что я решил нанести ответный удар.

Я положил руку на центральную панель, и Марго похлопала по ней.

— Не волнуйся, — заверила она, — он ни за что не узнает, кто его депилировал.

— Мне кажется, ты опять говоришь неправильно, хотя я не в курсе, что это слово означает.

— О, я знаю слово, которого не знаешь ты, — пропела Марго. — Я — **НОВАЯ СЛОВАРНАЯ КОРОЛЕВА! Я ТЕБЯ УЗУРПИРОВАЛА!**

— Ну-ка скажи, как пишется «узурпировала»? — попросил я.

— Нет, — засмеялась она. — Я узурпированному свою корону не отдам. Не заслужил.

— Отлично, — с улыбкой ответил я.

Мы ехали через Колледж-парк. Считается, что это типа наш «исторический район» — тут, видите ли, дома аж тридцатилетней давности. Марго точного адреса Чака не знала, она не помнила даже, как выглядит его дом, более того, она не была уверена, на какой именно улице он стоит. («Я думаю, что на Вассар — вероятность процентов девяносто пять».) В конце концов, когда мы проползли целых три улицы от Вассара, Марго показала рукой налево и сказала:

— Здесь.

— Ты уверена? — спросил я.

— Процентов на девяносто семь и две десятых. Ну, то есть я почти не сомневаюсь, что это его комната, — сказала она, показывая пальцем. — У него однажды была такая бурная вечеринка, что приехали копы, и я сбежала через окно. Мне кажется, что это оно.

— Похоже, риск нарваться на неприятности очень велик.

— Но если окно открыто, то это не взлом. Только проникновение. Мы же *только что* в «СанТраст» проникли, все ведь нормально было, согласен?

Я рассмеялся:

— Ты как будто в хулигана меня стараешься превратить.

— Таков замысел. Так, что понадобится? Бери «Вит», краску, вазелин.

— Хорошо.

— Так, Кью, ты главное — не психани там. Хорошо, что Чак спит, как медведь зимой. Мы с ним как-то вместе на английский ходили, и он не проснулся, даже когда миссис Джонстон огрела его книжкой «Джейн Эйр». Значит так: мы подбираемся к окну, открываем его, разуваемся, тихонько влезаем, я делаю свое черное дело, потом мы с тобой разлетаемся в разные стороны и мажем вазелином все дверные ручки, так что даже если кто проснется, из дома им выбраться будет крайне проблематично. Благодаря этому нас не смогут поймать. А потом мы еще немного поиздеваемся над Чаком, слегка покрасим его дом, после чего сматываемся. И все молча.

Я снова положил руку на пульс, но на этот раз я улыбался.

Когда мы шли к дому, Марго взяла меня за руку, переплела свои пальцы с моими и сжала. Я тоже сжал ее руку и посмотрел на нее. Она торжественно кивнула, я кивнул в ответ, и она отпустила мою руку. Мы быстро подобрались к окну. Я осторожно попытался поднять деревянную раму. Она тихонечко скрипнула, но окно открылось легко. Я посмотрел в комнату. Там было темно, но тело на постели я разглядел.

Для Марго окно оказалось чуть высоковато, поэтому я сцепил руки, она встала на них — в носках, — и я помог ей залезть. Она проникла в дом совершенно бесшумно, любой ниндзя обзавидовался бы. Я подпрыгнул, зацепился за край окна так, что над подоконником оказались голова и плечи, а потом, совершая какие-то нелепые телодвижения, попытался гусеницей вползти в дом. Все было бы хорошо, но я, пока лез, так расплющил яйца о подоконник, что невольно застонал, короче, слажал по-крупному.

У кровати зажглась лампа. В постели оказался какой-то старикан — однозначно не Чак Парсон. Он в ужасе — и совершенно молча — смотрел на нас.

— Э, — сказала Марго.

Я подумал, что могу спрыгнуть и побежать к машине, но ради нее остался: верхняя часть моего тела застыла в комнате, параллельно полу.

— Э, кажется, дом все же не тот. — Она повернулась и бросила в мою сторону выразительный взгляд.

Только тут я понял, что из-за меня она не может вылезти. Так что я оттолкнулся, спрыгнул, схватил обувь и бросился бежать.

Мы поехали в противоположную часть Колледж-парка, чтобы пересмотреть стратегию.

— Думаю, тут мы оба виноваты, — сказала Марго.

— Гм, *ты не на тот дом показала*, — ответил я.

— Да, но *ты* шум поднял.

С минуту мы молчали, нарезая круги, а потом я, наконец, сказал:

— Может, в Интернете его адрес удастся найти? У Радара есть пароль от школьной сети.

— Гениально, — одобрила Марго.

Я позвонил Радару, но у него сразу же включился автоответчик. Я подумал, не позвонить ли на домашний, но наши родители дружили, так что эта идея не годилась. Потом я додумался позвонить Бену. Это не Радар, конечно, но Бен знает все его пароли. Я набрал. Тоже включился автоответчик, но после нескольких гудков. Так что я набрал еще раз. Снова автоответчик. Я набрал еще раз. Автоответчик.

Марго сказала:

— Он явно не собирается отвечать.

А я, пробуя снова, возразил:

— Нет, он ответит.

И после еще трех-четырёх попыток Бен снял трубку:

— Ради твоего же блага, я надеюсь, ты хочешь мне сообщить, что у тебя дома одиннадцать голых заек, жаждущих Особых Ощущений, которые им может дать только Большой Папочка Бен.

— Мне нужно, чтобы ты зашел в школьную сеть под паролем Радара и нашел один адрес. Чака Парсона.

— Нет.

— Прошу тебя.

— Нет.

— Бен, сделай это, и ты не пожалеешь. Честно.

— Ладно, ладно, я нашел. Я искал, пока говорил тебе «нет». Я не могу, но помогу. Амхерст, четыреста двадцать два. Слушай, а на фига тебе адрес Чака Парсона в начале пятого утра?

— Поспи-ка, Бенище.

— Я буду думать, что все это мне приснилось, — ответил он и повесил трубку.

Амхерст была всего лишь в паре улиц от нас. Мы остановились перед домом четыреста восемнадцать, собрали все необходимое и побежали через газон Чака, на траве уже лежала роса и холодила нам ноги.

Окно Чака, к счастью, оказалось ниже, чем у того Внезапного Старика. Я тихонько влез, а потом помог забраться Марго. Чак Парсон спал, лежа на

спине. Марго на цыпочках подошла к нему, я стоял за ней, мое сердце неистово колотилось в груди. Если он проснется, то убьет нас обоих. Она достала «Вит», выдавила на руку каплю чего-то вроде крема для бритья и осторожно размазала по правой брови Чака. У него ни один мускул не дрогнул.

Потом она открыла банку с вазелином — крышка, казалось, оглушающе громко чавкнула, но Чак опять никак не отреагировал. Марго зачерпнула побольше вазелина и положила мне на ладонь, после чего мы разбежались в разные стороны. Я пошел сначала к входной двери и вымазал ручку, потом — к спальне, дверь в которую была открыта. Я нанес вазелин на внутреннюю ручку и тихонько закрыл дверь — она едва скрипнула.

Наконец, я вернулся в комнату Чака — Марго уже ждала меня там, мы закрыли его дверь и просто адски навазелинили ручку. Остатки мы размазали по окну, в надежде, что так его будет сложнее открыть после того, как мы выберемся и закроем его снаружи.

Марго посмотрела на часы и показала мне два пальца. Мы стали ждать. Все эти две минуты мы смотрели друг на друга, и я наслаждался синевой ее глаз. В темноте и тишине мне было спокойно, к тому же я не мог сказать ничего такого, что могло бы все испортить, а Марго смотрела на меня так, будто во мне тоже было что-то стоящее.

Она кивнула, и я подошел к Чаку. Обернув руку собственной майкой, как она мне велела, я, стараясь действовать как можно аккуратнее, наклонился и, прижав палец к его лбу, быстро вытер крем. А вместе с ним убрал, и каждый волосок с правой брови Чака Парсона. И в тот момент, когда я стоял над ним, с его правой бровью на майке, он внезапно открыл глаза. Марго с быстротой молнии схватила одеяло и набросила на Чака, а когда я поднял взгляд, маленькая ниндзя уже вылезла из окна. Я поспешил за ней — под вопли Чака: «МАМ! ПАП! НАС ГРАБЯТ!»

Мне так хотелось ответить: *«Мы ничего не украли, разве что твою правую бровь»*, но все же я держал рот на замке, выбираясь из окна ногами вперед. И чуть не упал на Марго, рисующую свой инициал на виниловой панели Чакова дома. Потом мы похватали свою обувь и бросились бежать к минивену. Оглянувшись, я увидел, что в доме загорелся свет, но никто еще не вышел: явное доказательство эффективности хорошего слоя вазелина на дверной ручке. Когда мистер (или миссис, я не разглядел) Парсон раздвинул шторы в гостиной и выглянул в окно, мы уже ехали задом в сторону Принстон-стрит и трассы.

— Да! — заорал я. — Бог мой, это было гениально!

— Ты это видел? Его рожу без брови? Как будто он во всем сомневается. Типа такой: «Неужели? Говоришь, у меня всего одна бровь? Очень вероятно». И так круто, что этому уроду теперь придется выбирать: либо сбрить левую, либо нарисовать правую? Супер. А как он мамочку звал, плакса паршивая.

— погоди, а *ты-то* за что его ненавидишь?

— Я не говорила, что ненавижу его. Я просто сказала, что он плакса паршивая.

— Но ты же с ним вроде всегда дружила, — удивился я.

По крайней мере, я думал, что они дружили.

— О да, у меня всегда была куча типа друзей, — ответила Марго. Она наклонилась и положила голову на мое костлявое плечо, и ее волосы рассыпались по моей шее. — Я устала, — сказала она.

— Кофеин, — ответил я.

Она слезила назад и взяла две банки «Маунтин дью» — я осушил свою в два глотка.

— Значит, теперь в «Морской Мир», — сообщила Марго. — Пункт Одиннадцатый.

— Что? Типа освободить Вилли?

— Нет. Просто едем в «Морской Мир». Это единственный парк развлечений, куда я еще не вламывалась.

— Да в «Морской Мир» мы и не вломимся, — сказал я, подъезжая к пустой стоянке возле мебельного магазина и останавливаясь.

— Время поджигает, — произнесла Марго и протянула руку к замку зажигания.

Я ее оттолкнул.

— Да в «Морской Мир» мы и не вломимся, — повторил я.

— Опять ты со своими взломами.

Марго смолкла, открывая еще одну «Маунтин дью». Свет, отражаясь от банки, падал ей на лицо. На губах мелькнула улыбка, и она сказала:

— Не будем мы ничего *вламывать*. Не рассматривай это как *взлом* «Морского Мира». Считай, что мы просто посетим его посреди ночи и бесплатно.

— Так, во-первых, нас поймают, — сказал я.

Я, так и не заведя мотор, принялся излагать причины, по которым собирался выйти из игры, гадая, видит ли Марго в темноте мое лицо.

— Поймают, конечно же. И что с того?

— Это противозаконно.

— Кью, ну, по большому-то счету, какие из-за этого у тебя могут быть неприятности? Господи, после всего, что я для тебя сегодня сделала, ты не можешь мне одним-единственным добрым делом отплатить? Не можешь закрыть рот, успокоиться и перестать трястись из-за каждого малюсенького приключения? — И тихонько добавила: — Блин, будь же мужиком наконец.

И тут я вышел из себя. Я вынырнул из-под ремня и оперся о приборную панель — чтобы смотреть ей в лицо.

— Всего, что ТЫ для МЕНЯ сделала? — Я буквально орал. Хотела уверенности? Вот тебе и уверенность. — Это ты звонила отцу МОЕЙ подружки, которая трахается с МОИМ парнем, чтобы никто не догадался, что это я? Ты мою задницу по городу всю ночь катала, и не потому что «ах как я тебя ценю», а потому что мне просто нужен был шофер, а ты как раз живешь по соседству? Этим ты ради моего удовольствия всю ночь занималась?

Марго не смотрела на меня. Она смотрела вперед, на стену мебельного магазина.

— Думаешь, ты действительно был мне нужен? Не понимаешь, что я могла дать Мирне бенадрил и выкрасть сейф из-под кровати, пока она будет дрыхнуть без задних ног? Или прокрасться в твою спальню и взять ключ? Придурок, я могла бы все сделать без тебя. Но я тебя *выбрала*. И ты тоже меня выбрал. — Вот тут Марго посмотрела на меня. — А это сродни клятве. По крайней мере, на эту ночь. В болезни и здравии. В печали и радости. В бедности и богатстве. Пока рассвет не разлучит нас.

Я завел мотор и выехал со стоянки. Если отставить в сторону всю эту ее фигню про то, что мы якобы команда, я все еще чувствовал себя так, словно делаю это из-под палки, и мне хотелось сказать последнее слово.

— Да, но когда руководство «Морского Мира» пошлет письмо в Дьюк с сообщением, что негодяй Квентин Джейкобсен проник на их территорию в полпятого утра в сопровождении какой-то безумной девицы, в университете очень разозлятся. И мои родители очень разозлятся.

— Кью, да поедешь ты в свой Дьюк. Станешь успешным адвокатом или кем-то там еще, женишься, заведешь детишек, проживешь долго и помрешь, но перед смертью, захлебываясь собственной желчью в доме престарелых, ты скажешь: «Черт, я всю жизнь прожил зря, но хотя бы мы с Марго Рот Шпигельман однажды в пять утра пробрались в „Морской Мир“, хотя бы в тот день я *carpe diem*». ^[3]

— *Noctem*, — поправил я.

— Ладно, ты снова Словарный Король. Трон опять твой. А теперь вези меня в «Морской Мир».

Мы молча ехали по 1-4, и я вдруг вспомнил того мертвого в сером костюме. «*Может, она поэтому меня выбрала*», — подумал я. И только в этот момент я наконец сопоставил, что она тогда сказала про него и про ниточки, а сегодня — про себя и про ниточки.

— Марго, — нарушил я наше молчание.

— Кью, — ответила она.

— Ты говорила... Когда тот мужик умер, ты сказала, что у него, наверное, все ниточки внутри оборвались, а сегодня ты и про себя сказала, что у тебя порвалась последняя нитка.

Она напряженно засмеялась:

— Ты слишком переживаешь. Нет, я не хочу, чтобы меня, всю в мухах, нашли детишки в Джефферсон-парке субботним утром. — Марго сделала паузу, чтобы подчеркнуть самое главное: — Я для такого слишком самолюбива.

Я облегченно засмеялся и свернул с шоссе в Интернейшнл-драйв, туристическую столицу мира. Там были тысячи магазинов, в которых продавалось одно и то же: дерьмо. Дерьмо в морских раковинах, брелоки из дерьма, дерьмовые стеклянные черепашки, магниты на холодильник с Флоридой, розовые пластмассовые фламинго, всякая фигня. Там было даже несколько магазинов, которые торговали самым настоящим дерьмом в буквальном смысле: какашки броненосца — всего четыре бакса девяносто пять центов за мешочек!

Но в 04:50 утра туристы спят. Дорога казалась совершенно вымершей, как и все вокруг: мы ехали мимо магазинов, мимо стоянок, и нигде никого.

— «Морской Мир» прямо за магистралью, — сказала Марго.

Она снова полезла назад и принялась рыться в рюкзаке или где-то там еще.

— Я распечатала спутниковые карты и нарисовала план нападения, но что-то, блин, никак найти не могу. Но все равно давай по этой дороге, слева

будет магазинчик с сувенирами.

— Слева у меня примерно семнадцать тысяч магазинчиков с сувенирами.

— Да, но один будет прямо, как закончится съезд.

И, естественно, там он был только один, я въехал на пустую стоянку и встал прямо под фонарем, потому что в этом районе постоянно тачки угоняют. Конечно, на «крайслер» может позариться только отъявленный мазохист, но меня идея объяснить маме, как тачка могла пропасть на рассвете в будний день, все равно не прельщала.

Мы вышли, прислонились спинами к минивену, воздух был такой теплый и густой, что одежда липла к телу. Мне снова стало страшно, казалось, будто на меня смотрят люди, которых я сам не вижу. Мы столько уже всего сделали в темноте, у меня от многочасового напряжения болел живот. Марго нашла свои карты и в свете фонаря показала мне синим пальцем маршрут.

— Думаю, забор там, — сказала она, показывая на участок, который мы видели, как только переехали через дорогу. — Я о нем в сети прочитала. Его поставили несколько лет назад, после того как среди ночи в парк зашел какой-то алкаш и решил искупаться с Шаму, которая немедленно его прикончила.

— Серьезно?

— Да. Так что, если уж пьяный залез, мы, трезвые, тоже справимся. Ну, мы же ниндзя.

— Ну, *ты*, может быть, и ниндзя, — сказал я.

— Ты тоже ниндзя, просто очень шумный и неуклюжий, — ответила Марго. — Мы оба ниндзя.

Она убрала волосы за уши, надела капюшон и затянула шнурок; свет фонаря подчеркивал черты ее бледного лица. Может, и так, может, мы оба ниндзя, но костюм подходящий только у нее.

— Ладно, — сказала она. — Изучи карту.

Самым трудным участком, судя по плану Марго, был ров с водой длиной в полмили. «Морской Мир» имеет форму треугольника. Одну его сторону защищает дорога, которая, по расчетам Марго, регулярно патрулируется ночными сторожами. Еще с одной стороны — озеро, по меньшей мере, милу в длину, а с третьей — водоотводная канава; согласно карте, по ширине она — как двухполосная дорога. А во Флориде в таких канавах рядом с озерами часто обитают крокодилы.

Марго схватила меня за плечи и развернула лицом к себе:

— Вероятно, нас поймают, и когда это произойдет, ты молчи, говорить

буду я. Ты постарайся принять вид посимпатичней и просто стой со смесью уверенности и невинности на лице. И все будет отлично.

Я закрыл машину, постарался пригладить свою пышную шевелюру и прошептал: «Я ниндзя». Я вообще-то не хотел, чтобы Марго это услышала, но она тут же отреагировала:

— Так и есть, черт возьми! Ну, идем.

Мы побежали через дорогу, а потом принялись продираться сквозь плотные заросли высокого кустарника. Я начал беспокоиться, что там может расти ядовитый сумах, но ниндзя-то из-за ядовитого сумаха не переживают, так что я оставил эту мысль и стал просто раздвигать руками ветки с колючками, пробираясь вперед, ко рву. Наконец заросли кончились, и мы вышли на открытый участок, справа лежала дорога, а прямо перед нами был ров. С дороги нас могли бы увидеть, но в такое время там не было ни одной машины. Мы бросились бежать через дубовую чащу, потом резко свернули к дороге. Марго сказала: «Давай, давай!» — и я полетел через шестиполосное шоссе. Даже несмотря на то что машин не было, внутри у меня все бурлило от волнения, казалось, что бежать через такую широкую трассу — неправильно в принципе.

На другой стороне вдоль шоссе росла трава по колено, и мы опустились в нее. Марго показала на ряд деревьев, которые росли между бесконечно огромной стоянкой «Морского Мира» и черной, недвижимой водой в канаве. Около минуты мы бежали под этими деревьями, а потом она потянула меня за майку сзади и тихонько сказала:

— Теперь через ров.

— Девушки вперед, — сказал я.

— Да ладно. Я уступаю, — ответила она.

Я не думал ни об аллигаторах, ни о мерзких водорослях. Я просто разбежался и прыгнул как можно дальше. Оказавшись по пояс в воде, я пошел к другому берегу, высоко задирая ноги. Пахла вода гадко, и сама была какая-то склизкая, но хотя бы там оказалось не глубже, чем по пояс, и сверху я не намок. По крайней мере, до тех пор пока в воду не прыгнула Марго, забрызгав меня всего. Я развернулся и обдал ее в отместку. Она притворилась, что ее рвет.

— Один ниндзя не должен брызгать на другого, — пожаловалась она.

— Настоящий ниндзя сам первый не брызгается, — ответил я.

— Ну ладно, ты меня сделал.

Я смотрел, как Марго выбирается изо рва. И ужасно радовался тому, что крокодилов все же нет. Даже пульс был приемлемый, он разве что

слегка участился. Кофта с капюшоном на Марго была расстегнута, под ней оказалась черная майка, которая намокла и липла к телу. В общем, почти все шло весьма неплохо, и тут я краем глаза заметил, что рядом с Марго в воде кто-то скользит. Она уже сделала шаг на берег, ахиллово сухожилие напряглось, и прежде чем я успел хоть что-то сказать, змея укусила ее за левую щиколотку, прямо под нижним краем джинсов.

— Черт! — выругалась Марго, опустила взгляд и повторила: — Черт!

Змея все еще висела на ней. Я кинулся к Марго, схватил змею за хвост, оторвал ее от ноги и бросил в ров.

— Боже мой. Что это было? Мокасиновая змея?

— Не знаю. Приляг, приляг, — сказал я, взял ее ногу в руки и задрал штанину.

На щиколотке, куда вонзились клыки, выступили две капли крови, я наклонился, прижался к ране ртом и принялся что было мочи высасывать яд. Сплюнув, я снова наклонился к ноге, но Марго воскликнула:

— погоди, я ее вижу. — Я в ужасе подскочил, а она сказала: — Господи, это просто уж.

Она показывала в сторону рва, в свете прожектора было видно, что это, действительно, уж. Издалека да еще и на свету змея казалась не страшнее маленькой ящерицы.

— Слава богу, — выдохнул я и сел рядом с Марго, чтобы отдышаться.

Посмотрев на место укуса, которое уже перестало кровоточить, она спросила:

— Ну и как тебе целоваться с моей ножкой?

— Очень неплохо, — сказал я честно.

Она наклонилась ко мне, слегка навалившись, ее плечо легло мне на грудь.

— Я сегодня *именно* ради такого случая побрила ноги. Я подумала, мало ли, вдруг кто-нибудь решит припасть к ним губами, чтобы отсосать змеиный яд.

* * *

Перед нами находился забор из проволочной сетки, но был он всего где-то шесть футов. Как сказала Марго: «Да что такое, сначала ужи, а теперь — такой забор? Для ниндзя это просто оскорбительно». Она резво полезла вверх, ловко перебралась на другую сторону и спустилась — словно это была лестница. Мне тоже удалось не упасть.

Потом мы побежали через небольшую аллею, прижимаясь к огромным непрозрачным контейнерам, в которых, может быть, держали животных, и через некоторое время выбрались на асфальтированную дорожку, откуда открылся вид на большой амфитеатр — я помню, там меня обдала водой Шаму, когда я был еще ребенком. Над аллеей висели небольшие динамики, из которых лилась какая-то тихая попсовая музычка. Может, чтобы животные не бесились.

— Марго, — сказал я, — мы в «Морском Море».

Она ответила:

— Реально, — и побежала, а я — за ней.

Мы вышли к аквариуму с котиками, но котиков там, похоже, не было.

— Марго, — повторил я, — мы в «Морском Море».

— Наслаждайся, — сказала она, практически не открывая рта. — Вон охрана.

Я бросился в заросли кустарника высотой мне по пояс, но заметив, что Марго осталась на месте, остановился. К нам подошел мужчина в жилете с нашивкой «Охрана» и небрежно спросил: «Как дела?» У него что-то было в руках — перцовый аэрозоль, наверное.

Чтобы не терять спокойствия, я подумал: «У него наручники обычные или специальные? Может, в форме дельфинчиков, сцепленных кольцом?»

— Мы как раз собирались уходить, — сообщила Марго.

— Уйти-то вам точно придется, — ответил он, — вопрос только в том, сами вы пойдете или вас отвезет шериф.

— Если вам все равно, — сказала она, — мы бы прошли сами.

Я закрыл глаза. Как мне хотелось сказать ей, что сейчас не самая лучшая ситуаций, чтобы острить. Но охранник рассмеялся.

— Ты ж знаешь, наверное, что тут пару лет назад мужик сиганул в аквариум, и нам велели, если кто вломится, нипочем не выпускать, даже если попадутся такие хорошенькие.

Марго оттянула майку, чтобы она не так липла к телу. И только тут я понял, что он обращался к ее сиськам.

— Ну, тогда, похоже, вам придется нас арестовать.

— В этом-то и проблема. У меня смена кончается, я хотел поехать домой, выпить пивка и залечь спать, а ведь если копов вызывать, они не поторопятся. Я так просто вслух размышляю, — сказал он.

Марго посмотрела на него, показывая, что все поняла. Она сунула руку в карман мокрых джинсов и вытащила оттуда склизкую сотню баксов.

— Ну, вам лучше уходить. И я б на вашем месте не шел вдоль аквариума с китом. Там камеры даже ночью не выключаются, вы же не

хотите, чтобы кто-то вас тут увидел.

— Слушаемся, — с притворной сдержанностью ответила Марго, и охранник пошел прочь. — Ох, — буркнула Марго, когда он удалился, — мне жуть как не хотелось платить этому извращенцу. Но блин. Деньги на то и деньги, чтобы их тратить.

Я ее едва слышал, я не ощущал ничего, кроме волнующего чувства облегчения, от которого вибрировало все тело. Это чистое удовольствие стоило всего предшествовавшего волнения.

— Слава богу, он нас не сдал, — сказал я.

Марго не ответила. Она смотрела куда-то мимо меня, так сильно сощутив глаза, что они казались почти закрытыми.

— Да, со мной то же самое было, когда я пробралась в парк «Юниверсал Студиос», — сказала она вскоре. — Ну да, крутое место, все дела, но посмотреть там практически не на что. Атракционы не работают. Все холодное, все замки закрыты. Животных почти всех на ночь куда-то прячут. — Она кивком указала на окружающую нас часть «Морского Мира». — Удовольствие, как я это вижу, не в том, чтобы просто тут оказаться.

— А в чем? — поинтересовался я.

— Может, в составлении плана. Не знаю. Когда что-то делаешь, в реальности всегда оказывается не так круто, как ожидаешь.

— Мне вообще-то очень понравилось, — признался я. — Даже если посмотреть не на что.

Я сел на скамейку, Марго тоже. Мы оба смотрели на аквариум с котиками, которых там не было, а был один лишь пластмассовый необитаемый остров с кусками обнаженной скалы. Я вдыхал ее запах — пота, водорослей, шампуня с сиренью и дробленого миндаля от кожи.

Только сейчас я почувствовал усталость и подумал о том, как круто было бы завалиться вместе на траву где-нибудь здесь, в «Морском Море», я бы лежал на спине, а она — на боку, обняв меня рукой, положив голову мне на плечо и глядя на меня. Мы бы ничего не делали — просто лежали вдвоем под бесконечным небом в парке, где все настолько хорошо освещено, что даже не видно звезд. Может быть, я чувствовал бы тепло ее дыхания на шее, может, мы могли бы валяться так до утра, а потом в парк пришли бы люди и ходили мимо нас, думая, что мы тоже туристы, и мы могли бы слиться с толпой.

Но нет. Нам надо было посмотреть на однобрового Чака, рассказать всю историю Бену, сходить на уроки, а еще меня ждала репетиционная, Дьюк и все остальное — одним словом, мое будущее.

— Кью, — сказала Марго.

Я посмотрел на нее, не сразу осознав, почему она вдруг назвала меня по имени, но потом очнулся от своего полусна. И услышал. Музыка в динамиках стала погромче, только это уже была не обычная ерунда, которую ставят в таких местах, а настоящая музыка. «Звезды падают над Алабамой» — старый джаз, мой папа любил эту песню. Даже через такие плохонькие динамики было слышно, что этот певец может взять сразу тысячу нот.

И я почувствовал, как будто от самых наших колыбелей, через того мертвеца, через наше знакомство и до этой минуты шли какие-то особые нити. Мне захотелось сказать ей, что для меня главное удовольствие — не планирование, не то, что мы сюда пришли или уйдем отсюда, а то, что наши ниточки пересекаются, расходятся, а потом снова сходятся — но прозвучало бы это, наверное, пошловато, да и она уже встала.

Марго смотрела на меня, моргая, и в тот миг она была просто невероятно красива: голубые глаза, мокрые джинсы в облипку, лицо блестит в сероватом свете.

Я встал, протянул ей руку и спросил: «Можно пригласить вас на танец?» Она сделала реверанс, подала мне руку и ответила: «Можно», и моя ладонь легла на крутой изгиб между ее талией и бедром, а ее — на мое плечо. И потом шаг вперед-вперед-в сторону, вперед-вперед-в сторону. Танцуя, мы обошли вокруг аквариума с котиками, а песня о падающих звездах все продолжалась. «Медленный танец для шестиклашек», — объявила Марго, и мы сменили позиции — она положила руки мне на бедра, а я — ей на плечи, локти в замке, расстояние между нами где-то два фута. Мы еще немного потанцевали, пока не кончилась композиция. Я сделал шаг вперед и дал Марго прогнуться, как нас учили в школе танцев. Она откинула назад одну ногу и навалилась на меня всем телом. Она либо мне доверяла, либо хотела упасть.

Мы купили кухонных полотенец в «Севен-Элевене» и постарались стереть вонючую слизь с тела и одежды; еще я налил в бак столько бензина, сколько там было до начала наших разъездов по Орландо. К утру, наверное, сиденья еще не совсем просохнут, но мама у меня очень рассеянная, и я наделся, что она не заметит. Родители были уверены, что я у них совершенно беспроблемный и никак не склонен вламываться среди ночи в «Морской Мир», ведь моя психическая уравновешенность — гарантия их профессионализма.

Домой я не спешил, выбирая, где возможно, дороги поуже вместо шоссе. Мы включили радио, пытаюсь понять, на какой станции крутили «Звезды над Алабамой», но через некоторое время Марго его выключила, констатируя:

— Короче, думаю, в целом у нас получилось.

— Ага, — согласился я, хотя уже начал переживать, что принесет мне день грядущий. Появится ли Марго перед школой в репетиционной, чтобы потусить с нами? Пойдет ли обедать со мной и Беном? — Интересно, что сегодня будет, — сказал я вслух.

— Да, мне тоже. — Эти слова на некоторое время так и повисли в воздухе, но потом она продолжила: — Кстати, насчет того, что будет: в качестве благодарности за твой тяжелый труд и самоотверженность, которую ты продемонстрировал этой ночью, я хотела бы преподнести тебе небольшой подарок. — Марго принялась шарить руками по полу и протянула мне фотоаппарат: — Возьми себе. Но распорядись властью, данной тебе над Крошечной Писькой, мудро.

Я рассмеялся и положил фотик в карман.

— Я дома скопирую фотку, а когда встретимся в школе, отдам тебе камеру, — сказал я.

Я хотел услышать: *«Ага, в школе, теперь-то все будет по-другому, мы будем дружить в открытую, к тому же я уже однозначно свободна».*

Но Марго ответила:

— Ага, или еще когда-нибудь.

В 05:42 я въехал в Джефферсон-парк. Мы проехали по Джефферсон-драйв, миновали Джефферсон-корт, потом оказались на нашей улице — Джефферсон-вэй. Я уже в последний раз за сегодня выключил фары и на холостом ходу подъехал к дому. Я не знал, что сказать, и Марго тоже

молчала. Мы собрали мусор в пакет из «Севен-Эleven», стараясь придать машине такой вид, словно в последние шесть часов ничего особенного не произошло. Марго дала мне еще один пакет — с остатками вазелина, краски и последней баночкой «Маунтин дью». Колесики в мозгу крутились от усталости с неистовой скоростью, но вхолостую.

Держа в каждой руке по пакету, я остановился возле машины, глядя на Марго.

— Крутая была ночка, — наконец сказал я.

— Подойди-ка, — велела мне Марго, и я сделал шаг вперед.

Она обняла меня, а мне из-за пакетов обнять ее было сложно: их нельзя было бросить — я мог кого-нибудь разбудить. Я почувствовал, как она встала на цыпочки и поднесла губы к моему уху. А потом очень отчетливо произнесла:

— Мне. Будет. Не. Хватать. Твоей. Компании.

— Ну, это же легко исправить, — ответил я, стараясь скрыть разочарование. — Если тебе старые друзья разонравились, — добавил я, — можешь тусоваться со мной. У меня, в общем, хорошая компания.

Марго все еще стояла, прижавшись к моему уху, и я почувствовал, что она улыбается.

— Боюсь, это невозможно, — услышал я ее шепот.

Потом она сделала шаг назад, еще один и еще, но все смотрела на меня. Наконец она вскинула брови и улыбнулась — а я поверил и в эту улыбку. Я смотрел на нее, а она влезла на дерево, с него — на крышу и пробралась в свое окно.

А я вошел в дом через парадную дверь — она была не заперта, на цыпочках пробрался через кухню в свою комнату, стянул джинсы, бросил их в угол платяного шкафа рядом с оконной сеткой и лег в постель, думая лишь о том, что скажу ей в школе.

Часть вторая

Трава

Проспал я, наверное, минут тридцать, в 06:32 зазвенел будильник. Хотя я его сигналов не замечал целых семнадцать минут, до тех пор, пока меня не начали трясти за плечо и издали не послышался мамин голос:

— Доброе утро, соня.

— М-м-м, — ответил я.

Я чувствовал куда большую усталость, чем в 05:55, и мне хотелось пропустить школу, но у меня была стопроцентная посещаемость, и хотя я понимал, что это никого не впечатляет и гордиться тут вообще нечем, статистику портить не хотелось. К тому же мне интересно было посмотреть, как теперь при мне будет вести себя Марго.

Когда я вошел в кухню, папа что-то говорил маме — они вдвоем завтракали. Увидев меня, он прервал свой рассказ и спросил:

— Как спалось?

— Отлично, — ответил я, и это было правдой. Очень мало, но отлично. Он улыбнулся.

— А я как раз рассказывал, что меня мучает неприятный повторяющийся сон, — сообщил папа. — Я в колледже. На уроке иврита, только преподаватель его не знает, и в тексте какая-то околесица. Но все ведут себя так, будто этот вымышленный язык и этот вымышленный алфавит и есть иврит. И мне приходится сдавать экзамен, писать на языке, которого я не знаю, я даже алфавит разобрать не могу.

— Интересно, — прокомментировал я, хотя, по сути, интересно мне не было. Нет ничего скучнее чужих снов.

— Это метафора пубертатного периода, — вклинилась мама. — Писать во сне — это признак зрелости, но ты этого сделать не можешь. Алфавит — взрослая система кодирования при взаимодействии — тебе непонятен.

Моя мама работает с чокнутыми подростками в центрах для содержания под стражей несовершеннолетних правонарушителей и в тюрьмах. Думаю, поэтому она за меня и не волнуется: я же не провожу ритуальных обезглавливаний песчанок и не мочусь себе на лицо — значит, мое воспитание удалось.

Нормальная мать могла бы сказать что-нибудь вроде: «Послушай, ты что-то выглядишь как после метамфетаминового загула, и пахнет от тебя

водорослями. Ты, случайно, не танцевал пару часов назад с укушенной змеей Марго Рот Шпигельман?»

Но нет. Они предпочитают обсуждать сновидения.

Я принял душ, надел майку и джинсы. Я опаздывал, но, блин, я всегда опаздываю.

— Ты опаздываешь, — сказала и мама, когда я снова вошел на кухню.

Я изо всех сил старался разогнать туман в голове, чтобы вспомнить, как завязать шнурки на кедах.

— Я заметил, — сонным голосом ответил я.

Она отвезла меня в школу. Я сидел на месте Марго. Пока мы ехали, мама, на мое счастье, почти все время молчала — и я заснул, прижавшись головой к стеклу.

Когда мы подъехали к школе, я заметил, что машины Марго на обычном месте нет. Ну, я не удивился, что она опаздывает. Ее друзья не собираются так рано, как мои.

Я пошел к ребятам из оркестра, и Бен как заорет:

— Джейкобсен, мне все это приснилось, или...

Я едва заметно тряхнул головой, и он тут же перестроился:

— Мы с тобой действительно только что вернулись из дикого трипа по Полинезии? Помнишь, как мы на паруснике из бананов плавали?

— Да, вкусный был парусник, — ответил я.

Радар посмотрел на меня и пошел под дерево, в тень. Я направился к нему.

— Я спросил Энджелу, кто мог бы пойти с Беном. Глухо.

Я посмотрел на Бена, который оживленно болтал, не вынимая из рта мешалочку для кофе.

— Фигово, — сказал я. — Хотя ничего страшного. Мы с ним затусим и устроим марафон в «Восстании» или что-нибудь в том же духе.

Тут к нам подошел и сам Бен:

— Вы что, пытаетесь меня не обидеть? Я ведь знаю, что вы обсуждаете трагическую невозможность найти мне зайку к выпускному.

Он развернулся и двинул к школе. Мы с Радаром направились за ним и, беседуя о чем-то, прошли мимо репетиционной, где среди кучи инструментов сидели ребята помладше и болтали друг с другом.

— Почему ты вообще так хочешь туда попасть? — спросил я.

— Блин, это же самый *главный выпускной*. Это мой последний шанс стать самым приятным воспоминанием какой-нибудь милой школьной зайки.

Я закатил глаза.

Прозвенел первый звонок, то есть до урока оставалось пять минут, и ребята, как собаки Павлова, побежали кто куда, создавая в коридоре суматоху. Мы втроем стояли возле шкафчика Радара.

— Ладно, а зачем ты звонил мне в три утра и спрашивал адрес Чака Парсона?

Обдумывая, что сказать, я заметил, что в нашу сторону как раз идет сам Чак Парсон. Я ткнул Бена локтем в бок и метнул взгляд на Чака. Оказалось, что он счел оптимальным выходом сбрить левую.

— Ни фиги себе, — сказал Бен.

И очень скоро я с грохотом ударился спиной о дверцу шкафчика, а лицо Чака оказалось прямо передо мной — восхитительно безбровое лицо.

— На что пялитесь, уроды?

— Ни на что, — ответил Радар. — Не на твои брови точно.

Чак оттолкнул Радара, долбанул ладонью по дверце возле меня и ушел.

— Это ты сделал? — с сомнением спросил Бен.

— Только никому и ни за что не говорите, — велел я им. А потом добавил: — С Марго Рот Шпигельман.

У Бена аж голос задрожал:

— Ты вчера был с Марго Рот Шпигельман? В ТРИ УТРА?

Я кивнул.

— Вдвоем?

Я кивнул.

— О боже, если у вас что-то было, ты должен рассказать мне все в мельчайших подробностях. Напиши курсовую о сиськах Марго Рот Шпигельман, какие они на вид и на ощупь. Не меньше тридцати страниц!

— А мне — рисунок карандашом с фотографической точностью, — добавил Радар.

— Скульптура тоже сойдет, — сказал Бен.

Радар поднял руку, и я почувствовал, что должен дать ему слово.

— Да, также хотелось бы узнать, не мог бы ты написать сестину о сиськах Марго Рот Шпигельман. Вот тебе шесть слов: *розовые, круглые, упругость, сочность, податливые и подушки*.

— Лично я считаю, — вставил Бен, — что там обязательно должно быть слово *чмок-чмок-чмок*.

— Боюсь, я такого слова не знаю, — возразил я.

— Это звук, издаваемый моими губами, когда мое лицо оказывается вблизи сисек какой-нибудь зайки. — И Бен изобразил, что бы он сделал, если бы его голова оказалась вблизи груди девушки, хотя в реальности

такое было крайне маловероятно.

— Прямо сейчас, — сказал я, — тысячи тысяч американских девчонок передернуло от ужаса, страха и отвращения, хотя они и не поняли почему. Впрочем, извращенец, скажу тебе, что между нами ничего не было.

— Что и следовало ожидать, — ответил Бен. — Я единственный мужик с шарами, который может дать зайке то, о чем она мечтает, и в то же время единственный, у кого нет никаких шансов сделать это.

— Какое интересное совпадение, — сказал я.

В общем, жизнь шла, как и раньше — только я чувствовал себя более усталым. Я-то надеялся, что после этой ночи все изменится, но этого не произошло — по крайней мере, пока.

Прозвенел второй звонок, и мы поспешили в класс.

* * *

Во время первого урока, математики, я чувствовал невыносимую усталость. То есть я уже проснулся квелым, но сидеть в таком состоянии на математике было просто выше человеческих сил. Чтобы не заснуть, я принялся писать Марго записку — отправлять ее конечно же я не собирался, я просто перечислял те моменты прошлой ночи, которые мне особенно понравились, — но даже при этом я засыпал. В какой-то момент ручка просто перестала двигаться, а поле зрения все сужалось и сужалось, и я попытался припомнить, является ли резкое сужение поля зрения симптомом переутомления. Я решил, что, должно быть, да, поскольку я перед собой ничего не видел, кроме стоявшего у доски мистера Джиминеса, ни на что другое внимания уже не хватало. Так что, когда учитель назвал меня по имени, меня это шокировало, потому что в моей вселенной он стоял и писал что-то на доске, а как так получилось, что я его и вижу и слышу одновременно, я понять не мог.

— Да? — спросил я.

— Ты слышал вопрос?

— Да? — снова спросил я.

— И ты поднял руку, потому что хотел ответить?

Я посмотрел на себя — рука действительно была поднята, но я не понимал, как это произошло, я даже едва понимал, как это исправить. Но, приложив значительные усилия, я смог приказать руке опуститься, и когда она справилась с заданием, я наконец произнес:

— Я просто хотел в туалет отпроситься.

Он ответил:

— Иди.

И тогда кто-то еще поднял руку и принялся отвечать на какой-то вопрос о каком-то дифференциальном уравнении.

Я дошел до туалета, умылся, потом наклонился поближе к зеркалу и посмотрел на себя. Глаза были красными, и с этим ничего нельзя было поделать. А потом мне в голову пришла блестящая идея. Я зашел в кабинку, опустил крышку на унитазе, сел, прижался к боковой стенке и уснул. Спал я около шестнадцати миллисекунд, а потом прозвенел звонок на второй урок. Я встал и пошел на латынь, потом на физику, потом наконец настал четвертый урок — время обеда — я пошел в столовку, нашел Бена и сказал:

— Мне надо поспать или что еще, не знаю.

— Пойдем обедать в наш ЗПЗ, — ответил он.

ЗПЗ — это пятнадцатилетний «бьюик», на котором по очереди отъездили все старшие братья и сестры Бена, особой аккуратностью не отличавшиеся, и на тот момент, как «бьюик» попал к нему, он более чем наполовину состоял из клейкой ленты и шпатлевки. Полное имя тачки звучало так: «Загнали, а Пристрелить Забыли», но мы сократили его до ЗПЗ. Работал ЗПЗ не на бензине, а на неисчерпаемом топливе, называемом «человеческая надежда». Садись на обжигающе горячее виниловое сиденье и начинаешь надеяться, что тачка заведется, потом Бен поворачивает ключ, мотор делает пару оборотов, как выброшенная на берег рыба — последние тщетные рывки умирающего создания. Тогда ты надеешься сильнее, мотор проворачивается еще несколько раз. Ты напрягаешься изо всех сил, и наконец, все получается.

Бен завел ЗПЗ и включил кондей на полную. Три из четырех окон не открывались вообще, но кондиционер морозил прекрасно, хотя первые минуты из воздуховодов хлестал горячий воздух, смешиваясь с таким же горячим, да еще и затхлым воздухом в самой машине. Я максимально откинул пассажирское сиденье, оказавшись практически в горизонтальном положении, и рассказал другу все: про то, как у окна появилась Марго, про «Уол-март», про месть, про «СанТраст», про то, как мы не в тот дом вломились, про «Морской Мир», про мне-будет-не-хватать.

Бен даже не перебил ни разу — в этом он был хорошим другом, но когда я закончил, он сразу же перешел к тому, что интересовало его больше всего.

— Погоди, что насчет Джейса Ворзингтона — насколько он маленький?

— Ну, он, наверное, еще и от волнения скукожился, но карандаш — знаешь, что такое? — спросил я.

Бен кивнул.

— С резиночкой на конце видел?

Он снова кивнул.

— Вот когда что-то напишешь, а потом сотрешь резиночкой, от нее на бумаге остаются крошки.

Бен кивнул.

— В общем, я бы сказал, что он в длину, как три такие крошки, и одна в ширину.

Бен от людей вроде Джейсона Ворзингтона и Чака Парсона довольно натерпелся, так что я посчитал, что он вправе теперь порадоваться. Но он даже не засмеялся. Он был просто в шоке и сидел, легонько качая головой:

— Вот же она зараза!

— Знаю.

— Такой человек, что может погибнуть трагической смертью в двадцать семь, как Джимми Хендрикс или Дженис Джоплин, а если и перерастет этот возраст, то ей, наверное, впервые в истории человечества дадут нобелевку за крутость.

— Ага, — согласился я.

Я никогда не уставал говорить о Марго Рот Шпигельман, но я вообще никогда настолько не уставал. Я положил голову на потрескавшийся винил подголовника и тут же заснул. Проснувшись, я обнаружил на коленях гамбургер с запиской: *«Мне на урок пришлось пойти. Встретимся после репы»*.

После уроков я сидел возле репетиционной на полу, прижавшись спиной к стене из шлакоблока, и переводил Овидия, стараясь не замечать какофонических стонов музыкальных инструментов. В день репетиций я всегда зависал в школе на лишний час, потому что, уйди я без Бена и Радара, я был бы единственным старшеклассником в школьном автобусе, а это непереносимое унижение.

Потом Бен сразу забросил Радара домой — он жил в «центре деревни», у Джефферсон-парка, недалеко от дома Лэйси. После он отвез меня. Я заметил, что перед домом Марго ее тачки тоже нет. Значит, она не пришла в школу не потому, что решила отоспаться. Она, наверное, уже новые приключения себе нашла — *без меня*. Может быть, размазывала крем для удаления волос по подушкам остальных своих врагов или что еще. Шагая к дому, я чувствовал себя в некотором роде брошенным, но она,

конечно, знала, что я бы с ней все равно не пошел — целый день в школе я не мог пропустить, это было слишком для меня важно. И кто знает, может, она вообще на три дня укатила в Миссисипи или теперь уже окончательно стала циркачкой.

Но, разумеется, она была не в Миссисипи и не в цирке. А где — я и представить себе не мог, потому что я — не Марго.

Я думал, какие же истории она привезет на этот раз. Гадал, расскажет ли она мне их сама, например, за обедом. Мне показалось, что это, наверное, она и имела в виду, когда говорила, что ей будет меня не хватать. Марго ведь заранее знала, что снова на время уедет из бумажного Орландо. Но когда она вернется... Кто знает?.. Она ведь не сможет общаться со старыми школьными друзьями. Так что, возможно, она все же будет тусить со мной.

Слухи пошли уже вскоре после того, как она уехала. После ужина мне позвонил Бен:

— Говорят, она трубку не берет. А еще вроде как сказала кому-то на «Фейсбуке», что собирается отыскать какое-то секретное хранилище в «Стране будущего» в Диснейленде.

— Идиотизм, — отреагировал я.

— Понимаю. В смысле, «Страна будущего» — там самая дерьмовая. Еще кто-то говорит, что она с каким-то чуваком в сети познакомилась.

— Смешно, — сказал я.

— Ну ладно, но где она тогда?

— Где-нибудь... Развлекается так, как нам и в голову не придет.

Бен хихикнул:

— Ты хочешь сказать, что она там сама с собой развлекается?

Я застонал:

— Бен, блин, хватит. Просто придумала что-то в своем стиле. Что потом снова войдет в историю. И сотрясет мироздание.

Ночью я лежал на боку и пялился на невидимый мир за окном. Я старался заснуть, но в самый последний момент глаза снова распахивались — просто проверить. Я никак не мог распрощаться с надеждой на то, что Марго Рот Шпигельман снова покажется в моем окне и снова вытащит мою усталую задницу в ночь, в такую ночь, которую я потом никогда не смогу забыть.

Марго исчезала довольно часто, так что, хотя все и заметили, что она снова куда-то пропала, всякие массовые Поиски в школе не начались. Старшие классы — это не демократия и не диктатура, и даже не анархия, вопреки распространенному мнению. Это монархия, основанная на праве помазанника Божиего. Когда королева уезжает в отпуск, начинаются перемены. К худшему. В частности, именно когда Марго была в Миссисипи, Бекка пустила этот мерзкий слух о Бене. И в этот раз началось то же самое. Девочка, пальчиком затыкавшая дырку в дамбе, сбежала. И потоп был неизбежен.

В то утро я для разнообразия собрался вовремя и в школу поехал с Беном. Рядом с репетиционной было как-то необычайно тихо.

— Чуваки, — крайне серьезно начал наш друг Фрэнк.

— Что такое?

— Чак Парсон, Тэдди Мэк и Клинт Боэр раздавили двенадцать великов на «Тахо» Клинта.

— Вот дерьмо, — сказал я, качая головой.

Эшли добавила:

— А вчера кто-то написал в мужском туалете наши телефоны со всякими грязными комментариями.

Я снова покачал головой. Мы все молчали. Нажаловаться мы не могли — пытались несколько лет назад, но за это нас наказали еще суровее. В общем, нам оставалось только ждать, когда кто-нибудь вроде Марго объяснит им всем, что они недоразвитые придурки.

Но она показала мне, что можно идти в контрнаступление. Я как раз собрался что-то сказать, когда боковым зрением заметил, что в нашу сторону на полной скорости летит кто-то очень крупный. С черной лыжной маской на голове и с огромным зеленым брандспойтом в руках. Пробегая мимо, он толкнул меня в плечо так, что я не устоял на ногах и упал на левый бок на потрескавшийся бетон. Добежав до двери, он обернулся и крикнул, глядя в мою сторону: «Еще сунешься к нам, мы тебя *ушибем*». Я впервые в жизни слышал этот голос.

Бен и кто-то еще из друзей помогли мне подняться. Плечо болело, но не настолько, чтобы его потереть.

— Ты в порядке? — поинтересовался Радар.

— Да, все нормально. — Теперь я потер плечо.

Радар покачал головой:

— Кто-то должен им сказать, что можно *ушибить* нечаянно, а когда угрожают, то, как правило, говорят, что *пришибут*, но никак не *ушибут*.

Это меня рассмешило. Кто-то кивком указал на стоянку — в нашу сторону шли два хилых первокурсника, на которых висели мокрые футболки.

— Это ссаки! — прокричал один из них.

Второй не сказал ничего; он просто старался не касаться собственной футболки, хотя смысла в этом было не очень много. С рукава капало и стекало по руке.

— Человеческие или какого-то животного? — спросил кто-то.

— А я откуда знаю? Я что, эксперт в области мочи, что ли?

Я подошел и положил руку ему на макушку. Это было единственное сухое место.

— Разберемся, — сказал я.

Прозвенел второй звонок, и мы с Радаром убежали на математику. Садясь за парту, я неудачно задел ее рукой, и боль пронзила плечо. Радар постучал ручкой по своей тетради, и я увидел в ней обведенное в кружочек послание: «*Как рука?*»

Я написал в уголке собственной тетради: «*По сравнению с несчастными перваками можно считать, что я просто по радуге прокатился*».

Радар засмеялся настолько громко, что заслужил суровый взгляд мистера Джиминеса. Я добавил: «*У меня есть план, но надо выяснить, кто это сделал*».

Друг ответил: «*Джаспер Хэнсон*» — и обвел несколько раз.

Я удивился: «*Откуда знаешь?*»

«*А ты не заметил? Этот придурак в своей толстовке был*».

Джаспер Хэнсон был младше нас. Прежде от него не исходило никакой угрозы, я даже, честно говоря, считал его нормальным парнем — ну так, он просто как-то неловко здоровался со мной, говорил: «Как дела, чувак?» В общем, совсем не тот тип, от которого ожидаешь, что он возьмет брандспойт и начнет поливать ссаниной. Если говорить честно, в бюрократической системе правительства школы Уинтерпарк Джаспер Хэнсон был, наверное, вторым помощником министра по легкой атлетике и злодеяниям. И когда такого человека повышают до статуса исполнительного вице-президента по расстрелам мочой, необходимо немедленно принимать меры.

Так что дома я сразу сел за компьютер, зарегистрировал, себе особый ящик и написал письмо своему старому приятелю Джейсону Ворзингтону.

От: mavenger@gmail.com

Кому: jworthington@yahoo.com

Тема: Вы, Я, У Бекки Эррингтон, Ваш Пенис, И т. д.

Уважаемый мистер Ворзингтон!

1. Каждому школьнику, чьи велосипеды пострадали от наезда «Шевроле Тахо», необходимо выдать наличными 200\$. Для Вас, с учетом Вашего огромного состояния, это будет несложно.

2. Также прекратите писать гадости в туалете.

3. Водяные пистолеты? Заряженные мочой? Вы это серьезно? Вырасти уже пора из таких игр.

4. Относитесь к другим школьникам с уважением, особенно к тем, у кого не такие крутые друзья, как у Вас.

5. Эту же просьбу передайте и другим членам Вашего клана.

Я понимаю, что выполнить некоторые из этих задач будет нелегко. Но с другой стороны, мне тоже непросто скрывать прикрепленную к данному письму фотографию от всего мира.

Искренне Ваша,

дружелюбная соседка Немезида

Ответ пришел уже через несколько минут.

Слушай, Квентин — да, я знаю, что это ты. А ты знаешь, что не я забрызгал мочой этих первачков. Извини, но я за действия других людей не отвечаю.

Мой ответ:

Мистер Ворзингтон,

Я понимаю, что Чак с Джаспером Вам не подчиняются. Но я, видите ли, в таком же положении. Я не управляю тем чертенком, что сидит у меня на левом плече. А он твердит, не смолкая: «РАСПЕЧАТАЙ ЭТУ ФОТКУ РАСПЕЧАТАЙ И РАСКЛЕЙ ПО

ВСЕЙ ШКОЛЕ ДАВАЙ ЖЕ ДАВАЙ ДАВАЙ ДАВАЙ». А на правом плече сидит крохотный белый ангелочек, который говорит: «Слушай, ну я все же надеюсь, что эти несчастные первокурсники с утра пораньше в понедельник уже получают свои деньги».

Вот и я надеюсь, ангелок, надеюсь.

С наилучшими пожеланиями,

Ваша дружелюбная соседка Немезида

На это он не ответил, да и не нужно было. Говорить-то уже больше было нечего.

После ужина ко мне зашел Бен, и мы сели играть в «Восстание». Примерно каждые полчаса мы ставили игру на паузу и звонили Радару, который в это время был на свидании с Энджелой. Мы оставили ему одиннадцать сообщений, каждое последующее из которых было более доставучим и похотливым, чем предыдущее. После девяти позвонили в дверь. «Квентин!» — позвала мама. Мы с Беном подумали, что это Радар, остановили игру и вышли. В дверях стояли Чак Парсон с Джейсоном Ворзингтоном. Я подошел, Джейсон сказал: «Привет, Квентин», я кивнул. Джейсон посмотрел на Чака, тот посмотрел на меня и буркнул:

— Извини, Квентин.

— За что? — спросил я.

— За то, что я приказал Джасперу расстрелять первачков мочой, — пробормотал он. И добавил после паузы: — И за велики.

Бен раскинул руки, словно собираясь с кем-то обняться.

— Ну же, старик, — сказал он Чаку Парсону.

— Что?

— Подойди.

Чак сделал шаг вперед.

— Ну, поближе, — добавил Бен.

Чак уже вошел в дом, остановившись, наверное, в футах от Бена. И тут вдруг Бен ни с того ни с сего дал Чаку в живот. Тот лишь едва поморщился и немедленно замахнулся, чтобы ответить.

— Старик, расслабься, — осадил его Джейс. — Тебе же не больно было. — Потом он протянул мне руку: — Смелый ты, старик. Ну, то есть ты — урод, конечно. Но все же.

Я пожал ему руку.

На этом они ушли, точнее, уехали на «лексусе» Джейса. Как только я закрыл дверь, Бен взвыл:

— ААААА! Господи, моя рука. — Он попытался сжать пальцы в кулак и поморщился. — По-моему, он учебник к животу приклеил.

— Это называется «пресс», дружище, — ответил я.

— А, да, слышал такое слово.

Я похлопал его по спине, и мы вернулись в мою комнату доигрывать. Как только мы начали, Бен сказал:

— Ты, кстати, заметил, что Джейс сказал *старик*? Я же это слово возродил. Какова сила харизмы, а?

— Ну, естественно, ты же такой крутой, что в пятницу вечером сидишь играешь в игры и дуешь на отшибленную о чей-то пресс руку. Неудивительно, что сам Джейс Ворзингтон решил сплясать под твою дудку.

— Я, по крайней мере, в «Восстании» *спец*, — ответил он, выстрелив мне в спину, хотя в тот момент мы с ним были в одной команде.

Мы еще немного поиграли, а потом Бен свернулся на полу калачиком, прижал контроллер к груди и заснул. Я тоже очень устал — день был тяжелый. Я подумал, что Марго к понедельнику наверняка вернется, хотя все равно гордился тем, что бросил вызов злу.

Теперь я каждое утро первым делом смотрел из своего окна на окно Марго — проверял, не появились ли там признаки жизни. У нее висели ротанговые жалюзи, которые она никогда не поднимала, но теперь, когда она уехала, это сделала ее мама или кто-то еще, так что мне стал виден кусочек синей стены и белого потолка. Была только суббота, с тех пор как я видел Марго в последний раз, прошло всего сорок восемь часов, и я понимал, что вряд ли она уже вернулась, но все же, увидев, что жалюзи до сих пор не опущены, немного разочаровался.

Почистив зубы, я немного попинал Бена в надежде его разбудить, а потом вышел из комнаты в шортах и майке. За столом я увидел целых пять человек. Своих родителей. И родителей Марго. А еще высокого и крепкого афроамериканца в огромных очках и сером костюме. В руках он держал какую-то папку.

— Э, здравствуйте, — поприветствовал я их.

— Квентин, — спросила мама, — ты в среду вечером видел Марго?

Я вошел в столовую и встал, привалившись спиной к стене, напротив незнакомца. Ответ на такой вопрос я уже обдумывал.

— Да, — сказал я. — Она где-то в полночь появилась у окна, мы чуть поговорили, а потом ее поймал мистер Шпигельман и увел домой.

— А... после этого ты ее не видел? — поинтересовался отец Марго. Он казался довольно спокойным.

— Нет, а что?

Мне ответила ее мама — довольно взвинченным голосом.

— Видишь ли, Марго, похоже, сбежала. Опять. — Она вздохнула. — Это уже какой... четвертый раз, Джош?

— Да я уже со счета сбился, — недовольно ответил он.

Тут заговорил этот афроамериканец:

— Вы к нам обращаетесь в пятый раз. — Кивнув мне, он представился: — Детектив Отис Уоррен.

— Квентин Джейкобсен.

Моя мама встала и положила руки на плечи миссис Шпигельман.

— Дебби, — сказала она, — как я тебе сочувствую. Это так фрустрирует.

Мне этот фокус уже был знаком. Это специальный психологический трюк, называется «эмпатическое слушание». Ты называешь чувства другого

человека, чтобы у него создалось ощущение, будто ты его понимаешь. Мама на мне постоянно практикуется.

— Меня это не фрустрирует, — ответила миссис Шпигельман, — меня это достает.

— Да, — подтвердил мистер Шпигельман, — после обеда придет мастер. Мы меняем замки. Ей уже восемнадцать. Ну, то есть детектив сказал, что мы ничего не можем сделать...

— Ну, — перебил его детектив Уоррен, — я не совсем так выразился. Я сказал, что она уже не *несовершеннолетний ребенок*, пропавший без вести, у нее есть право уходить из дома.

Отец Марго продолжил разговор с моей мамой:

— Мы учебу в колледже с радостью оплатим, но с этой... этой глупостью мы мириться не можем. Конни, ей уже восемнадцать лет! А она такая эгоцентричная! Ей пора бы научиться оценивать последствия своих поступков.

Мама сняла руки с плеч миссис Шпигельман:

— Я бы сказала, что ваши действия должны быть продиктованы *любовью*.

— Конни, она не твоя дочь. Она не об тебя последние десять лет ноги вытирала, как о коврик. Нам надо еще о другом ребенке позаботиться.

— Да и о себе тоже, — добавил ее муж. Потом он посмотрел на меня: — Квентин, мне очень жаль, что она и тебя в свои игры втянуть пыталась. Представляешь, как... как нам неловко. Ты отличный парень, а она... ну...

Я оттолкнулся от стены и распрямил спину. Я уже был немного знаком с родителями Марго, но в тот день они проявили себя на редкость мерзостно. Охотно верю, что в среду они ее достали. Я посмотрел на детектива. Он перелистывал бумаги в папке.

— Раньше она всегда оставляла след из хлебных крошек, верно?

— Полунамеки, — сказал мистер Шпигельман, вставая.

Детектив положил папку на стол, и отец Марго склонился над ней вместе с ним.

— Какие-то полунамеки, — повторил он. — Перед тем как сбежать в Миссисипи, она ела суп с вермишелью в виде букв и оставила в тарелке четыре буквы: М, И, С, П. Поняв, что мы ее сообщение не разгадали, Марго очень разочаровалась, хотя, когда она наконец вернулась, я ей высказал: «И как мы тебя могли найти по единственному слову *Миссисипи*? Это большой штат, Марго!»

Детектив откашлялся:

— А когда она ночью ушла в Диснейленд, то оставила подружку

Микки-Мауса на своей кровати?

— Да, — согласилась ее мать. — Подсказки были. Идиотские. Вы бы из них *ничего не поняли*, поверьте мне.

Детектив поднял глаза:

— Мы, конечно, сделаем все, что в наших силах, но мы не в состоянии заставить ее вернуться домой. Думаю, вам не следует ожидать, что ваша дочь объявится в ближайшем будущем.

— Я уже и не *желаю* видеть ее у себя дома. — Миссис Шпигельман поднесла к глазам платочек, хотя дрожащим от слез ее голос назвать было сложно. — Я знаю, что это звучит ужасно, но это правда.

— Деб, — сказала моя мама своим терапевтическим голосом.

Миссис Шпигельман покачала головой — едва заметно.

— Что мы можем сделать? Мы сообщили детективу. Подали заявку. Она уже взрослая, Конни.

— Но она — член *твоей семьи*, хоть и взрослая, — все еще спокойно сказала моя мама.

— Ой, да ладно, Конни. Ты считаешь ненормальной мою радость по поводу того, что она убралась? Конечно, это ненормально. Но откуда взялась эта ненормальность, если не от нее! Как искать человека, который заявляет, что вы меня не найдете, но в то же время оставляет какие-то подсказки, которые ни о чем не говорят, и постоянно сбегает? Никак не найдешь!

Мои родители переглянулись, а потом ко мне обратился детектив:

— Сынок, можем наедине поговорить?

Я кивнул. Мы пошли в спальню родителей, он сел в кресло, а я — на краешек их кровати.

— Парень, — начал он, устроившись в кресле, — позволь мне дать тебе совет: ни за что не работай на правительство. Потому что работа на правительство предполагает работу на людей. А работая на людей, хочешь, не хочешь, приходится с ними общаться, даже с такими, как Шпигельманы.

Я сдержанно рассмеялся.

— Парень, я буду говорить откровенно. Они способны воспитывать ребенка не более, чем я способен сесть на диету. Я с ними уже сталкивался, и эти люди мне неприятны. Так что им можешь не говорить, где она, а мне лучше скажи.

— Я не знаю, — ответил я. — Честно.

— Парень, я думал об этой девчонке. О том, что она делает: в Диснейленд, например, пробралась ночью, так? В Миссисипи поехала, оставив буквы из лапши на тарелке. Эта ее грандиозная кампания, когда

она туалетной бумагой дома украсила.

— А это вы откуда знаете?

Марго организовала эту акцию два года назад, за ночь целых двести домов были обклеены ТБ. Стоит ли упоминать, что тогда меня с собой не взяли?

— Говорю же, я уже с ней работал. Так вот, парень, мне твоя помощь нужна: кто все это планирует? Кто автор всех этих безумных идей? Марго — рупор, одного ненормального хватает, чтобы все это запустить. Но придумывает кто? Кто рисует в блокнотиках чертежи, высчитывая, сколько туалетной бумаги пойдет на такую кучу домов?

— Я думаю, что все она.

— У нее может быть партнер, кто-то, кто помогает ей разрабатывать все эти грандиозные и умные схемы, может, этот тайный помощник даже не на виду у всех, в смысле, не лучшая подружка и не жених. Кто-нибудь, на кого сходу и не подумаешь, — сказал детектив.

Он вдохнул, собираясь добавить что-то еще, но я его перебил:

— Я не знаю, где она. Богом клянусь.

— Я всего лишь проверяю, парень. Но что-то ты все же знаешь, да? Давай с этого и начнем.

И я рассказал ему все. Он вызвал у меня доверие. Детектив несколько раз по ходу моего рассказа делал какие-то пометки, но без подробностей. И почему-то — из-за того что я все ему рассказал, а он меня выслушал, записывая что-то в блокнот, из-за того что родители Марго так по-уродски отреагировали на ее исчезновение — почему-то меня впервые охватил страх, что ее не будет еще долго. Когда я подошел к концу рассказа, у меня от волнения уже дыхание сбилось. Детектив какое-то время молчал. Подавшись вперед, он смотрел куда-то мне за спину, пока не увидел то, что ожидал, и только тогда заговорил.

— Слушай, парень. Вот как бывает: кто-то — как правило, девчонка — настолько свободолюбив, что не слишком ладит с родителями. Такие дети — как наполненные гелием шарики, привязанные за ниточку. И ниточка эта постоянно натянута. А потом происходит нечто такое, что она рвется, и они могут улететь. Может статься, ты этого шарика больше никогда не увидишь. Приземлится где-нибудь в Канаде или типа того, устроится официанткой в ресторане — и моргнуть не успеет, как окажется, что она подает кофе все тем же угрюмым ублюдкам вот уже тридцать лет. А может, года через три-четыре, или дня через три-четыре, ветер принесет шарик обратно — деньги понадобятся, или просто протрезвеет, или по братишке заскучает. Но, парень, ниточка эта обязательно обрывается.

— Да, но...

— Погоди, парень, я еще не закончил. Проблема с этими шариками в том, что их слишком много. В небе от них уже тесно, они летают, трутся друг о друга, и все эти шарики в итоге так или иначе оказываются на моем столе, и со временем теряешь веру. Везде эти шары, и у каждого есть мама или папа, или, не дай бог, оба, а ты через какое-то время уже в этой массе отдельные шарики и не различаешь. Смотришь на небо и видишь множество, а каждый по отдельности разглядеть не можешь. — Он снова сделал паузу, потом тяжело вздохнул, словно понял что-то. — Но иногда встречаешь какого-нибудь подростка с большими глазами и огромной копной волос, и не хочется говорить ему правду, потому что он кажется хорошим человеком. Ты ему сочувствуешь, потому что хуже туч шаров, которые вижу я, может быть только то, что видит он: голубое, безоблачное небо всего с одним шариком. Но запомни, когда ниточку перерезают, обратно ее уже не прикрепить. Понимаешь меня?

Я кивнул, хотя и не был уверен, что *действительно* понял.

Он встал:

— Я все же думаю, что она скоро вернется, парень. Если тебе от этого легче станет.

Мне понравилось сравнение Марго с шариком, но, по-моему, детектив был склонен драматизировать: подумал, наверное, что я жутко переживаю, а у меня был лишь короткий приступ волнения. Я знал, что она вернется. Чуть сдуется и снова спустится в Джефферсон-парк. Так всегда бывало.

Потом мы с детективом вернулись в столовую, и он сказал, что снова хочет зайти к Шпигельманам, заглянуть в ее комнату.

Мама Марго обняла меня и сказала:

— Ты всегда был таким милым мальчиком, извини, что пришлось впутать тебя в эту идиотскую историю.

Господин Шпигельман пожал мне руку, и они ушли. Как только дверь закрылась, мой папа выдохнул:

— Ух.

— Ух, — согласилась с ним мама.

Папа обнял меня за плечи:

— Неблагоприятная ситуация, да, дружище?

— Они придурки, — сказал я.

Мои предки всегда радуются, когда я ругаюсь при них. По лицам вижу. Потому что это означает, что я им доверяю, что я могу быть самим собой с ними. Но сейчас они все равно казались какими-то печальными.

— Родители Марго переживают жесточайшие приступы нарциссизма, когда она выкидывает подобные фокусы, — объяснил мне папа.

— И это мешает им быть хорошими родителями и успешно воспитывать детей, — добавила мама.

— Придурки, — повторил я.

— Честно говоря, — ответил папа, — ты, скорее всего, прав. Ей, наверное, нужно внимание. Видит бог, я бы от него тоже не отказался, если бы мне попались такие родители.

— Когда Марго вернется, — сказала мама, — она, наверное, жутко расстроится. Ведь они ее бросают! Отказываются от нее, когда ей особенно необходимо чувствовать себя любимой.

— Может, пусть она у нас поживет, когда вернется, — предложил я и, только сказав это, осознал, насколько крута эта идея.

У мамы тоже вспыхнул взгляд, но потом она что-то такое прочла на папином лице и ответила обычным сдержанным голосом:

— Ну, мы точно будем ей рады, хотя это и вызовет определенные трудности — ведь ее родители живут по соседству. Но когда она вернется в школу, скажи ей, что мы ее приглашаем конечно же, а если она не захочет жить именно здесь, у нас есть и другие возможности, чтобы ей помочь, все можно обсудить.

Тут вышел Бен — судя по его прическе, ученые явно что-то напутали с силой притяжения.

— Мистер и миссис Джейкобсен — рад вас видеть, как всегда.

— Доброе утро, Бен. Я даже не была уверена, что ты у нас ночуешь.

— Да я и сам не был уверен. Что-то случилось?

Я рассказал ему о визите детектива и Шпигельманов и о том, что Марго теперь формально считается пропавшим без вести взрослым. Когда я закончил свой рассказ, он кивнул и ответил:

— Наверное, стоит обсудить это дело за тарелочкой горяченького «Восстания».

Я улыбнулся, и мы пошли в мою комнату. Вскоре пришел Радар, и меня тут же выгнали из команды, потому что нам предстояла сложная миссия, а я, несмотря на то что был единственным владельцем этой игры, особого успеха в ней не достиг. Я наблюдал за тем, как они ходят по кишасей упырями космической станции.

Бен сказал:

— Гоблин, Радар. Гоблин.

— Вижу.

— Иди сюда, подонки маленький. — Бен резко крутанул

контроллер. — Папочка отправит тебя через Стикс на паруснике.

— Что это ты в свою ругань греческую мифологию начал вплетать? — поинтересовался я.

Радар рассмеялся, а Бен заколотил по кнопкам, вопя:

— Жри, гоблин, жри! Как Зевс сожрал Метиду!

— Я склонен думать, что она вернется к понедельнику, — сказал я. — Школу никто особо не стремится пропускать, даже Марго Рот Шпигельман. Может, она у нас до конца учебного года проживет.

Радар ответил путано, как и полагается, когда ты играешь в «Восстание»:

— Я даже не понимаю, чего она сбежала, из-за того *сзади чертяка, не, чувак, лучевой пушкой его*, что с этим своим поссорила? Я-то думал, что у нее к таким *склеп где, слева, что ли* вещам иммунитет.

— Не, — сказал я, — дело не в этом, ну, я так думаю. По крайней мере, не только в этом. Марго Орландо просто ненавидит, она называет его бумажным городом. Ну, потому что он весь фальшивый и хлипкий. Думаю, она от него просто отдохнуть решила.

Я выглянул из окна и тут же заметил, что кто-то, наверное, детектив, опустил жалюзи в комнате Марго. Но смотрел я не на жалюзи. А на наклеенный на них черно-белый постер. На снимке был изображен чуть сгорбленный мужчина, смотрящий вперед. На губе висит сигарета. На плече — гитара, а на ней выведено краской: «ЭТОТ ИНСТРУМЕНТ УБИВАЕТ ФАШИСТОВ».

— У Марго в окне что-то есть.

Музыка из игры смолкла, Радар с Беном опустились на колени рядом со мной.

— Это только что появилось? — спросил Радар.

— Я миллион раз эти жалюзи видел, — ответил я, — но постера на них раньше не было.

— Странно, — сказал Бен.

— Сегодня утром предки Марго сказали, что она иногда оставляет подсказки, куда ушла, — добавил я. — Но они всегда очень расплывчатые, все равно ничего не поймешь, пока она не вернется.

А Радар уже взялся за дело — стал искать эту цитату в своей Мультипедии.

— Это Вуди Гатри, — сказал он. — Певец в стиле фолк, годы жизни 1912–1967. Пел о жизни рабочего класса. Типа «Эта земля — твоя». Коммунист, в некотором смысле. Вдохновитель Боба Дилана.

Радар проиграл кусочек из песни. Высоким скрипучим голосом Гатри

пел о профсоюзах.

— Я напишу автору этой статьи, спрошу, замечает ли он какую-то явную связь между этим Вуди Гатри и Марго, — пообещал Радар.

— Я отказываюсь верить, что ей нравится его творчество, — сказал я.

— Да уж, — добавил Бен, — он поет, как пьяный Кермит с раком горла.

Радар открыл окно, высунул голову, посмотрел по сторонам:

— Кью, я думаю, что сообщение оставлено тебе. Разве кто-то еще из ее знакомых смог бы его увидеть?

Я покачал головой.

Бен тут же добавил:

— Он на нас так смотрит, словно требует внимания. И голову так склонил, видите? Как будто бы он не на сцене, а в дверях у тебя стоит или типа того.

— Мне кажется, он приглашает нас войти, — ответил я.

Ни на дверь соседнего дома, ни на гараж мое окно не выходило, их можно было увидеть только из гостиной, поэтому Бен продолжил игру, а мы с Радаром вышли в гостиную и сели якобы посмотреть телек, хотя сами пристально следили за домом Шпигельманов. Мы ждали, когда родители Марго уйдут. Черная «Краун Виктория» детектива Уоррена все еще стояла перед их домом.

Он уехал минут через пятнадцать, но потом прошел еще целый час, прежде чем дверь снова открылась. Мы с Радаром смотрели какую-то дурацкую комедию про обкурков, и я уже почти вник в сюжет, когда вдруг Радар сказал: «Гараж». Я спрыгнул с дивана и подошел к окну, чтобы получше рассмотреть, кто в машине. Мистер и миссис Шпигельман. А Руфи осталась дома. «Бен!» — крикнул я. Он мигом вылетел, и, как только Шпигельманы свернули с Джефферсон-вэй на Джефферсон-роуд, мы вышли на улицу. Было тепло и влажно.

Мы пошли к дому по газону. Я позвонил в дверь и услышал клацанье когтей Мирны, а потом она принялась лаять, как ненормальная, глядя на нас через боковое окно. Руфи открыла дверь. Она была милой девчонкой лет, наверное, одиннадцати.

— Привет, Руфи.

— Привет, Квентин, — ответила она.

— А мама с папой дома?

— Только что уехали, — сказала она. — В «Таргит». — У нее были такие же большие глаза, как у Марго, только светло-карие. Она посмотрела на меня, от волнения поджав губы: — Ты полицейского видел?

— Да, — сказал я. — По-моему, хороший.

— Мама говорит, будем думать, что Марго просто пораньше уехала в колледж.

— Ага.

Типа лучший способ решить загадку — это решить, что загадки никакой нет. Но я уже не сомневался в том, что Марго оставила ключи к разгадке.

— Слушай, Руфи, нам надо сходить в комнату твоей сестры, — сказал я. — Марго ведь тебя иногда просит сделать что-то по большому секрету от родителей. Вот сейчас то же самое.

— Марго не любит, когда в ее комнату кто-нибудь заходит, — ответила Руфи. — Кроме меня. Ну и мамы иногда.

— Но мы же ее друзья.

— Она не пускает друзей к себе в комнату, — настаивала она.

Я наклонился к ней:

— Руфи, прошу тебя.

— И вы еще хотите, чтобы я маме с папой не рассказывала.

— Верно.

— Пять баксов, — ответила она.

Я собирался поторговаться, но Радар достал пятерку и отдал ей.

— Если увижу машину, скажу, — заговорщически добавила Руфи.

Я присел, чтобы как следует почесать энергичную старушку Мирну, а потом мы побежали вверх по лестнице, в спальню Марго. Взявшись за дверную ручку, я осознал, что не видел эту комнату лет с десяти.

Я вошел. Там оказалось намного аккуратнее, чем можно было ожидать от Марго, хотя, возможно, мама убрала. Справа стоял шкаф, готовый лопнуть от одежды. У двери обувная стойка — тоже куча всего, от балеток до туфель на высоченном каблуке. Похоже, из одежды она почти ничего не взяла.

— Я за комп, — сказал Радар.

Бен рассматривал жалюзи.

— Постер на скотче, — сказал он.

Больше всего меня удивило то, что я увидел у стены возле стола: книжные полки в высоту — с меня и в ширину — еще раза в два больше, забитые виниловыми пластинками. Их там были *сотни*.

— В проигрывателе «A Love Supreme» Джона Колтрейна, — сообщил Бен.

— Боже, это просто гениальный альбом, — ответил Радар, не отвлекаясь от компьютера. — Вкус у нее хороший.

Я озадаченно посмотрел на Бена, и он объяснил:

— Саксофонист такой был.

Я кивнул.

Радар, набирая что-то на клавиатуре, добавил:

— Поверить не могу, что Кью ни разу Колтрейна не слышал. Я, пожалуй, не встречал более яркого свидетельства существования Господа Бога, чем его мастерство.

Я принялся просматривать пластинки. Они стояли в алфавитном порядке по имени исполнителя, я отыскал букву Г. Диззи Гиллесли, Джимми Дейл Гилмор, «Грин Дэй», «Гуидед Би Воикес».

— У нее, похоже, тут все, что только возможно, кроме Вуди Гатри, — прокомментировал я. А потом снова начал с А.

— Учебники все еще тут, на столике у кровати, — сообщил Бен, — плюс какие-то книги. Дневника нет.

Но меня увлекла музыкальная коллекция Марго. Ей нравилось все. Я даже представить не мог, что она интересовалась таким старьем. Я видел, как она слушает плеер, пока бегают, но не подозревал, что она такая фанатка. Я почти ничего этого никогда в жизни не слышал, и меня удивило, что новинки до сих пор выпускают на виниле.

Изучив букву А, я перешел к Б, пробравшись через «Битлз», «Блайнд бойз ов Алабама» и «Блонди» я двинулся быстрее — настолько быстро, что заднюю обложку «Mermaid Avenue» Билли Брэгга я увидел, только когда уже перешел к «Баззкоккс». Я остановился, сдал назад, достал пластинку Билли Брэгга. На первой стороне обложки была помещена фотография городских домов. А с задней на меня смотрел Вуди Гатри. На губе повисла сигарета, на плече — гитара с надписью: «ЭТОТ ИНСТРУМЕНТ УБИВАЕТ ФАШИСТОВ».

— Эй, — позвал я.

Бен подошел ко мне.

— Ничего себе, — сказал он. — Хорошая находка.

Радар повернулся на стуле и добавил:

— Впечатляет. Интересно, внутри что.

К сожалению, там оказалась лишь пластинка. Пластинка как пластинка — в точности, как тысячи других. Я поставил ее в проигрыватель, через какое-то время до меня даже дошло, как его включить, пластинка закрутилась, и я опустил иголку. Какой-то чувак пел песню Вуди Гатри. И куда лучше, чем он сам.

— Это что, какое-то дикое совпадение?

Бен стоял с конвертом в руках:

— Смотрите. — Он показывал на список композиций.

Название «Племянница Уолта Уитмена» было обведено черной ручкой.

— Интересно, — отреагировал я.

Мама Марго говорила, что ее подсказки ни к чему не приводили, но я теперь знал, что таких подсказок — целая цепочка и предназначены они, похоже, мне. Я тут же вспомнил, как Марго мне сказала в «СанТрасте», что я ей больше нравлюсь, когда веду себя уверенней. Я перевернул пластинку и поставил ту самую песню. «Племянница Уолта Уитмена» открывала вторую сторону. В общем, неплохо.

Тут я увидел в дверном проеме Руфи. Она смотрела на меня.

— Руфи, не подскажешь, где искать? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я уже смотрела, — хмуро сказала она.

Радар взглянул на меня и кивнул головой в ее сторону.

— Посторожи, пожалуйста, чтобы нас родители не застали, — попросил ее я.

Руфи кивнула и ушла. Мы закрыли дверь.

— Что такое? — спросил я Радара.

Он подозвал нас к компу.

— За неделю до исчезновения Марго долго висела на сайте Мультипедии. Я сужу по тому, сколько времени она была залогинена. Но Марго стерла всю историю, так что я не знаю, на каких страницах она была.

— Слушай, Радар, а посмотри, кто такой Уолт Уитмен, — сказал Бен.

— Поэт, — ответил я. — Деятнадцатого века.

— Прекрасно. — Бен аж глаза закатил. — Стишки.

— Что в этом плохого? — спросил я.

— Поэзией только эмо интересуются. Боль. О, боль. И вечный дождь. В моей душе.

— Да, Шекспир, наверное. — Мне не хотелось говорить на эту тему. — У него племянницы были? — спросил я у Радара.

Он уже открыл статью об Уитмене. Тот оказался тучным мужиком с огромной бородой. Я его стихов не читал, но *на вид* он казался хорошим поэтом.

— Знаменитых не было. Тут упоминаются два брата, но неизвестно, были ли у них дети. Наверное, смогу найти, если надо.

Я покачал головой. Я не видел в этом смысла. Я снова принялся осматривать комнату. На нижней полке помимо пластинок было еще и несколько книг — учебники со средней школы, потрепанные «Изгои», старые номера подростковых журналов. Разумеется, ничего связанного с племянницей Уолта Уитмена.

Потом я просмотрел книги на столике у кровати. Ничего интересного.

— По идее, у нее должна бы оказаться книга с его стихами, — предположил я. — Но ее, похоже, нет.

— Есть! — возбужденно сказал Бен.

Он сидел на коленях у книжной полки, я подошел к нему и увидел ее. Это была тоненькая книжечка, втиснутая между двумя учебниками в самом низу. Уолт Уитмен. «Листья травы». Я ее вытащил. На обложке была его фотография, светлые глаза поэта смотрели прямо на меня.

— Неплохо, — ответил я.

Бен кивнул.

— Может, уже пойдем отсюда? Можешь считать меня старомодным, но я бы предпочел с ее предками не знакомиться.

— Мы ничего не упустили?

Радар встал.

— Ну, мне кажется, что она пока весьма прямолинейна, в книге должно что-то быть. Хотя это странно — ты не обижайся, конечно, но раньше Марго всегда эти ключи оставляла родителям, с чего вдруг она на тебя-то перекинулась?

Я пожал плечами. Ответа я не знал, хотя надежда конечно же была: Марго хотела убедиться, что я смогу действовать уверенно. Может, на этот раз она *хотела*, чтобы ее нашли и чтобы это сделал я. Возможно, что после того как она выбрала меня в ту самую длинную ночь, она выбрала меня еще раз. И вероятно, того, кто ее найдет, ждут несказанные богатства.

Вскоре после того как мы вернулись ко мне, Бен с Радаром ушли — точнее, после того как они оба по разу просмотрели книгу и не нашли никаких других явных подсказок. Я достал из холодильника холодную лазанью, взял Уолта и пошел к себе. Это была копия первого издания «Листьев травы», выпущенная издательством «Пингвин Классик». Я немного почитал предисловие, а потом стал просто листать. Там было несколько подчеркиваний, сделанных синим цветом, все — в дико длинном стихе под названием «Песнь о себе». А две строки были подчеркнуты зеленым:

Прочь затворы дверей!

И самые двери долой с косяков!^[4]

Почти всю вторую половину дня я пытался разгадать смысл этой цитаты, думая что, может, Марго хочет, чтобы я перестал быть таким паинькой и начал побольше хулиганить. Еще я по несколько раз прочел все подчеркнутое синим:

Ты уже не будешь брать все явления мира из вторых
или третьих рук...

Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших...
или питаться книжными призраками...

Я, праздный бродяга.

Все идет вперед и вперед, ничто не погибает.
Умереть — это вовсе не то, что ты думал, но лучше.

Если об этом не знает никто во вселенной, я доволен,
Если знают все до одного, я доволен.

Подчеркнуты были и последние строфы «Песни о себе» целиком.

Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей
любимой травой,
Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под
подошвами.
Едва ли узнаешь меня, едва ли догадаешься, чего я хочу,
Но все же я буду для тебя добрым здоровьем,
Я очищу и укреплю твою кровь.
Если тебе не удастся найти меня сразу, не падай духом,
Если не найдешь меня в одном месте, ищи в другом,
Где-нибудь я остановился и жду тебя.

Я читал все выходные, стараясь разглядеть ее саму в оставленных для меня строках стихотворения. Они никуда не могли меня привести, но я все равно обдумывал их снова и снова, потому что не хотел ее разочаровать. Марго хотела, чтобы я смотал оставленную ею нитку в клубок, прошел по следу из хлебных крошек и наткнулся на нее.

В понедельник утром произошло нечто странное. Я опоздал — это было нормально, мама отвезла меня в школу, что тоже было нормально, потом я какое-то время болтал с ребятами, но и это было нормально, после чего мы с Беном собрались идти на урок — тоже как обычно. Но как только мы открыли стальную дверь репетиционной, на лице Бена появилась смесь радости и ужаса, как будто фокусник выбрал его из толпы, чтобы распилить пополам на глазах у публики. Я проследил за его взглядом.

Джинсовая мини-юбка. Обтягивающая белая футболка. Глубокий овальный вырез. Невероятная смуглая кожа. Такие ноги, что забываешь обо всем остальном. Идеальные каштановые вьющиеся волосы. Значок с надписью: «Я — КОРОЛЕВА БАЛА». Лэйси Пембертон. И она шла к нам. В репетиционную.

— Лэйси Пембертон, — прошептал Бен, хотя она была всего в трех шагах и не могла его не услышать, она даже притворно застенчиво улыбнулась, когда прозвучало ее имя.

— Квентин, — позвала она.

Меня особенно удивило, что она вообще в курсе, как меня зовут. Она кивнула, приглашая меня за собой, и я пошел — мимо репетиционной, к ряду шкафчиков. Бен не отставал.

— Привет, Лэйси, — сказал я, как только она остановилась.

Я уловил запах ее духов — ими же пахло в ее джипе, и я вспомнил, как полетели в стороны куски зубатки, когда мы отпустили сиденье.

— Говорят, ты был с Марго.

Я молча посмотрел на нее.

— В ту ночь, с рыбой. Которую вы сунули в мою тачку. И Бекке в шкаф. И Джейсу в окно бросили.

Я все смотрел на нее. Не знал, что сказать. Можно прожить длинную и полную приключений жизнь, и Лэйси Пембертон с тобой даже не заговорит ни разу, но когда такое невиданное событие все же происходит, ляпнуть что-нибудь не то не очень хочется. Так что за меня ответил Бен.

— Ну да, они вместе в ту ночь тусили, — сказал он так, будто мы с ней были классные друзья.

— Она на меня разозлилась? — через несколько секунд спросила Лэйси. Она стояла, опустив взгляд, я даже видел ее коричневые тени.

— Что?

Ответила она тихо, голос едва заметно дрогнул: и Лэйси Пембертон вдруг стала не Лэйси Пембертон. А, типа, обычным человеком.

— Ну... как это сказать, я что-то не то сделала, из-за чего Марго так распсиховалась?

Мне опять пришлось задуматься, как лучше ответить.

— Гм, ну, ей не понравилось, что ты не сказала ей про Джейса с Беккой. Но ты же знаешь Марго. Она скоро все забудет.

Лэйси пошла прочь по коридору. Мы с Беном так и остались стоять, но через некоторое время она сбавила шаг. Она хотела, чтобы мы последовали за ней. Бен меня подтолкнул, и мы догнали ее.

— Я про Джейса с Беккой даже *не знала*. Вот в чем дело. Боже, надеюсь, я вскоре смогу ей все объяснить. Я какое-то время боялась, что она навсегда смоталась, но потом открыла ее шкафчик — я знаю код, и там все фотки до сих пор и учебники, все на месте.

— Это хорошо, — ответил я.

— Да, но ведь уже дня четыре прошло. Почти рекорд даже для нее. Блин, отстойно, понимаешь — Крейг знал, а я нет. Меня это так взбесило, что я с ним порвала, и теперь у меня и пары на выпускной нет, и лучшая подруга куда-то свинтила, может, она сейчас в Нью-Йорке или еще где и думает про меня такое, чего бы я НИ ЗА ЧТО не сделала.

Я метнул взгляд на Бена, он — на меня.

— Мне надо в класс уже, — сказал я. — Но почему ты думаешь, что она в Нью-Йорке?

— По-моему, она за пару дней до того, как смоталась, говорила Джейсу, что в Америке есть только одно место, где нормальный человек может жить хотя бы полунормальной жизнью — и это Нью-Йорк. Хотя, может, она это просто так сказала. Не знаю.

— Ладно, я побегу.

Я знал, что Бену ни за что не убедить Лэйси пойти с ним на выпускной, но он заслужил хотя бы возможность попытаться. Я побежал к своему шкафчику, на пути мне попался Радар, и я на ходу взъерошил ему волосы. Он разговаривал с Энджелой и какой-то первокурсницей из оркестра.

— Это не мне надо говорить спасибо, а Кью, — сказал он, и она крикнула:

— Спасибо за двести баксов!

Я, не оглядываясь, прокричал в ответ:

— Ты не меня, ты Марго Рот Шпигельман благодари. — Ведь это она дала мне необходимый инструмент.

Я достал из шкафчика тетрадь по математике, да так и остался на месте, даже после того как прозвенел второй звонок; я стоял посреди коридора, а мимо меня неслись в разные стороны ребята, я чувствовал себя разделительной полосой на шоссе. Кто-то еще поблагодарил меня за двести баксов. Я улыбнулся в ответ. Теперь школа казалась настолько *моей* — у меня за все прошлые годы не было такого чувства. Мы восстановили справедливость для лишившихся великов ребят из оркестра. Со мной заговорила Лэйси Пембертон. А Чак Парсон передо мной извинился.

Я так хорошо знал эти стены — и теперь у меня начало возникать чувство, что и они меня тоже знают. Прозвенел и третий звонок, а я все стоял, толпа поредела. И только через некоторое время я все же пошел на математику и сел на место сразу после того, как мистер Джиминес начал свою очередную бесконечную лекцию.

Я взял с собой «Листья травы», положил книжку на колени и снова принялся перечитывать подчеркнутые строки в «Песни о себе», пока мистер Джиминес писал что-то на доске. Прямых указаний на Нью-Йорк я не увидел. Через несколько минут я передал сборник Радару, он немного почитал и написал в ближайшем ко мне уголке своей тетради: *«Зеленые подчеркивания должны что-то означать. Может, она хочет, чтобы ты раскрыл двери своего восприятия?»* Я пожал плечами и ответил: *«Или просто читала два раза с разными фломастерами»*.

Через несколько секунд я посмотрел на часы — всего лишь в тридцать седьмой раз за этот урок — и увидел за дверью Бена: он танцевал от радости, как сумасшедший.

* * *

Когда звонок позвал меня на обед, я бросился к своему шкафчику, но Бен каким-то образом меня обставил, а еще каким-то образом Лэйси Пембертон снова оказалась рядом с ним. Он лип к ней, чуть ссутулив плечи, чтобы смотреть прямо в лицо. У меня иногда при разговоре с Беном начинался приступ клаустрофобии, и это при том, что я не был сексапильной девчонкой.

— Привет, — сказал я, подойдя поближе.

— Привет, — отозвалась Лэйси, явно воспользовавшись возможностью сделать шаг назад. — Бен рассказал мне, как обстоят дела с Марго. В ее комнату никто никогда вообще не заходил. Она говорила, что предки не разрешают ей гостей приглашать.

— Серьезно?

Лэйси кивнула.

— Ты знала, что у Марго миллион пластинок?

— Нет, мне Бен только что сказал! Марго о музыке никогда не говорила. Ну, то есть она комментировала, когда по радио что-то прикольное крутили, например. Но в целом — нет. Какая она *странная*.

Я пожал плечами. Может, Марго и странная, а может, это мы все странные. Лэйси не смолкала.

— Мы как раз говорили о том, что Уолт Уитмен из Нью-Йорка.

— В Мультипедии написано, что и Вуди Гатри там довольно долго прожил, — добавил Бен.

Я кивнул:

— Легко могу поверить, что она именно туда и двинула. Но думаю, что надо найти следующую подсказку. Не может же все кончаться на книге. В этих подчеркиваниях наверняка что-то зашифровано, или еще что есть.

— Можно я во время обеда почитаю?

— Ага, — согласился я. — Если хочешь, отксерю в библиотеке.

— Не, я просто посмотрю. Я-то в стихах не разбираюсь. К тому же у меня там, то есть в Нью-Йорке, кузина учится, я послала ей объявление. Она распечатает и расклеит в музыкальных магазинах. Я понимаю, конечно, что их там до фига, но все же.

— Хорошая идея.

Они пошли в сторону столовки, я тоже.

— Слушай, — спросил Бен у Лэйси, — а платье у тебя какого цвета?

— Гм, типа сапфировое, а что?

— Хочу быть уверен, что мой смокинг подойдет, — пояснил он.

Я впервые видел, чтобы Бен так нелепо лыбился, а это о многом говорит, потому что он и так-то довольно нелепый.

Лэйси кивнула:

— Хорошо, главное, чтобы мы не выглядели *совсем уж* как из одного набора. Может, тебе все же классику предпочесть: черный смокинг и черный жилет?

— Пояс, думаешь, не надо?

— Ну, можно, только не с гигантскими складками, ага?

Они продолжили обсуждать эту тему — я так полагаю, идеальная ширина складок на поясе к смокингу может стать предметом многочасовых дискуссий; я слушать перестал, встав в очередь за пиццей. Бен нашел себе пару на выпускной, а Лэйси нашла парня, который будет рад обсуждать грядущий выпускной часами. Теперь у всех есть пара — то есть за

исключением меня, но я идти и не собирался. Единственная девчонка, с которой я хотел бы пойти, пустилась в праздные странствия или что-то вроде того.

Когда мы сели, Лэйси принялась читать «Песнь о себе» и сказала, что ей не кажется, будто в этом есть какой-то особый смысл, и вообще, по ее мнению, это не в духе Марго. В общем, мы так и не поняли, что она хотела нам этим сказать, если вообще хотела. Лэйси протянула мне книжку, и они с Беном вернулись к обсуждению выпускного.

После обеда я решил, что смысла перечитывать эти цитаты нет, но мне то и дело становилось скучно, и я снова доставал книжку из рюкзака и клал ее на колени. В самом конце учебного дня, седьмым уроком, у меня был английский. Мы только начали «Моби Дика», поэтому доктор Холден много распространялась о рыбалке в девятнадцатом веке. На парте у меня лежал «Моби Дик», а на коленях — Уитмен, но даже тот факт, что я находился в кабинете английского, не помог. Зато я умудрился целых несколько минут не смотреть на часы, так что очень удивился, когда зазвенел звонок, и дольше остальных складывал вещи в рюкзак. Когда я повесил его на плечо и направился к двери, доктор Холден улыбнулась мне и сказала:

— Значит, Уолт Уитмен?

Я робко кивнул.

— Хороший поэт, — признала она. — Настолько хороший, что я даже почти не против того, чтобы ты читал его на моих уроках. Но все же не совсем.

Я тихонько извинился, вышел и направился к стоянке для старшекурсников.

Пока Бен с Радаром музицировали, я сидел в ЗПЗ, оставив двери открытыми, чтобы его продувало сквознячком. Я пытался читать «Записки Федералиста», по которым у нас на следующий день должен был быть тест, но мысль постоянно возвращался к замкнутому кольцу загадок: Гатри, Уитмен, Нью-Йорк, Марго. Она уехала в Нью-Йорк слушать фолк? Может, существует тайная Марго — любительница фолка, с которой я не знаком? Может, она поселилась в квартире, где некогда жил один из них? Но почему она решила *мне* об этом сообщить?

В боковом зеркале я увидел Бена с Радаром, Радар шагал быстро, размахивая футляром с саксофоном. Они поспешно забрались в уже открытый ЗПЗ, Бен повернул ключ, мотор зафыркал, мы принялись

надеялся, он снова зафыркал, мы еще понадеялись, и он, наконец, с бульканьем ожил. Бен немедленно выехал со стоянки, и только когда кампус остался позади, завопил:

— ТЫ, БЛИН, МОЖЕШЬ В ТАКОЕ ПОВЕРИТЬ! — Он начал лупить по гудку, но тот, естественно, не работал, так что Бен кричал в такт своему стуку: — БИ-БИ! БИ-БИ! ПУСТЬ БИБИКНЕТ ТОТ, КТО С НАСТОЯЩЕЙ ЗАЙКОЙ ЛЭЙСИ ПЕМБЕРТОН! БИ-БЭЙБИ-БИ!

Бен не затыкался почти всю дорогу.

— Знаешь, в чем причина? Помимо отчаяния? Мне кажется, они с Беккой Эррингтон поссорились из-за этой, ну, измены, и теперь ей стало стыдно еще и за мою кровавую репутацию. Она этого, конечно, не *сказала*, но по *поведению* ясно. Так что в итоге Кровавый Бен вступает в и-иг-ру.

Я был очень за него рад и все такое, но меня все же больше занимала необходимость отыскать Марго.

— Ребят, у вас хоть какие-нибудь идеи есть?

Я какое-то время ждал, а потом Радар посмотрел на меня в зеркало заднего вида и сказал:

— Эта фраза про двери — единственная выделена другим цветом, к тому же она более странная, чем все остальные, незаконченная мысль, так что, я думаю, надо копать здесь. Прочти-ка ее еще раз.

— «Прочь затворы дверей!/И самые двери долой с косяков!» — ответил я.

— Надо признать, что Джефферсон-парк — не лучшее место для того, чтобы снимать закоснелые двери с косяков, — предположил Радар. — Вдруг она это хотела сказать. Она же вроде Орландо бумажным назвала? Может, Марго просто объясняет, почему сбежала.

Бен притормозил перед светофором, а потом повернулся к Радару:

— Старики, по-моему, вы зайку Марго на слишком высокий пьедестал вознесли.

— В смысле? — не понял я.

— Затворы с дверей, — ответил он, — двери с косяков.

— Ну, да, — подтвердил я.

Снова зажегся зеленый, и Бен надавил на газ. ЗПЗ затрясся так, как будто сейчас развалится, но потом все же поехал дальше.

— Это не *стихи*. И не *метафора*. Это руководство к действию. Надо пойти в ее комнату и снять замок с дверей, а дверь — с косяка.

Радар посмотрел на меня, а я — на него.

— Иногда, — сказал он, — идиотизм Бена оборачивается гениальностью.

Приехав ко мне, мы перешли через узкую полоску травы, отделявшую мой дом от дома Марго — как и в субботу. И снова дверь открыла Руфи, она сказала, что родители вернутся только в шесть; Мирна Маунтвизель возбужденно нарезала вокруг нас круги. Мы поднялись по лестнице. Руфи принесла нам ящик с инструментами из гаража, после чего мы какое-то время смотрели на дверь Марго. Мы не были мастерами на все руки.

— Ну, и что делать-то, черт? — спросил Бен.

— При Руфи не ругайся, — сказал я.

— Руфи, ты не протии, если я буду говорить «черт»?

— Мы в чертей не верим, — ответила она.

Радар перебил нас:

— Ребята. Ребята, дверь.

Он выудил из ящика с барахлом крестовую отвертку, опустил на колени и принялся скручивать ручку с замком. Я взял отвертку побольше, чтобы открутить петли, но там винтов вообще не оказалось. Я снова уставился на дверь. Руфи все это надоело, и она пошла вниз смотреть телик.

Радар снял ручку, и мы все, по очереди, заглянули в круглую дырку с необработанным деревянным краем. Там никакого послания не было. Ни записки, ничего. Я расстроился и перешел к петлям, гадая, как же снять их. Я принялся открывать-закрывать дверь, пытаюсь понять, как там все устроено.

— Этот идиотский стих такой длинный, — сказал я, — неужели старик Уолт не мог уделить строчку-другую тому, как снимается дверь с косяка?

Только услышав ответ Радара, я понял, что он снова включил комп.

— Согласно Мультипедии, у нас тут двустворчатая торцевая петля. Надо просто отверткой выдавить штырек. Какой-то умник тут еще пошлость приписал. Ох, Мультипедия, любезнейшая, станете ли вы когда-либо точной?

Как только Мультипедия сообщила нам, что делать, дело пошло на удивление быстро. Я вытолкнул штырек из всех трех петель, а Бен снял дверь. Я осмотрел и петли, и дверную коробку. Но ничего особенного не увидел.

— На двери ничего нет, — констатировал Бен. Мы поставили ее обратно, а Радар вколотил штырьки на место ручкой отвертки.

Мы с Радаром пошли к Бену, дом которого по планировке был похож на мой, играть в «Ярость Арктики». Мы дошли до «игры в игре» — пейнтбол на леднике. Если попадешь противнику по яйцам, получаешь дополнительные очки. Очень изощренно.

— Старик, да она точно в Нью-Йорке, — сказал Бен.

Я заметил, как из-за угла показалось дуло, но и с места сдвинуться не успел, как он уже выстрелил мне между ног.

— Черт, — буркнул я.

Радар добавил:

— Похоже, что все ее прошлые подсказки указывали на какое-то место. Она говорит Джейсу о Нью-Йорке; потом указывает нам на двух человек, которые прожили там почти всю жизнь. Все сходится.

— Старик, она этого хочет, — сказал Бен. Я уже к нему подкрался, а он нажал на паузу. — Чтобы ты *поехал* в Нью-Йорк. Что, если это единственный способ найти Марго, согласно ее замыслу? Именно *поехать* туда?

— Что? Там миллионов двенадцать человек.

— Может, у нее тут есть доверенное лицо, — предположил Радар, — которое сообщит ей, что ты поехал.

— Лэйси! — воскликнул Бен. — Это точно она! Да! Тебе сейчас же надо садиться в самолет. Лэйси об этом узнает, сообщит ей, а Марго встретит тебя в аэропорту. Да. Старик, я тебя сейчас домой отвезу, ты соберешь вещи, а потом я доставлю тебя в аэропорт, ты купишь билет по своей кредитке, предназначенной только для экстренных случаев, Марго узнает, каким ты стал крутым мужиком, таким крутым, что Джейсу Ворзингтону и *не снилось*, и в итоге мы все трое пойдем на выпускной с самыми классными телками.

Я не сомневался в том, что рейс на Нью-Йорк будет скоро. Из Орlando, куда ни захочешь попасть, — вылет скоро. Но вот во всем остальном я уверен не был.

— Если ты позвонишь Лэйси... — сказал я.

— Она не признается! — воскликнул Бен. — Ты только подумай, сколько они уже прикидываются — наверное, они лишь сделали вид, что поссорились, чтобы ты не заподозрил, что именно она — поверенная Марго.

— Не знаю, как-то не особо складывается, — засомневался Радар.

Он говорил что-то еще, но я почти не слушал. Я смотрел на застывшую картинку игры и обдумывал ситуацию. Если Марго с Лэйси

только притворились, что поссорились, Лэйси и с парнем своим, значит, порвала не по-настоящему? И ее беспокойство за подругу тоже было наигранным? Она показывала нам многочисленные письма — получается, фальшивые — отклики на объявления, которые развесила ее кузина в музыкальных магазинах Нью-Йорка. Нет, не может такого быть, Бен придумал идиотский план. Тем не менее, радовало, что у нас появился хоть какой-то план вообще. Но до конца учебного года оставалось всего две с половиной недели, и если я улечу в Нью-Йорк, то пропущу как минимум два дня — уж не говоря о том, что меня убьют родители, если я куплю билет на самолет по своей резервной кредитке. Чем больше я эту идею обдумывал, тем глупее она казалась. А вдруг я смогу увидеть ее прямо завтра... Но нет.

— Я школу не могу пропустить, — сказал наконец я. И продолжил игру. — У меня завтра тест по французскому.

— Знаешь, — ответил Бен, — ты такой романтичный, просто жуть.

Поиграв еще несколько минут, я пошел домой через Джефферсон-парк.

Мама мне однажды рассказала про больного мальчика, с которым она работала. До девяти лет он был совершенно нормальным, а потом у него умер папа. Несмотря на то что в мире полно девятилеток, у которых умирают отцы, мало кто из них сходит с ума; этот пацан, похоже, оказался не как все.

Он взял карандаш и стальной компас и начал рисовать на бумаге кружочки. Все они были ровно два дюйма в диаметре. Он обводил и обводил компас, пока лист не становился совершенно черным, а потом брал новый и начинал все с начала, и так каждый день, с утра до вечера; в школе он тоже рисовал эти кружочки, даже на тестах. Мама объяснила мне, что это повторяющееся действие, которое он придумал себе, помогало ему справляться с болью утраты, но вскоре привычка стала оказывать пагубное влияние. Ну так вот, мама с ним поговорила, заставила поплакать о папе, или что там еще у них было, парнишка прекратил рисовать круги и, предположительно, будет жить еще долго и счастливо. Но я иногда думаю об этом пацане, потому что мне кажется, что я его понимаю. Мне всегда нравилась монотонность. Мне, наверное, скучная жизнь никогда не казалась скучной. Я сомневаюсь, что смог бы объяснить это человеку вроде Марго, но рисовать всю жизнь кружочки — казалось мне довольно разумным сумасшествием.

Поэтому я не должен был беспокоиться по поводу своего решения не

лететь в Нью-Йорк. Это же все равно была глупая затея. Но пока я следовал заведенному порядку весь вечер и следующий день, меня глодала эта мысль, мне казалось, что размеренная жизнь отдаляет меня от встречи с Марго.

Во вторник вечером — Марго не было уже шесть дней — я поговорил с родителями. Не то чтобы я прямо принял какое-то серьезное *решение*, просто так сложилось. Я сидел за кухонным столом, папа нарезал овощи, а мама обжаривала говядину на сковородке. Папа принялся высмеивать меня за то, что я так долго читаю одну тоненькую книжонку, а я ответил:

— Вообще-то это не школьная программа; просто кажется, что Марго оставила мне в ней какой-то ключ.

Они смолкли, и я рассказал про Вуди Гатри и Уитмена.

— Да, ей явно нравятся эти игры с недосказанностью, — прокомментировал папа.

— Я не виню девочку в том, что ей хочется внимания, — сказала мама, а потом добавила, обращаясь ко мне, — но это не значит, что ты должен нести ответственность за ее благополучие.

Папа сбросил морковь с луком в сковороду:

— Да, верно. Конечно, никто из нас не сможет поставить Марго диагноз, пока мы ее не увидим, но я думаю, что она скоро вернется.

— Не будем строить предположений, — тихонько сказала ему мама, как будто я не услышал бы.

Папа хотел что-то ответить, но я перебил:

— А мне что делать?

— Окончить школу, — ответила мама. — И доверять Марго — она может сама о себе позаботиться, эта способность у нее хорошо развита.

— Согласен, — добавил папа.

А после ужина, уйдя к себе и включив «Восстание» без звука, я понял, что они обсуждают эту тему. Слов я не разобрал, но они оба были довольно взволнованы.

Ближе к ночи позвонил Бен на мобильник.

— Привет, — сказал я.

— Старик, — начал он.

— Да, — ответил я.

— Я пойду с Лэйси за обувью.

— За обувью?

— Ага. С десяти до полуночи скидка тридцать процентов. Она хочет, чтобы я помог ей выбрать туфли на выпускной. У нее, конечно, уже есть

какие-то, но я к ней вчера заходил, и мы согласились, что они не... ну, понимаешь, туфли для выпускного должны быть просто *идеальными*. Так что эти она хочет вернуть, а потом мы едем в «Бердинс», а там мы собираемся типа...

— Бен, — сказал я.

— Что?

— Чувак, я не хочу обсуждать туфли Лэйси. Я даже скажу почему: у меня есть такая штука, из-за наличия которой меня обувь для выпускного совершенно не интересует. Член называется.

— Я просто нервничаю и никак не могу перестать думать о том, что она мне серьезно нравится, не просто потому что мы вместе на выпускной идем, а в том смысле, что она классная и мне нравится с ней тусить. Мы же будем танцевать там, а представь, если мы будем целоваться прямо посреди танцпола, и все такие: «Вот это ни фига себе», так что всё, что они там обо мне выдумывали и трепали, всё это затрещит по швам...

— Бен, — снова перебил я, — просто прекрати слюни пускать, как идиот, и все будет нормально.

Он еще какое-то время нес эту чушь, но потом мне удалось распрощаться.

Я лег, и на меня навалились депрессивные мысли по поводу этого выпускного. Я отказывался расстраиваться из-за того, что *не иду* туда, но я — как бы это ни было глупо и нелепо — мечтал о том, чтобы успеть найти Марго и уговорить ее пойти туда со мной. И все это должно было случиться в самый последний момент, в субботу ночью. Потом мы войдем в праздничный зал в Хилтоне в джинсах и поношенных майках, успевая только на последний танец, и закружимся, все остальные будут показывать на нас пальцами и дивиться возвращению Марго, а мы, танцуя фокстрот, выскользнем из зала на улицу и побежим есть мороженое. Так что да, я, как и Бен, предавался смехотворным фантазиям по поводу этого выпускного. Но я, по крайней мере, *вслух о них не распространялся*.

Бен иногда делался эгоцентричным идиотом, и мне приходилось напоминать себе, что я в нем вообще нашел. Даже если бы у него и не было никаких достоинств, мысли ему иногда приходили на диво гениальные. Например эта, с дверью. Она себя не оправдала, но все равно была хороша. Просто, видимо, Марго хотела сказать мне что-то другое.

Мне.

Эти ключи — *мои*. Значит, и двери — тоже мои!

Чтобы попасть в гараж, мне сначала надо было пройти через гостиную, а там перед телевизором сидели родители.

— Хочешь посмотреть с нами? — предложила мама. — Они уже близки к разгадке.

Это было телешоу, где расследуются преступления.

— Нет, спасибо, — отказался я и пролетел мимо них через кухню в гараж.

Я отыскал самую широкую отвертку с прямым наконечником, сунул ее за пояс своих шортов цвета хаки и покрепче затянул ремень. В кухне я взял печенье и, двигаясь немного неловко, пошел обратно к себе через гостиную; пока на экране разворачивалось расследование, я вынул все штырьки из своей двери. Когда вышел последний, дверь скрипнула и начала отходить, так что я одной рукой открыл ее на максимум, чтобы она уперлась в стену. И тут из верхней петли вывалился крохотный кусочек бумаги — размером примерно с мой ноготь. Вполне в духе Марго. Зачем прятать что-либо у себя, если можно засунуть это ко мне? Я задумался, когда и как она успела это сделать. А еще я не смог сдержать улыбку.

Это был обрывок газеты «Обозреватель Орландо». Я понял, что это именно она, потому что на оборванном краешке было напечатано «*тель Орландо 6 Мая, 2*». Как раз в тот день она и сбежала. Записка явно была от нее. Я узнал почерк:

8328 Бартлсвилль-авеню.

Чтобы поставить дверь на место, надо было забивать штыри, а это бы точно привлекло внимание родителей, поэтому я оставил открытую дверь висеть на петлях. Положив штырьки в карман, я сел за комп и нашел на карте адрес с записки. Названия этой улицы я раньше никогда не слышал.

Она оказалась в тридцати четырех и шести десятых мили от меня, ехать нужно было по Колониал-драйв почти что до города с названием «Рождество». Я приблизил снимок здания со спутника — черный прямоугольник, облицованный чем-то неярким, серебристым, за ним — трава. Может, это фургон? Размер сложно было оценить, потому что вокруг была только зелень.

Я набрал Бена и рассказал ему все.

— Значит, я был прав! — обрадовался он. — Не терпится рассказать

Лэйси, она тоже считает, что это была крутая идея!

На мнение Лэйси я внимания не обратил.

— Ну, я поеду, наверное.

— Конечно, надо ехать. И я с тобой. Давай в воскресенье утром, я, конечно, жутко устану после выпускного, но фиг с ним.

— Нет, я сейчас прямо выезжаю.

— Старик, *темно* же. Не поедешь же ты в этот странный дом с таинственным адресом в *темноте*. Ты что, ужастики не смотришь?

— Может, она там.

— Ага, а также там может оказаться демон, питающийся исключительно поджелудочными молодых парней, — спорил он. — Боже, ты хоть до завтра подожди, правда, после репетиции мне надо заказать ей корсаж и домой заехать на случай, если она в сети и написала мне что-нибудь, потому что мы в последнее время много переписываемся...

Я перебил:

— Нет, я еду сегодня же, я хочу ее видеть.

Круг сужался. Если потороплюсь, может, через час я ее уже увижу.

— Старик, я тебе не позволю ехать не известно куда среди ночи. Я должен прикрыть твою задницу.

— Завтра утром, — сказал я, в первую очередь себе. — Завтра утром поеду.

Мне, в общем-то, уже начинала надоедать моя стопроцентная посещаемость. Бен молчал. Я лишь слышал, как он выпускает воздух через передние зубы.

— Да, я чувствую, что заболеваю, — сказал наконец он. — Жар, кашель, все болит и ноет.

Я улыбнулся. Попрощавшись с ним, я тут же набрал Радара.

— У меня тут Бен на другой линии, — ответил он, — я тебе сейчас перезвоню.

И перезвонил через минуту. Я даже поздороваться не успел.

— Кью, у меня такая жуткая мигрень. Я завтра точно в школу не смогу прийти.

Я засмеялся.

Потом я разделся, оставшись только в трусах и майке, высыпал мусор из ведра и поставил его рядом с кроватью. Завел будильник на безбожно ранний час — шесть утра — и все оставшееся время тщетно пытался заснуть.

На следующее утро в комнату вошла мама и сказала:

— Ты даже дверь не закрыл, соня.

Я открыл глаза и ответил:

— У меня что-то с животом. — И показал на ведро: в нем была блевота.

— Квентин! Боже ж ты мой! Когда это случилось?

— Часов в шесть, — сказал я честно.

— Почему ты нас не позвал?

— Сил не было. — Тоже честно.

— Ты плохо себя почувствовал и проснулся? — спросила она.

— Ага, — сказал я на этот раз неправду.

Проснулся я, потому что в шесть прозвенел будильник. Потом я прокрался на кухню, съел батончик из мюсли и выпил апельсинового сока. Через десять минут я сунул в глотку два пальца. Я решил не делать этого ночью, чтобы не воняло у меня под носом. Блевать тошнотно, но быстро об этом забываешь.

Мама унесла ведро и помыла. Потом принесла его обратно.

— Я, наверное, сегодня останусь... — начала она, поджав от волнения губы.

Я поспешно ее перебил:

— Все в порядке, правда, просто слабость какая-то. Съел что-то не то.

— Ты уверен?

— Если станет хуже, я позвоню, — пообещал я.

Мама поцеловала меня в лоб. Я почувствовал, что на коже отпечаталась ее липкая помада. Мне на самом деле не было плохо, но отчего-то стало лучше.

— Дверь закрыть? — предложила она, взявшись за ручку. А дверь едва держалась на петлях.

— Нет-нет-нет, — сказал я, может быть, слишком уж напуганно.

— Ладно. Я по пути на работу в школу позвоню. А ты дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится. Что угодно. Или если захочешь, чтобы я приехала. И папе можешь звонить в любой момент. В обед я заеду, ага?

Я кивнул и натянул одеяло до подбородка. Хотя мама и помыла ведро, я даже сквозь запах моющего средства все еще ощущал вонь блевоты, от чего почему-то снова тянуло сблевать, но я старался не думать об этом и

медленно дышать ртом, пока не услышал, как «крайслер» отъехал от дома. Было 07:32. В кои-то веки приеду вовремя, подумал я. Не в школу, правда. Но все же.

Я принял душ, почистил зубы, надел темные джинсы и черную майку без рисунка. В карман положил обрывок газеты, оставленный Марго. Потом вколотил штырьки в петли и принялся собирать вещи. Я не особо знал, что взять с собой, но на всякий случай бросил в рюкзак отвертку, которой снимал дверь, распечатку спутниковой карты, указания, как добраться, бутылку воды и Уитмена — на случай, если найду ее там. Хотел расспросить о нем.

Бен с Радаром приехали ровно в восемь. Я забрался на заднее сиденье. Они подпевали «Маунтин гоутс».

Бен развернулся и протянул мне руку, сжатую в кулак. Я легонько ударил по нему, хотя терпеть не мог этот вид приветствия.

— Кью! — проорал он, перекикая музыку. — Ну, как тебе все это?

Я знал, что Бен имеет в виду: слушать «Маунтин гоутс» с друзьями в тачке, несущейся майским утром в среду навстречу Марго и маргофигенному призу, который полагается тому, кто ее отыщет.

— Лучше математики, — ответил я.

Музыка орала слишком громко, разговаривать было невозможно. Въехав в Джефферсон-парк, мы тут же открыли единственное работающее окно, чтобы поведать всему миру о нашем превосходном музыкальном вкусе.

Мы гнали к Колониал-драйв мимо кинотеатров и книжных магазинов, в которые и мимо которых я ездил всю свою жизнь. Но эта поездка была лучше предыдущих, потому что в школе сейчас шла математика, потому что со мной были Бен с Радаром, потому что я думал, что мы ее сейчас найдем. Через двадцать миль Орlando, наконец, сдался и уступил место оставшимся в живых апельсиновым рощам и недостроенным ранчо — в общем, это была бесконечная равнина, заросшая густым кустарником, с ветвей дубов свисал испанский мох. Было жарко и безветренно. Именно в таких местах я проводил лето в скаутских лагерях, терпя укусы комаров и гоняясь за броненосцами. На дороге теперь были почти одни грузовички-пикапы, а каждую милю из ниоткуда возникали поселения: кучки домиков, между которых петляли узенькие улочки. Городки напоминали обшитые винилом вулканы.

Через некоторое время мы увидели полусгнившую деревянную вывеску «ГРОУВ-ПОИНТ». Уходящая в сторону потрескавшаяся дорога из асфальтобетона вскоре кончилась — а дальше шла просто серая земля. Моя

мама такие места называла «недопоселениями» — их бросили, так и не застроив. Она показывала мне их, когда мы ездили куда-то вместе, но они никогда не были *настолько* заброшенными.

Мы проехали еще миль пять, когда Радар вдруг сделал музыку тише и сказал:

— Около мили осталось.

Я вдохнул побольше воздуха. Радостное возбуждение по поводу того, что я не в школе, начало угасать. Что-то не верилось, что Марго может скрываться в таком месте, я даже подумал, что вряд ли бы она сюда сунулась. Полная противоположность Нью-Йорку. Это была та часть Флориды, которую часто видишь из окна самолета и непременно думаешь: зачем людям вообще нужно было селиться на этом полуострове? Я смотрел на пустую дорогу, асфальт настолько раскалился, что она плыла перед глазами. Потом в этом раскаленном мареве показался торговый центр.

— Это оно? — Я наклонился и показал на него.

— Должно быть, — ответил Радар.

Бен выключил стерео, и стало очень тихо. В этой тишине Бен остановился на стоянке, занесенной серым песком: природа вновь отвоевывала свое. Когда-то тут пестрели вывески. У дороги стоял ржавый столб восьми футов высотой. Но указатель уже давно сорвало ветром, или он просто отвалился от старости. Да и у центра дела шли не лучше: это было одноэтажное здание с плоской крышей, кое-где уже просвечивали шлакоблоки. Краска на стенах потрескалась, и облупившиеся кусочки из последних сил цеплялись за бетон, как умирающие насекомые. Между окнами влага нарисовала абстрактные картины. Фанера, которой заставили окна, уже покособилась. Меня пронзила ужасная мысль, от которой уже было не избавиться: мне показалось, что сбежать из дома, чтобы жить тут — нелепо. В такое место можно лишь прийти умирать.

Как только машина остановилась, в нос и даже в рот ударил мерзкий запах смерти. Мне пришлось сглотнуть: к горлу в который раз за сегодня подкатила тошнота. Только сейчас, потеряв столько времени, я осознал, что не так понял ее игру и не тот приз себе вообразил.

Я выхожу из тачки, Бен стоит тут же, а рядом с ним — Радар. И мне вдруг становится совсем невесело, я понимаю, что это вовсе не был вызов типа «докажи, что достаточно крут, чтобы тусить со мной». Я снова слышу слова, которые произнесла Марго той ночью: «Нет, я не хочу, чтобы меня всю в мухах нашли детишки в Джефферсон-парке субботним утром». Не

хочет, чтобы детишки нашли в Джефферсон-парке, но это вовсе не значит, что она вообще не хочет умереть.

Я не вижу никаких свидетельств того, что здесь в последнее время кто-то был, за исключением запаха, этой омерзительной, тухлой вони, задача которой — отгонять живых от мертвых. Я говорю себе, что Марго так пахнуть просто не может, но конечно же она может. Все мы можем. Я подношу руку к носу — чтобы чувствовать запах собственного пота и кожи, да чего угодно, только бы не смерти.

— МАРГО? — кричит Радар.

Сидящий на водосточном желобе пересмешник кричит что-то в ответ.

— МАРГО! — снова орет мой друг.

Нет ответа. Он рисует носком башмака параболу на песке и вздыхает:

— Черт.

Стоя перед этим зданием, я узнаю кое-что новое о страхе. Это не праздные фантазии человека, желающего, чтобы с ним что-нибудь приключилось, пусть даже плохое. Это не омерзение, которое испытываешь при виде мертвого незнакомца. Это не похоже и на то, как у тебя перехватывает дыхание, когда слышишь выстрел, делая ноги от дома Бекки Эррингтон. С таким страхом дыхательными упражнениями не справишься. Этот страх вообще не похож на то, с чем я сталкивался ранее. Это самая основная из всех эмоций, какие испытывает человек, чувство, которое появилось еще до нашего рождения, до того, как возвели это здание, до того, как зародилась сама Земля. Именно этот страх выгнал рыбу из воды на сушу и заставил ее отрастить легкие, этот страх говорит тебе: «Беги», этот страх заставляет нас хоронить мертвецов.

Из-за этого запаха меня охватывают отчаяние и ужас — не такой ужас, когда в легких нет воздуха, а такой, как будто его нет в атмосфере. Мне кажется, я всю жизнь прожил в страхе, пытаюсь подготовиться к чему-то подобному, чтобы тело знало, как реагировать. Но все равно оказался не готов.

— Старик, надо валить, — говорит Бен. — Копов вызвать или еще что.

Мы до сих пор даже не взглянули друг на друга. Мы все еще смотрим на это здание, заброшенное настолько давно, что там не может быть ничего, кроме трупов.

— Нет, — возражает Радар. — Нет, нет, нет, нет, нет. Вызовем, если будет по какому поводу. Она адрес для Кью оставила. А не для копов. Надо как-то туда пробраться.

— *Внутри?* — с сомнением спрашивает Бен.

Я хлопаю Бена по спине, и вот впервые за день мы все трое смотрим

не вперед, а друг на друга. Так легче. Когда смотришь на них, отказываешься верить в то, что она мертва — пока мы ее не найдем.

— Да, полезем, — соглашаюсь я.

Я больше не знаю, кто она такая, и никогда не знал, что она за человек, но мне нужно ее найти.

Мы обходим здание сзади и находим лишь четыре запертые стальные двери. Во все стороны тянется пастбище, золотисто-зеленая трава с точками карликовых пальм. За самим зданием воняет еще хуже, мне страшно идти дальше. Бен с Радаром следуют прямо за мной, слева и справа. Получается треугольник. Мы двигаемся медленно, внимательно осматривая все вокруг.

— Это скунс! — вдруг кричит Бен. — Уф, слава богу. Скунс. Господи боже мой.

Мы с Радаром идем к нему — Бен стоит у мелкой дренажной канавы. Там лежит огромныйдохлый скунс: он вспух, шерсть свалялась, видимых повреждений нет, хотя из проплешины торчит ребро. Радар отворачивается, чуть не блюет, но все же не блюет. Я подхожу, склоняюсь рядом, кладу ладонь ему между лопаток. Когда у него восстанавливается дыхание, он говорит:

— Ох, как я рад видеть этогодохлого скунса, мать его.

Но все равно я не могу представить Марго живой. Мне начинает казаться, что Уитмен мог быть предсмертной запиской. Ведь что она подчеркнула: «Умереть — это вовсе не то, что ты думал, но лучше». «Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой травой, / Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под подошвами». На миг вспыхивает надежда, когда я вспоминаю последнюю строку стихотворения: «Где-нибудь я остановился и жду тебя». Но потом думаю, что «я» — это не обязательно живой человек. Может быть и просто тело.

Радар отходит от скунса и тянет ручку одной из четырех запертых стальных дверей. Мне хочется помолиться за умершего — прочитать отходную по этому скунсу, — но я не умею. Мне его так жаль, и я стыжусь своей радости, что мертв оказался он.

— Она чуть поддается, — кричит Радар. — Идите помогите.

Мы с Беном хватаем Радара за талию и тянем. Он упирается ногой в стену, а потом вдруг все они падают на меня, пропитанная потом футболка Радара накрывает мне лицо. Я испытываю кратковременную радость, думая, что дверь открылась. Но потом вижу, что просто оторвалась ручка. Я с трудом поднимаюсь и смотрю на дверь. Она все еще закрыта.

— Проклятая ручка! Дерьмо окаменелое! — ругается Радар.

Никогда он так не выражался.

— Не переживай, — говорю я, — как-нибудь получится. Должно получиться.

Мы идем дальше и возвращаемся к передней стене здания. Ни дверей, ни отверстий, никаких видимых ходов. Но мне нужно туда попасть. Бен с Радаром пытаются выбить фанеру из окон, но они заколочены намертво. Радар лупит ногой, но все бесполезно. Бен поворачивается ко мне.

— За одной из них нет стекла, — сообщает он, а потом бежит прочь от здания, из-под ног летит грязный песок.

Я ошарашенно смотрю на него.

— Попробую пробить, — объясняет он.

— У тебя не получится.

Он ведь самый мелкий в нашем легковесном трио. Если кому-то и пытаться пробить фанеру телом, так это мне.

Бен сжимает руки в кулаки, потом вытягивает пальцы. Я иду в его сторону, а он рассказывает:

— Когда я учился в третьем классе, чтобы меня не били, мама отвела меня на тхэквондо. Я, правда, занятия на три всего сходил и выучил только одну вещь, но она иногда приносит пользу: мы увидели, как учитель пробивает толстую доску рукой, и все такие заинтересовались, типа чуваки, как он это делает, а он сказал, что главное — верить, что рука пройдет сквозь дерево, и бить со знанием того, что это возможно, и тогда всё получится.

Я собираюсь возразить на этот идиотизм, но Бен срывается с места и проносится мимо меня. Он разгоняется, летя к окну, а потом, абсолютно бесстрашно, в самый последний миг подпрыгивает, поворачивая корпус и выставив вперед плечо, как таран, и влетает в фанеру. Я почти готов увидеть, как он пролетит сквозь нее, и в фанере останется дырка в форме его тела, как в мультике. Но Бен вместо этого отскакивает и падает на задницу в островок зеленой травы посреди грязного песка. Он перекачивается на бок, потирая плечо.

— Сломалась, — объявляет он.

Я бегу к нему, думая, что это он про руку, но Бен встает, и я вижу в фанере на высоте примерно с его рост трещину. Я начинаю долбить в этом месте ногами, она расползается по горизонтали, потом мы с Радаром вставляем в трещину пальцы и начинаем тянуть. Я щурюсь, чтобы пот не так заливал глаза — они уже просто горят, тяну изо всех сил, дергаю туда-сюда, и наконец, нам удается расколупать небольшое отверстие с острыми краями. Мы с Радаром молча продолжаем работать, через некоторое время он устает, и его сменяет Бен. Наконец мы пропихиваем кусок фанеры

внутри. Я лезу в дыру вперед ногами и приземляюсь на что-то вроде стопки бумаги.

Дыра небольшая, через нее попадает свет, но его недостаточно, чтобы оценить размеры помещения, понять, есть ли там вообще потолок. Воздух внутри оказывается таким горячим и спертым, что вдыхаешь и выдыхаешь почти одно и то же.

Я разворачиваюсь и натыкаюсь на Бена — он ударяет меня лбом в подбородок. Я непонятно почему шепчу:

— У тебя есть...

— Нет, — так же шепотом перебивает он меня. — Радар, ты фонарь не взял?

Судя по звукам, он лезет к нам через дыру.

— В брелке есть, но совсем крошечный.

Загорается свет, но я все равно почти ничего не вижу, хотя мне удастся разобрать, что мы оказались в довольно большом помещении с лабиринтом металлических полок. Бумага, на которую я наступил — это страницы старого отрывного календаря, множество листов-дней рассыпано по всему полу: они пожелтевшие и погрызенные мышами. Я думаю, что, может быть, раньше тут был книжный, хотя на этих полках уже давно лежит только пыль.

Мы выстраиваемся в ряд за Радаром. Наверху вдруг раздается скрип, и мы все останавливаемся. Я сглатываю, стараясь унять панический страх. Я слышу, как дышат Радар и Бен, как они шаркают ногами. Мне страшно хочется свалить, но это ведь может быть Марго. Или какие-нибудь нарики.

— Это просто само здание скрипит, — говорит Радар, но в его голосе нет обычной уверенности.

Я не могу пошевелиться. Потом слышу Бена:

— Когда мне в прошлый раз было так же страшно, я обоссался.

— Мне в последний раз было так страшно, когда я, спасая добрых волшебников, встретился лицом к лицу с Черным Властелином.

Я тоже делаю жалкую попытку:

— Когда мне в последний раз было так страшно, мне пришлось спать вместе с мамочкой.

Бен хихикает:

— Кью, я бы на твоём месте так пугался каждую — без исключения — ночь.

Благодаря их смеху я начинаю чувствовать себя в большей безопасности, и мы продолжаем поиски. Мы проходим по всем рядам, не обнаружив ничего интересного, кроме пары номеров «Ридерс Дайджест»

семидесятих годов. Через некоторое время я замечаю, что глаза уже привыкли к темноте, так что мы расходимся в разные стороны с разной скоростью.

— Собираемся здесь, выйдем все вместе, — шепчу я, и пацаны шепотом отвечают *о'кэй*.

Я подхожу к боковой стене комнаты и нахожу первое свидетельство того, что здесь кто-то был с тех пор, как торговый центр забросили: в стене проделана неровная полукруглая дыра высотой мне по пояс. Над ней оранжевой краской из баллончика написано: «НОРА ТРОЛЛЯ», а на саму нору указывает услужливая стрелка.

— Ребят, — зовет вдруг Радар, да так громко, что на миг вся таинственность пропадает.

Я иду на голос и нахожу Радара у противоположной стены — его фонарик освещает еще одну Нору Тролля. На почерк Марго не очень похоже, но наверняка сказать сложно. Ведь при мне она краской только одну букву писала.

Я ныряю в нору и иду вперед, а Радар освещает мне путь. В этой комнате нет совершенно ничего, за исключением свернутого ковра в углу. Радар светит под ноги, и я замечаю пятна клея — когда-то ковер был приклеен к полу. На противоположной стороне еще одна дыра в стене, на этот раз без надписи.

Через нее я попадаю в комнату с вешалками, из стен, разукрашенных потеками, торчат шесты из нержавейки. В этой комнате светлее, через некоторое время до меня доходит, что тут в потолке есть дыры, кое-где оторваны куски рубероида, крыша проседает, наваливаясь на голые металлические поперечины.

— Тут продавали сувениры, — шепчет Бен, уже стоящий впереди меня, и я мигом понимаю, что он прав.

В середине комнаты пятиугольником стоят бывшие витрины. Стекло, некогда разделявшее туристов и предназначенное для них дерьмо, теперь разбито, а ящики витрин засыпаны осколками. Серая краска на стенах облезает, образуя беспорядочный, но красивый рисунок, эти ободравшиеся многоугольники — как снежинки разрухи.

Как ни странно, тут еще остались кое-какие товары: например телефон в виде Микки-Мауса, я видел такой давным-давно в детстве. В одной витрине лежат аккуратно свернутые, но уже поеденные молью и щедро посыпанные битым стеклом футболки с принтом: «СОЛНЕЧНЫЙ ОРЛАНДО». Под витринами Радар находит коробку с картами и древними туристическими брошюрами, рекламирующими «Мир крокодилов»,

«Хрустальные сады» и прочие увеселения, которых давно уже нет. Бен машет рукой, подзывая меня к себе, и показывает зеленого стеклянного крокодильчика, почти полностью похороненного под слоем пыли. Наверное, в этом и заключается ценность наших сувениров: дарить такое людям жалко. В смысле, людей жалко.

Мы пробираемся обратно: в пустую комнату, потом в комнату с полками, потом лезем в другую Нору Тролля. Эта комната похожа на офис, только без компьютеров. Бросили ее, по всей видимости, в спешке: как будто всех работников вдруг запустили в космос или что-то вроде того. Двадцать столов в четыре ряда. На некоторых до сих пор лежат ручки, на всех — огромные календари. На всех календарях — февраль 1986 года. Бен пихает обитый тканью стул, и он начинает вращаться, ритмично скрипя. Возле одного стола стоит шаткая пирамидка из блоков клейких листочков с рекламой «Мартин-Гейл Мортгейдж Корпорейшн». В открытых коробках лежат стопки распечаток из древнего матричного принтера: расходы и приходы «Мартин-Гейл Мортгейдж Корпорейшн». На одном из столов кто-то построил одноэтажный карточный домик из рекламных брошюр. Я разворачиваю их в надежде, что это очередная подсказка, но увы.

Радар роется в бумагах, потом шепчет:

— Ничего новее 1986 года.

Я начинаю обыск ящиков в столах. Нахожу ватные палочки и булавки для галстука. Коробки с карандашами и ручками по двенадцать в каждой: тонкий картон и старомодные шрифты и дизайн. Платочки. Пара перчаток для гольфа.

— Ребят, вы что-нибудь нашли? — спрашиваю я. — Такое, из чего было бы ясно, что здесь кто-то был в последние, скажем, лет двадцать?

— Только Нору Тролля, — отвечает Бен. — Тут, как в гробнице, все покрыто пылью.

— Зачем она тогда нас сюда послала? — спрашивает Радар.

Вот мы и начали обсуждать эту тему.

— Не знаю, — говорю я. — Ее самой тут явно нет.

— Есть места, — отмечает Радар, — где пыли меньше. В пустой комнате есть прямоугольник, как будто оттуда что-то убрали. Но я не знаю...

— И вот еще закрашено, — добавляет Бен.

Он показывает направление, Радар светит туда, и я вижу, что кусок стены загроуновали белым цветом, как будто кому-то пришло в голову тут все отремонтировать, но через полчаса уже надоело. Я подхожу ближе и замечаю, что под белым слоем есть красное граффити. Но проступают

лишь некоторые линии, и я не могу прочесть надпись. У стены стоит открытая банка грунтовки. Я сажусь на колени и опускаю в нее пальцы — затвердевшая поверхность легко сломается, пальцы намокают. Я их вынимаю, с них капает на пол, я молчу, потому что мы все пришли к одному выводу: тут все же кто-то недавно был. Потом снова раздается скрип, Радар матерится и роняет фонарик.

— Жуть какая, — говорит он.

— Ребят, — восклицает Бен.

Фонарик все еще валяется на полу, я делаю шаг назад, поднимаю его и тут замечаю, что Бен на что-то показывает. На стену. В отраженном свете проступили призрачно-серые буквы. Я узнаю почерк Марго.

ТЫ ЕДЕШЬ В БУМАЖНЫЙ ГОРОД
И НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ

Я хватаю фонарик и свечу прямо на грунтовку — надпись исчезает. А когда направляю луч на другую стену — она снова видна.

— Черт, — едва слышно ругается Радар.

Бен добавляет:

— Старик, теперь уже, может, пойдем? Когда я в прошлый раз так испугался... а, к черту. Ужас. Мне как-то все это ни фига не нравится.

«Мне как-то все это ни фига не нравится» — наиболее точное обозначение моего собственного состояния. Точнее мне уже и не надо. И я быстро шагаю к выходу из Норы Тролля. Мне кажется, что стены нас сейчас раздавят.

Бен с Радаром завезли меня домой — школу они пропустили, но вот на репетицию не пойти не могли. Я долго сидел один с «Песнью о себе», раз десять пытался прочесть ее всю целиком с самого начала, но проблема заключалась в том, что она была страниц в восемьдесят, имела странную структуру и множество повторов, и я, зная значение всех слов по отдельности, в целом не понимал ничего. Хотя мне и казалось, что важны, наверное, только подчеркнутые места, я все же хотел выяснить, не является ли поэма предсмертным письмом самоубийцы. Но не мог.

После десяти страниц этого путаного стиха мне вдруг стало настолько не по себе, что я решил позвонить тому детективу. Я нашел в корзине с грязным бельем шорты, в кармане которых лежала его визитка. Он подошел на втором гудке.

— Уоррен.

— Гм, здравствуйте, это Квентин Джейкобсен. Друг Марго Рот Шпигельман.

— Конечно, парень, я тебя помню. Что такое?

Я рассказал ему о найденных подсказках; о торговом центре; о том, что, когда мы с Марго смотрели на Орlando с двадцать пятого этажа «СанТраста», она назвала его бумажным городом, но тогда про другие бумажные города не говорила; о том, что ей не хотелось бы, чтобы ее нашли дети; о том, что теперь я должен искать ее у себя под подошвами. Он даже не стал говорить мне, что в заброшенные здания проникать нельзя, да и не спросил, почему я делал это в десять утра, когда мне полагалось быть в школе. Уоррен молча дождался, когда я закончу свой рассказ, и прокомментировал:

— Господи, парень, ты сам, как настоящий детектив. Тебе бы только пистолет, смелости побольше, а... и еще три бывших жены. Какие у тебя предположения?

— Я беспокоюсь, что она могла, гм, ну, как бы покончить с собой.

— Парень, мне такое и в голову не приходило, я думаю, она просто сбежала. Я тебя, конечно, понимаю, но не забывай, что она это уже не в первый раз делает. В смысле, оставляет всякие подсказки. Это же куда больше впечатляет. Парень, поверь мне, если бы она действительно хотела, чтобы ты ее нашел — живой или мертвой, — это бы уже произошло.

— Но вы не...

— Парень, понимаешь, к сожалению, Марго — взрослый человек и вольна поступать по собственному разумению. Позволь дать тебе совет: жди, когда она сама вернется домой. Ну, то есть тебе надо перестать смотреть на небо, а то и не заметишь, как сам в облака улетишь.

Я повесил трубку, после разговора остался неприятный осадок — я понял, что стихи Уитмена меня на Марго не выведут. Я все вспоминал подчеркнутые строки: «Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой травой, / Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под подошвами». На первых страницах Уитмен называет эту траву «прекрасными нестриженными волосами могил». Но где эти могилы? Где бумажные города?

Я залез в Мультипедию, чтобы выяснить, есть ли в ней о «бумажных городах» что-нибудь такое, чего я не знаю. Там оказалась нереально продуманная и информативная статья, написанная пользователем по имени жопаскунса: «Бумажный город — это такой город, в котором есть бумажный завод». В этом-то и заключался недостаток Мультипедии: Радар писал очень толковые тексты и тщательно выверял информацию, а неотредактированные потуги жопыскунса оставляли желать лучшего. Так что я принялся искать в Интернете и обнаружил нечто стоящее только в самом низу четвертой страницы поиска — на Канзасском форуме по недвижимости.

«Похоже, Медисон Эстейтс так и не достроят; мы с мужем прикупили там кое-что, но нам позвонили на этой неделе и сказали, что возвращают вложения, потому что с предварительных продаж не набралось достаточно денег, чтобы запустить стройку!»

Мардж из Коукера.

Недопоселение! Поедешь туда, и никогда больше не вернешься. Я глубоко вздохнул и какое-то время пялился на экран.

Напрашивался неизбежный вывод. Даже если у нее внутри все оборвалось и решение было окончательным, она все же не могла себе позволить исчезнуть бесследно. И Марго оставила свое тело — так, чтобы я его нашел — там, где порвалась ее первая ниточка. Она сказала, что не хочет, чтобы какие-то чужие дети обнаружили ее тело, так что вполне логично, что из всех знакомых Марго найти ее должен был именно я. Для

меня это совсем уж шоком не будет. Я через такое прошел. Опыт у меня имеется.

Я заметил, что в сеть вылез Радар, и уже собирался щелкнуть мышкой, чтобы поговорить с ним, как на экране вспыхнуло диалоговое окно.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Привет.

КЬЮВОССТАННИЕ: Бумажные города = недопоселения. Кажется, она хочет, чтобы я отыскал ее труп. Она думает, что я выдержу. Мы в детстве с ней нашли мертвого чувака в парке.

Посылаю ему ссылку.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Погоди. Я сейчас по ссылке пройду.

КЬЮВОССТАННИЕ: Ок.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Так, панику не нагнетай. Ты ни в чем не уверен на 100 %. Я думаю, что с ней ничего не случилось.

КЬЮВОССТАННИЕ: Не верю, что ты так думаешь.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Ладно, ты прав. Но если бы кто в этой ситуации и выжил...

КЬЮВОССТАННИЕ: Да, пожалуй. Пойду лягу. Предки скоро вернутся.

Но я никак не мог успокоиться и, уже лежа в постели, позвонил Бену и поведал ему свою теорию.

— Старик, звучит дерьмово. Но с ней все в порядке. Она просто какую-то очередную игру затеяла.

— Как-то, по-моему, ты слишком легкомысленно на это смотришь.

Он вздохнул:

— Не знаю, по-моему, вообще погано, что Марго срулила за три недели до окончания школы. Ты из-за нее волнуешься, Лэйси волнуется, а выпускной уже через три дня, в курсе? Можно мы хоть там оторвемся по полной?

— Ты это серьезно? Бен, она умерла, может быть.

— Не умерла она. Она просто хочет быть звездой. Ей внимание нужно. Ну, то есть ее предки, конечно, уроды, но они ее знают лучше, чем мы, так? И они тоже не боятся, что она умерла.

— Ты иногда ведешь себя как настоящий чудака на букву «м».

— Ладно, старик. У нас обоих был трудный день. Слишком много страстей. Все, я в оффлайн.

Я хотел было высмеять его за использование компьютерного сленга в реальной жизни, но вдруг понял, что у меня нет на это сил.

Закончив разговор с Беном, я снова вылез в Интернет и попытался найти список недопоселений во Флориде. Списка я не нарыл, но в ходе поисков по словам вроде «брошенные поселения» и «Гроувпойнт» набрал пять таких мест в радиусе трех часов езды от Джефферсон-парка. Я распечатал карту центральной Флориды, повесил ее на стену над компом и во все пять поселений воткнул по булавке. Глядя на карту, я никакого четкого рисунка не увидел. Все они располагались в случайных точках, и чтобы объехать их, потребуется, как минимум, неделя. Почему она не указала на конкретное место? Вообще все эти ее подсказки нагоняли ужас. Все они намекали на какую-то трагедию. А место действия не называлось. Ухватиться было не за что. Я как будто на гору щебенки лез.

На следующий день Бен разрешил мне взять свой ЗПЗ, потому что сам он собирался ездить по магазинам на джипе Лэйси — им нужно было что-то там купить для выпускного. Так что мне в кои-то веки не пришлось сидеть у репетиционной — как только прозвенел звонок с седьмого урока, я бросился к машине. У меня, конечно, такого таланта заводить ЗПЗ не было, так что я, хоть и прибежал на стоянку раньше всех, уехал самым последним. Когда же мотор наконец завелся, я двинул в Гроувпойнт.

Я поехал по Колониал-драйв, не торопясь, высматривая другие недопоселения, которые мог не заметить в сети. За мной выстроилась длинная очередь машин, и мне было неловко, что я их задерживаю; удивительно, как у меня еще сил хватало беспокоиться о всякой ерунде, вроде: не посчитает ли меня мужик в ехавшем сзади джипе слишком уж осторожным водителем. Мне бы хотелось, чтобы исчезновение Марго сделало меня другим человеком, но нет, не получилось.

Череда машин ползла за мной, как змея или похоронная процессия, а я вдруг поймал себя на том, что разговариваю с Марго вслух. *«Я дойду до конца. Ты поймешь, что не зря мне доверилась. Я тебя найду».*

Как ни странно, от этой «беседы с Марго» мне стало легче. Она просто не давала мне строить всякие страшные предположения. И вот наконец я увидел осевшую деревянную вывеску «Гроувпойнт». Я буквально услышал, как вздохнули водители у меня за спиной, когда ЗПЗ свернул на ведущую влево тупиковую асфальтированную дорогу. Она была похожа на подъездную, только подъезжать по ней было не к чему. Я вылез, не выключая двигатель. С близкого расстояния было видно, что Гроувпойнт не

такой уж и недостроенный, как казалось издалека. Через пыльный пустырь вели две грунтовки, также кончающиеся тупиком, хотя их уже было едва заметно. Я прошелся по обеим; мой нос обжигал горячий воздух. Солнце палило так, что каждое движение давалось с трудом, но я думал лишь об одном непреложном факте, ужасном и обнадеживающем одновременно: на такой жаре мертвечина воняет, а тут не пахло ничем — только прожаренным воздухом и выхлопами от машины: тяжелый влажный воздух не давал углекислоте подниматься вверх.

Я принялся искать какие-нибудь доказательства того, что тут побывала Марго: следы ног, надписи в пыли, еще какие-нибудь тайные послания. Но, похоже, за несколько лет я был первым человеком, ступившим на эти безымянные улицы. Земля была ровной, она даже еще практически не заросла, так что вся округа просматривалась хорошо. Палаток там не было. Костров тоже. И Марго не было.

Я снова залез в ЗПЗ и выехал на 1-4, а потом двинул на северо-восток, к местечку под названием Холли Медоус. Я проехал мимо трижды, прежде чем наконец отыскал его — вокруг находились только дубовые рощицы и пастбища, даже указателя не было. Но когда я свернул на грунтовку и проехал сквозь аллею посаженных вдоль дороги дубов и сосен, перед моими глазами предстало такое же запустение, как и в Гроувпойнте. Главная грунтовая дорога плавно перешла просто в грунт. Других дорог видно не было, но, выйдя из машины, я нашел на земле несколько покрашенных деревянных столбиков — думаю, с их помощью в свое время размечали участки. Ничего подозрительного я не увидел и не унюхал, но все равно страх сдавливал грудь, сначала я недоумевал, откуда он взялся, а потом пришло понимание. Вырубив все деревья на участке под застройку, на дальнем краю голого прямоугольника строители оставили одинокий дуб. Он был старый и шишковатый и до жути походил на тот, возле которого мы нашли Роберта Джойнера, так что я невольно подумал, что она там, за деревом.

Я представил себе это впервые: Марго Рот Шпигельман сидит, привалившись к дереву, застывший взгляд, изо рта течет черная кровь, она вся распухла и уже не похожа сама на себя — потому что я искал слишком долго. Она думала, что я приду раньше. Она же доверяла мне настолько, что позвала с собой в ту последнюю ночь. А я ее подвел. И хотя в воздухе не было ничего, кроме намека на то, что позже может пойти дождь, я был уверен, что сейчас найду ее.

Но нет. Это было просто дерево, одинокий дуб в серебристой пыли. Я

сел, опершись об него сам, и подождал, пока восстановится дыхание. Я чувствовал себя ужасно из-за того, что приходится делать все это в одиночку. Я просто чувствовал себя ужасно. Если Марго думала, что встреча с Робертом Джойнером меня к такому подготовила, она ошиблась. Роберта Джойнера я не знал. И не любил.

Я ударил ладонями по земле, и все колотил и колотил, — а из-под рук летел песок — пока не дошел до корней, но и это меня не остановило, хотя боль пронзала руки до запястий. До тех пор я по Марго не плакал, но теперь меня, наконец, прорвало, я лупил по земле и кричал, потому что тут меня никто не мог услышать: «Мне тебя не хватает не хватает не хватает».

Даже когда руки устали и высохли глаза, я не ушел; я сидел у дуба и думал о ней, пока не навалились сумерки.

На следующее утро я застал Бена у репетиционной, он стоял в тени дерева, ветви которого свисали едва не до земли, и разговаривал с Лэйси, Радаром и Энджелой. Слушать их было тяжело: они обсуждали грядущий выпускной и вражду между Лэйси и Беккой или что-то типа того. Я ждал возможности, чтобы вставить слово о своем, а когда она представилась, резюмировал: «Я вчера долго бродил по двум недопоселениям, но ничего не нашел». Я вдруг понял, что рассказать-то мне нечего.

Никто, по-моему, и не заинтересовался, кроме Лэйси. Пока я говорил о недопоселениях, она качала головой, а потом сказала: «Я вчера прочитала в Интернете, что перед тем как покончить с собой, люди рвут отношения с теми, на кого злятся. И раздают свои вещи. А Марго мне на той неделе пять пар джинсов отдала, сказала, что на мне они будут лучше смотреться, а это неправда, она же более фигуристая». Мне Лэйси нравилась, но я подумал, что Марго была права: та не упускала возможности ее поддеть.

Закончив говорить, Лэйси почему-то расплакалась, Бен ее обнял, она уткнулась ему в плечо — это оказалось нетривиальной задачей, потому что на каблуках она была выше него.

— Лэйси, нам надо понять, где она. Ты поговори с друзьями. Вдруг Марго кому-нибудь что-нибудь говорила о бумажных городах? Упомянула какое-то конкретное место? Может, какое-то недопоселение было особенным и что-то значило для нее?

Она пожала плечами, все так же прижимаясь к Бену.

— Старик, не дави на нее, — сказал он.

Я вздохнул, но заткнулся.

— Я слежу за тем, что происходит в сети, — вклинился Радар, — но с тех пор как она исчезла, никто с ее юзернеймом в Мультипедию не входил.

И все снова вернулись к теме выпускного. Лэйси отлепилась от плеча Бена и, хотя выглядела еще очень грустной и задумчивой, попыталась улыбнуться, когда Радар с Беном стали рассказывать приколы про покупку корсажей.

День проходил, как обычно — словно в замедленной съемке, в постоянном тоскливом поглядывании на часы. Но сейчас эта пытка стала еще более невыносимой, потому что каждая минута, проведенная впустую в школе, служила очередным подтверждением того факта, что я не могу

найти Марго.

Единственным хоть сколько-то интересным уроком за весь день оказался английский, на котором доктор Холден полностью уничтожила для меня притягательность «Моби Дика»: исходя из неверного предположения, что мы все его уже прочли, она завела беседу о капитане Ахаве, помешанном на поиске и убийстве этого белого кита. Но было забавно, как по ходу рассказа она распалялась все больше и больше. «Ахав — безумец, взбунтовавшийся против судьбы. Вы ведь заметили, что он больше ничего не хочет? Он охвачен единственной мыслью. А поскольку он является капитаном корабля, никто не в силах его остановить. Вы можете возразить — вы действительно вправе это сделать, если решите писать курсовую именно на эту тему, — что такая одержимость лишила его разума. Но, с другой стороны, можно также сказать, что есть в его намерении вступить в изначально обреченную на провал битву какой-то трагический героизм. Надежда Ахава на победу — признак безумия или самая суть человеческая?» Я старался записывать все, что она говорила, в надежде разделаться с курсовой, не читая саму книгу. Во время ее рассказа до меня вдруг дошло, что она необычайно вдумчиво подходит к прочитанному. И она говорила, что ей нравится Уитмен. Так что, когда прозвенел звонок, я достал «Листья травы» и стал медленно застегивать рюкзак, дожидаясь, пока все не разбегутся по домам или дополнительным занятиям. Какой-то одноклассник попросил очередную отсрочку по предыдущей курсовой, а потом, наконец, класс опустел.

— Мой любимый поклонник Уитмена, — обратилась ко мне доктор Холден.

Я выдавил улыбку.

— Вы знаете Марго Рот Шпигельмар? — спросил я.

Она села за свой стол и жестом пригласила меня сесть напротив.

— Я у нее не преподаю, но, разумеется, я о ней слышала. Я знаю, что она убежала.

— Перед тем как, гм, исчезнуть, она, в некотором смысле, оставила мне этот сборник.

Я передал ей книгу, и доктор Холден принялась ее медленно перелистывать. А я продолжил:

— Я все время думаю о подчеркиваниях. В конце «Песни о себе» много выделено про смерть. «Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под подошвами».

— Так значит, *она* его тебе оставила, — тихонько сказала учительница.

— Да.

Она нашла нужное место и постучала ногтем по выделенному зеленым куску:

— Про дверные косяки? Это отличные строки, Уитмен — ты же это чувствуешь — буквально кричит тебе: «Открывай двери, снеси их!»

— Вообще-то Марго кое-что спрятала в петлях моей двери.

Она рассмеялась:

— Ого. Умно. Но поэма отличная — мне неприятно видеть, что ее сводят к такому буквальному смыслу. И по-моему, девочка очень мрачно восприняла это, в целом очень оптимистичное, произведение. Это стихи о взаимосвязи — о том, что у всех нас общие корни, как у травы.

— Но ведь то, что она подчеркнула... По-моему, это больше похоже на предсмертную записку, — сказал, я.

Доктор Холден снова прочла подчеркнутые четверостишия, после чего посмотрела на меня:

— Вырывать из контекста отдельные слова и видеть в них мрачные аллюзии — большая ошибка, Квентин. Я надеюсь, что эта девочка ее не совершила. Если ты прочтешь все произведение целиком, ты поймешь, что из него можно сделать только один вывод: жизнь — это священный и драгоценный дар. Но — кто знает. Может, и Марго выбрала только те строки, которые отражают ее взгляд на мир. Стихи часто так читают. Но в таком случае можно сказать, что она совершенно не поняла того, что хотел донести до нее Уитмен.

— Что же это?

Она закрыла книжку и посмотрела на меня так, что я не смог выдержать ее взгляда.

— Ты что думаешь?

— Не знаю, — сказал я, глядя на стопку проверенных курсовых, лежащую у нее на столе. — Я несколько раз пытался осилить ее целиком, но далеко не продвинулся. Я в основном перечитываю подчеркнутое. Хочу понять Марго, а не Уитмена.

Она взяла карандаш и стала писать что-то на задней стороне конверта.

— погоди. Я сейчас запишу.

— Что?

— То, что ты сказал, — объяснила она.

— Зачем?

— Потому что я думаю, что это как раз то, чего хотел добиться Уитмен. Чтобы ты в его «Песни о себе» увидел не просто стихотворение, а возможность понять другого человека. Но, может, тебе все же стоит прочесть всю поэму, а не просто отрывочные цитаты, которые не ясно на

что намекают. Я действительно верю, что есть какая-то интересная взаимосвязь между поэтом, написавшим эту «Песнь», и Марго Шпигельман — яркая харизма и страсть к путешествиям. Но стихотворение невозможно понять, если читать только отдельные строки.

— Хорошо, — спасибо, — сказал я, взял книжку и встал. Легче мне не стало.

После школы я поехал с Беном к нему домой и сидел там до тех пор, пока ему не пришла пора забирать Радара: у нашего друга Джейка уехали предки, и он устраивал вечеринку — репетицию выпускного. Бен позвал и меня, но мне не хотелось.

Я пошел домой пешком — через тот самый парк, где мы с Марго нашли мертвеца. Я вспомнил то субботнее утро, и от воспоминания у меня скрутило живот — не из-за него самого, а из-за того что *она* увидела его первая. Я даже на площадке собственного района не смог заметить труп — а теперь-то как я ее найду?

Вечером я попытался снова взяться за «Песнь о себе», но, несмотря на увещевания доктора Холдена, она оставалась для меня бессмысленным набором слов.

На следующее утро я проснулся рано, в начале девятого, и сел за компьютер. Бен уже был в сети, так что я написал ему.

КЬЮВОССТАНИЕ: Ну, как вечеринка?

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Паршиво, естественно. Все вечеринки, на которые я хожу, дурацкие.

КЬЮВОССТАНИЕ: Жаль, что я все пропустил. Ты что-то рано. Хочешь зайти в «Восстание» поиграть?

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Шутишь что ли?

КЬЮВОССТАНИЕ: Хм... нет?

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Ты знаешь, что сегодня за день?

КЬЮВОССТАНИЕ: 15 мая, суббота?

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Старик, через 11 часов 14 минут начнется выпускной. Меньше чем через 9 часов я еду за Лэйси. А я ЗПЗ еще не помыл, воском не натер, ты его, кстати, нефигово испачкал. Потом мне надо будет самому принять душ, побриться, волосы в носу подстричь и тоже воском помазаться. В общем, не выводите меня из себя. Дел до фи́га. Я тебе потом позвоню, если время будет.

Радар тоже был в сети, так что я переключился на него.

КЬЮВОССТАНИЕ: Что с Беном за фигня творится?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Успокойся, ковбой.

КЬЮВОССТАНИЕ: Извини, меня просто бесит, что он так помешался на этом выпускном.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Ты, наверное, еще больше взбесишься, когда узнаешь, что я встал так рано исключительно из-за того, что у меня до фига дел, в частности, надо забрать свой костюм, да?

КЬЮВОССТАНИЕ: О, боже. Ты серьезно?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Кью, завтра и послезавтра, и послезавтра, и после этого в любой день рассчитывай на меня, я помогу тебе с твоим расследованием. Но у меня девчонка есть. Она хочет развлечься на выпускном. Я же не виноват, что Марго Рот Шпигельман решила не ходить.

Я не знал, что сказать. Может, он и был прав. Может, Марго заслуживала, чтобы о ней забыли. Но я, в любом случае, забыть ее не мог.

Мама с папой еще были в кровати, они смотрели по телику какое-то старое кино.

— Можно я минивен возьму? — спросил я.

— Конечно, а что?

— Решил пойти на выпускной, — поспешно ответил я. История сочинилась как-то сама собой. — Съезжу за костюмом, потом к Бену. Мы оба идем холостяками.

Мама села и улыбнулась:

— Сынок, по-моему, это здорово. Я думаю, что тебе это пойдет на пользу. Ты заедешь, чтобы мы тебя сфотографировали?

— Мам, разве обязательно человека, идущего на выпускной без пары, еще и фотографировать? Что, без того унижения мало?

Она рассмеялась.

— В комендантский час не забудь позвонить, — сказал папа.

Комендантский час у нас был в полночь.

— Конечно, — ответил я.

Врать им было так просто, что я невольно задумался, почему начал делать это только в ту ночь с Марго.

Я погнал по 1-4 на запад, в сторону Киссимми и наших парков развлечений, мимо поворота на «Морской Мир», и далее к Хейнес Сити по шоссе 27. В тех краях много озер, а вокруг озер во Флориде всегда селятся богачи, так что недопоселениям там взяться было неоткуда. Но в Интернете я нашел сведения об огромном участке земли, права на который переходили от одного владельца к другому, и никто его почему-то так и не застроил. Я немедленно его опознал, потому что все остальные микрорайоны в том месте были обнесены стенами, а у Квеил Холлоу оказался лишь пластиковый указатель, вбитый в землю. Еще там были столбики с объявлениями вроде: «ПРОДАЕТСЯ!», «ПЕРВОКЛАССНЫЙ УЧАСТОК» и «ЗА\$ТРОЙКА ВЕКА».

В отличие от прочих недопоселений, за Квеил Холлоу кто-то приглядывал. Участки были размечены кольшками, недавно даже косили траву. Улицы были заасфальтированы, то здесь, то там стояли дорожные знаки и указатели. В центре микрорайона вырыли идеально круглый водоем, который потом зачем-то осушили. Проезжая мимо, я прикинул, что он десять футов в глубину и около ста футов в диаметре. К центру кратера змеей спускался шланг, а со дна до уровня глаз рос фонтан из стали и алюминия. Я вдруг обрадовался, что воды там нет: мне не придется вглядываться в глубину и гадать, не лежит ли она где-нибудь на дне в ожидании, что я раздобуду водолазный костюм и вытащу ее.

Меня охватила уверенность, что в Квеил Холлоу Марго нет. Вокруг находилось много жилых поселений, прятаться тут было не очень классно, ни живому, ни мертвому. Но я все равно решил осмотреть все до конца и, медленно объезжая улицы на минивене, вдруг почувствовал безнадегу. Если не здесь, то в следующем недопоселении, или через одно, или через два. А может, я вообще никогда ее не найду.

Я закончил объезд и, ничего не обнаружив, направился обратно к шоссе. Купил обед в какой-то забегаловке, где обслуживают водителей прямо в автомобилях, и съел его, двигаясь на запад, к торговому центру.

Заезжая на стоянку, я заметил, что пробитую Беном дыру заклеили синим скотчем. Интересно, кто мог тут побывать после нас?

Я объехал здание и остановился около ржавого мусорного контейнера, уже несколько лет не видевшего ни одного мусоровоза. Я подумал, что при необходимости порву скотч, но, направляясь к главному входу, вдруг понял, что на стальных дверях с торца нет петель.

Благодаря Марго я начал понемногу в этом разбираться. Теперь стало ясно, почему нам не удалось открыть двери: надо было не тянуть, а толкать. Я подошел к двери офиса ипотечной конторы и пнул ее. Она открылась, как по маслу. Боже, ну мы и идиоты. И наверняка человек, который за зданием присматривал, знал, что дверь не заперта, так что появление этого синего скотча казалось еще более удивительным.

Извернувшись всем телом, я сбросил собранный утром рюкзак, достал из него папин мощный фонарь и осветил помещение. Вверху послышался шум, словно пробежала увесистая крыса. Я вздрогнул. В свете фонаря были видны разбегающиеся в стороны ящерицы. Через дыру в потолке в переднюю часть комнаты падал солнечный свет, сквозь щели в фанере тоже пробивались узкие лучики, но все же я больше полагался на свой фонарь. Я прошелся вдоль столов, осмотрел все то, что в прошлый раз обнаружил в ящиках. Меня пугали одинаковые календари без каких-либо отметок, оставленные на каждом столе: февраль 1986. Февраль 1986. Февраль 1986. Июнь 1986. Февраль 1986. Я развернулся и посветил на календарь, лежащий на столе в самой середине комнаты. Его перелистнули на июнь. Я наклонился к нему, надеясь увидеть оборванные края предыдущих месяцев или оттиск записи, сделанной на вырванной странице, но за исключением даты этот календарь ничем от других не отличался.

Зажав фонарь между плечом и шеей я принялся снова обыскивать ящики, особое внимание уделив тому самому столу, где лежал календарь с июнем: салфетки, незатупившиеся карандаши, какие-то деловые записки, адресованные некому Денису МакМейхону, пустая пачка «Мальборо лайтс», практически полный пузырек красного лака для ногтей.

Я взял фонарь в руку, поднес к нему пузырек и принялся его рассматривать. Лак был настолько насыщенного цвета, что казался черным, а не красным. Я этот цвет уже видел. На приборной панели своего минивена в ту самую ночь. Я вдруг перестал слышать шумы сверху и

скрипы здания — меня захлестнуло волнение. Я, конечно, не был уверен, что это тот самый пузырек, но цвет точно был тот.

Покрутив его, я заметил совершенно четкое синее пятнышко. Это краска с ее пальцев. Теперь я точно мог быть уверен. Она побывала здесь *после* того, как мы расстались тем утром. Может, она тут и живет. Но появляется только по ночам. Может, это *она* заклеила дыру скотчем, чтобы избежать незваных гостей.

И я решил, что останусь до утра. Если Марго тут спала, я тоже смогу. Я начал краткие переговоры с самим собой.

Я: Но тут же крысы.

Я: Да, но они, похоже, только поверху бегают.

Я: Но тут же ящерицы.

Я: Ой, да брось ты. В детстве ты им хвосты отрывал. Ящериц ты не боишься.

Я: Но тут же *крысы*.

Я: Да ничего они тебе не сделают. Они боятся тебя больше, чем ты их.

Я: Ладно. А как же крысы?

Я: Заткнись ты.

В конце концов, крысы — это фигня, по большому-то счету, я ведь находился в том самом месте, где когда-то была живая Марго. В стенах, которые видели ее после нашего расставания; мысль об этом согревала настолько, что мне для успокоения хватало ее одной. Ну, то есть я конечно же не чувствовал себя, как младенец в объятиях матери, или типа того, но дыхание от каждого шума уже не перехватывало. Я заметил, что после того как мне удалось расслабиться, обыскивать помещение стало легче. Я знал, что могу обнаружить тут что-нибудь еще, и был к этому готов.

Я вышел из офиса, нырнув через Нору Тролля в комнату с лабиринтом из полок. Какое-то время я бродил по его ходам. Добравшись до противоположной стены, я полез через другую Нору в пустую комнату. Сел на лежащий у дальней стены свернутый ковер, прислонился спиной к стене и услышал, как захрустела облупившаяся краска. Я ненадолго задержался там, — кружок света на полу, падавший из дыры в крыше, прополз за это время чуть больше дюйма — привыкая к звукам этого места.

Вскоре мне наскучило там сидеть, и я полез через последнюю Нору Тролля в сувенирную лавку. Порылся в майках. Достал коробку с туристическими брошюрами из-под витрины и просмотрел их еще раз — я надеялся найти записку от Марго, но ее там не оказалось.

Я вернулся в комнату, которую стал называть про себя библиотекой.

Полистал «Ридерс Дайджест», а потом нашел стопку «Нейшнл Географик» шестидесятых годов, но на коробке с ними было столько пыли, что я не сомневался: туда Марго не лазила.

Признаки человеческой жизнедеятельности я начал замечать, только вернувшись в пустую комнату. На стене, возле которой лежал ковер, я обнаружил девять дырочек от чертежных кнопок. Четыре из них образовывали подобие квадрата, остальные пять были внутри него. Я подумал, что, может быть, она задержалась тут так надолго, что решила повесить какие-то постеры, хотя когда мы были у нее в комнате, я не заметил, чтобы со стены что-то было снято.

Я начал разворачивать ковер и нашел там кое-что еще: пустую, сплюсненную коробку от энергетических батончиков. Я уже представлял себе, что Марго действительно тут живет, мысленно видел, как она сидит на этом заплесневелом ковре спиной к стене и жует свои батончики. Она одна, и есть больше нечего. Может, раз в день она выезжает в какой-нибудь магазинчик и покупает там себе сэндвич и «Маунтин дью», но большую часть дня проводит здесь, на этом самом ковре или где-то неподалеку. Какой-то слишком печальный получился образ, он не мог оказаться верным — в нем сквозило страшное одиночество, это было совершенно *не в духе* Марго. Но все, что я накопал за последние десять дней, приводило меня к удивительному заключению: похоже, сама Марго — хотя бы часть времени — была совсем не в духе Марго.

Я развернул ковер до конца и нашел синее вязаное одеяльце, тонкое, почти как газета. Я вцепился в него, поднес к лицу, и да, господи, да. Оно хранило ее запах. Шампунь с сиренью, миндальное молочко для тела и подо всем этим — едва заметный аромат ее кожи.

И я снова представил себе, как каждую ночь Марго разворачивает ковер наполовину и ложится набок. Укрывается одеялом, оставшийся валик ковра служит ей подушкой, и засыпает. Но почему именно здесь? Тут что, лучше, чем дома? И если уж тут так круто, почему она уехала? Каких-то вещей я представить не мог — и осознавал это, — потому что не знал ее. Я знал, как она пахнет, знал, как она ведет себя при мне и как с другими, знал, что она любит «Маунтин дью», приключения, всякие театральные выпады, знал, что она умная и прикольная, и вообще куда *лучше*, чем все остальные. Но я не знал, что привело ее сюда, что заставило ее тут задержаться, что вынудило ее уехать отсюда. Я не знал, почему она, имея такую кучу пластинок, никогда не говорила о своей любви к музыке. Я не знал, что она делала по ночам, закрыв жалюзи и дверь, уединившись в своей комнате, в которую никого не пускала.

Может, этим и надо заняться в первую очередь. Понять, что Марго за человек — когда она не та Марго, которую знают все.

Какое-то время я лежал, прижимая к себе пахнущее ею одеяло и глядя вверх. Сквозь щель в потолке я смотрел на небо, похожее на кусок ярко-голубого холста. Это же идеальное место для сна: и звезды видно, и дождь не попадет.

Я позвонил родителям. К телефону подошел папа, я сказал, что мы едем в машине и собираемся встретиться с Радаром и Энджелой и что спать я буду у Бена. Он велел мне не пить, я пообещал, что не буду, он сказал, что гордится моим решением все же пойти на выпускной, а я подумал, стал бы он гордиться, если бы узнал, что я делаю на самом деле.

Здесь было скучно. Ну, то есть, когда перестаешь переживать из-за крыс и таинственных стонов готового рухнуть на тебя здания, понимаешь, что *делать-то* тут нечего. Ни Интернета тебе, ни телика, ни музыки. Здесь было скучно даже *мне*, так что я совсем перестал понимать, почему *она* выбрала себе такое место, ведь Марго — так мне всегда казалось — скуку на дух не переносила. Может, ее привлекла идея побомжевать? Маловероятно. Она даже в «Морской Мир» полезла в дорогих джинсах.

Поскольку внешнему миру больше нечего было мне предложить, я вернулся к «Песни о себе», единственному дару от Марго, не вызывающему сомнений. Я сел на раскрашенный лужами пол под дыркой в потолке, скрестив ноги и повернувшись так, чтобы свет падал на страницы. И мне вдруг почему-то удалось, наконец, ее осилить.

Проблема заключалась в том, что начало у этой поэмы было очень тяготное — эдакое затянутое введение, но где-то на девяностой строке начиналось некое подобие повествования, и на этом моменте я втянулся. Уитмен сидит (как он говорит, праздно) на траве:

Ребенок сказал: «Что такое трава?» — и принес мне полные горсти травы,

Что мог я ответить ребенку? Я знаю не больше его, что такое трава.

Может быть, это флаг моих чувств, сотканный из зеленой материи — цвета надежды.

Это была та самая надежда, о которой говорила доктор Холден —

трава была метафорой надежды. Но и это еще не все, вот он продолжает:

Или, может быть, это платочек от Бога,
Надушенный, нарочно брошенный нам на память, в подарок...

То есть получается, что трава — это еще и метафора благодати Божьей или вроде того...

Или, может быть, трава и сама есть ребенок...

И еще там же:

А может быть, это иероглиф, вечно один и тот же,
И может быть, он означает: «Произрастая везде, где придется,
Среди чернокожих и белых людей...»

Может быть, трава — это еще и метафора нашего равенства и взаимосвязи всех людей, как и говорила доктор Холден. И вот что еще он говорит о траве:

А теперь она кажется мне прекрасными нестриженными волосами
могил.

Так что трава — это еще и смерть, она ведь вырастает из наших, закопанных в землю, тел. Трава оказалась одновременно очень многим, и меня это ошеломило. Она — метафора и жизни, и смерти, и равенства, и взаимосвязи, и детей, и Бога, и надежды.

Мне не удавалось понять, какая из этих идей была в стихотворении основной, хотя, может, таковой не являлась ни одна из них. Но, размышляя о траве, о том, сколько всего в ней можно увидеть, я задумался о том, как я смотрел на Марго и чего недосмотрел. А смотреть на нее можно было очень по-разному. Раньше я фокусировался на том, что с ней стало, но теперь, пытаясь осознать всю многогранность травы и вдыхая аромат Марго с одеяльца, я понял, что главный вопрос заключается в том, кого я разыскиваю. Если ответ на вопрос: «Что такое трава?» — оказался таким сложным, думал я, то и ответ на вопрос: «Кто такая Марго Рот

Шпигельман?» — окажется не проще. Как и в любой метафоре, непостижимой из-за своей многогранности, в том, что она мне оставила, был огромный простор для бесконечных фантазий, для бесчисленного множества Марго.

Мне надо было как-то сузить эту неизведанность Марго, и я подумал, что здесь наверняка есть что-то, что я как-то неправильно трактовал или вообще не увидел. Мне хотелось сорвать крышу, чтобы увидеть все сразу, а не только то, что попадает в узкий луч фонаря. Я отложил одеяльце Марго в сторону и закричал: «Я тут непременно что-нибудь найду!»

Я снова осмотрел столы в офисе, но, по-моему, все указывало на то, что она сама сидела только там, где на календаре был июнь и где я нашел ее лак для ногтей.

Нырнув в Нору Тролля, я снова вышел в библиотеку, снова пошел вдоль заброшенных металлических полок. Я искал участки без пыли, чтобы понять, что Марго тут делала, но ни одного не нашел. А потом луч моего фонаря случайно наткнулся на какой-то предмет на самом верху полки, находившейся в углу около заколоченного фанерой окна. Это был корешок книги.

Книга оказалась путеводителем «По дорогам Америки» издания 1998 года, то есть она появилась здесь *после* того, как торговый центр забросили. Я зажал фонарь между шеей и плечом и принялся листать книгу. Там описывались сотни интереснейших туристических мест, от городка Дарвина, Миннесота, с самым большим на свете веревочным клубком, до Омахи, Небраска, с самым большим шаром из марок. Кто-то загнул уголки нескольких страниц, между которыми не прослеживалось очевидной связи. Книга была не слишком пыльной. Может, «Морской Мир» являлся лишь первым пунктом в ее безумной программе аттракционов. Да. Вот это казалось похожим на правду. Это было вполне в ее духе. Она каким-то образом разузнала об этом торговом центре, провела тут пару дней, собираясь в путешествие, а потом двинулась в путь. Я вполне мог себе представить, как Марго гоняет по туристическим местам подобно шарикку в пинболе. В свете последних лучей предзакатного солнца я нашел на верхних полках еще несколько книг: «Краткий путеводитель по Непалу», «Интереснейшие места Канады», «По Америке на машине», «Путеводитель Фоудор'с по Багамам», «Поехали в Бутан». Между этими книгами я никакой связи не увидел, кроме того, что все они — для путешественников и изданы после того, как это место забросили. Зажав фонарь под подбородком, я собрал все книги в стопку и потащил их в пустую комнату, которую уже начал считать спальней.

В общем, получилось, что я действительно провел выпускной с Марго — только не так, как мечтал. Вместо того чтобы ворваться с ней в праздничный зал, я сидел на свернутом ковре, накрыв колени ее жалким одеяльцем, то читая путеводители при свете фонаря, то выключая его и слушая стрекот окруживших меня цикад.

Может быть, она тоже сидела тут в темноте и слушала эту какофонию, может быть, ее охватило отчаяние, и она не смогла удержаться от мыслей о смерти. Я вполне мог себе такое представить.

Но я мог представить и другое: Марго собирает эти книжки на гаражных распродажах, скупая все путеводители, которые стоят не больше четвертака. А потом едет сюда — еще до того как исчезнуть, — чтобы прочесть их вдали от любопытных глаз. Она выбирает, куда поехать. Да. Она будет скрываться, перебираясь с места на место, как шарик, летающий по небу, преодолевая сотни миль ежедневно, ведь ветер для нее всегда попутный. В этой фантазии Марго была жива. Значит, она привела меня сюда, чтобы я смог вычислить ее маршрут? Судя по книгам, она могла быть на Ямайке или в Намибии, в Канзасе или в Пекине. Но я ведь только начал искать.

Мне снилось, что я лежу на спине, а она лежит рядом, опустив голову мне на плечо, и нас разделяет только уголок ковра на бетонном полу. Рука Марго у меня на груди. Мы просто спим. Господи, помоги мне. Я же, наверное, единственный тинейджер на всю Америку, которому снится, как он спит с девчонкой — в смысле, просто *спит*. А потом зазвонил телефон. После второго звонка я наконец нащупал мобильник на развернутом ковре. Было 03:18. Звонил Бен.

— Доброе утро, — сказал я.

— ДААААА!!!! — прокричал он, и я понял, что сейчас далеко не лучшее время делиться с ним тем, что я разузнал о Марго, и своими теориями на этот счет.

Я буквально чувствовал, как от него разит спиртным. В этом единственном слове, в том, как он его прокричал, было куда больше восклицательных знаков, чем я слышал от него за всю жизнь.

— Я так понимаю, выпускной удался.

— ДААААА! Квентин Джейкобсен! Тот самый Кью! Величайший Квентин Соединенных Штатов! Да! — Голос его куда-то уплыл, но все же я его слышал. — Так, заткнитесь все, стойте, заткнитесь. КВЕНТИН! ДЖЕЙКОБСЕН! Он у меня на телефоне!

Все громко меня поприветствовали, и голос Бена снова стал громче.

— Да, Квентин! Да! Старик, ты обязан сюда приехать.

— Куда это сюда? — спросил я.

— К Бекке! Знаешь, где это?

Я, как нарочно, очень хорошо это знал. Я же не так давно побывал у нее в подвале.

— Знаю, но сейчас ночь, Бен. К тому же я в...

— ДААААА!!! Ты должен приехать сейчас же. Сейчас же!

— Бен, у меня есть дела поважнее, — ответил я.

— ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ВОДИТЕЛЬ!

— Что?

— Ты — эксклюзивный водитель! Да! Ты такой эксклюзивный! Я жутко рад, что ты ответил! Это такая круть! Мне домой надо вернуться к шести! И эксклюзивный выбор пал на тебя! ДААААААА!

— А ты переночевать там не можешь? — поинтересовался я.

— НЕЕЕЕЕТ! Фууууууу. Фуууу, Квентин. Слушайте меня все! Скажем

Квентину фууууу!

И все заорали «фу».

— Все напились. Я пьяный. Лэйси пьяная. Радар пьяный. Никто отвезти не может. А домой надо к шести. Маме обещал. Фууу, Квентин, соня! Эй, ты же эксклюзивный водитель! ДААААА!

Я вдохнул поглубже. Если бы Марго собиралась сегодня сюда вернуться, в такое время она бы уже была тут.

— Приеду через полчаса.

— ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДАААА! ДА! ДА!

Решив не дослушивать Беновы утвердительные восклицания, я повесил трубку. Какое-то время я лежал, заставляя себя подняться, и наконец встал. В полусне я пролез в Нору Тролля, пройдя через библиотеку, вернулся в офис, открыл дверь и сел в машину.

Без нескольких минут четыре я въехал в микрорайон, где жила Бекка. Вся улица была уставлена машинами, и я прикинул, что народу в доме еще больше — ведь многих же наверняка привезли на лимузине. Я нашел местечко невдалеке от ЗПЗ.

Я Бена ни разу пьяным не видел. Однажды в десятом классе я сам вылакал бутылку розового «вина» на вечеринке, которую организовали ребята из оркестра. Мне и пить было противно, и блевать потом противно. И именно Бен сидел со мной в туалете в доме у Кэсси Задкинс, где все было разрисовано сценками из жизни Винни-Пуха и его компании, пока я прицельно извергал эту розовую жидкость на Иа. Мне казалось, что именно на этом моменте наши алкоголические подвиги закончились. Получалось, что только до сегодняшнего дня.

Ну, то есть я знал, что он пьяный. Я и по телефону все понял. Ни один трезвый человек столько раз «да» за минуту не скажет. Но протискиваясь через толпу ребят, куривших на пороге, и открывая дверь, я совсем не ожидал увидеть одетого в смокинг Бена висящим вверх ногами над бочонком пива. Джейс Ворзингтон с парочкой других бейсболистов поддерживали его в таком положении. Бен обхватил кран бочонка губами, взгляды всех присутствующих в комнате были сфокусированы на нем. Они декламировали хором: «Восемнадцать, девятнадцать, двадцать!» — а я на миг испугался, что над ним издеваются. Но нет, он посасывал пиво, как сиську матери, из уголков рта текло, потому что Бен еще и лыбился при этом. «Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять», — кричали разгоряченные ребята. По всей видимости, происходило нечто из ряда вон выходящее.

А мне все это показалось таким нелепым и банальным. Бумажные детки играют в бумажные игры. Я попробовал пробраться через толпу к Бену и, к собственному удивлению, наткнулся на Радара с Энджелой.

— Что тут за фигня происходит? — спросил я.

Радар посмотрел на меня, перестав считать.

— Да! — воскликнул он. — Явление Эксклюзивного Водителя! Да!

— Почему все сегодня так часто говорят «да»?

— Хороший вопрос, — прокричала Энджела.

Она надула щеки и вздохнула. Похоже, ей все это нравилось не больше, чем мне.

— О да, блин, это хороший вопрос! — подтвердил Радар, у которого в каждой руке было по красному пластиковому стаканчику с пивом.

— Он пьет из обоих, — спокойно объяснила Энджела.

— Почему тогда не *ты* — эксклюзивный водитель? — поинтересовался я.

— Они тебя выбрали, — сказала она. — Решили таким образом вытащить тебя сюда.

Я закатил глаза. Энджела выразила сочувствие.

— Он тебе, наверное, реально нравится. — Я кивком показал на Радара, который поднял обе руки с пивом над головой, продолжая громогласно выкрикивать цифры.

По-моему, все жутко гордились тем, что научились считать.

— Да, он даже сейчас в некотором смысле очень милый, — ответила она.

— Ужас, — не сдержался я.

Радар коснулся меня одним из стаканчиков:

— Посмотри на нашего друга Бена! Оказывается, в стойке на пивном бочонке он гениален, как какой-нибудь ученый-аутист. Я так думаю, он сейчас на мировой рекорд идет.

— Что это за стойка на пивном бочонке? — не понял я.

Энджела показала на Бена:

— Вот это.

— А. Ну... неужели висеть вверх ногами так сложно?

— Как я поняла, самая длинная стойка в истории Уинтер-парка — шестьдесят две секунды, — объяснила она. — Это рекорд Тони Йоррика.

Это был громадный парень, который окончил школу, когда мы только поступили; теперь он играл в футбольной команде Флоридского университета.

Я был бы рад, если бы Бен поставил новый рекорд, но присоединиться

к вопящей толпе оказался не в силах. «Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят, шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три!» Бен вытащил краник изо рта и завопил: «ДААААА! Я КРУЧЕ ВСЕХ! МИР ПОТРАСЕН!» Джейс со своими бейсболистами перевернули его обратно вверх головой и принялись катать на плечах. Заметив меня, Бен ткнул в мою сторону пальцем и издал громчайший и полный чувства вопль: «ДААААА!!!!!!!!!» Даже футболисты, выиграв мировой кубок, не так радуются.

Бен соскочил с плеч бейсболистов, приземлившись довольно неуклюже на корточки, а потом, покачиваясь, поднялся на ноги и обнял меня за плечи.

— ДА! — снова повторил он. — Прибыл Квентин! Величайший чувак! Поприветствуем Квентина, лучшего друга мирового рекордсмена в стойке на бочонке!

Джейс потрепал меня по голове и сказал:

— Кью, дружище!

Потом в другом ухе раздался голос Радара:

— Кстати, мы для них тут как народные герои. Мы с Энджелой ушли с нашей афтепати, чтобы попасть сюда — Бен пообещал, что ко мне будут относиться, как к королю. Они, блин, имя мое скандировали. Похоже, им Бен чем-то до жути приглянулся, так что мы им теперь тоже нравимся.

И я ответил — и Радару, и всем остальным:

— Круто.

Бен отвернулся от нас и схватил Кэсси Задкинс. Он положил руки ей на плечи, она — ему, и он объявил:

— Моя половинка чуть не стала королевой бала.

А Кэсси ответила:

— Я знаю. Здорово.

Бен:

— Знаешь, последние три года я каждый день думаю о том, чтобы тебя поцеловать.

Кэсси:

— Тогда надо это сделать.

Бен:

— ДА! *Супер!*

Но он ее не поцеловал. Вместо этого Бен повернулся ко мне и сказал:

— Кэсси хочет со мной целоваться.

Я:

— Да.

Он:

— Это же *супер!*

А потом Бен сразу забыл и про меня и про нее, как будто сама мысль о том, чтобы поцеловать Кэсси, была лучше, чем поцеловать ее на самом деле.

Потом Кэсси говорит мне:

— Крутая вечеринка, да?

Я:

— Да.

Она:

— Полная противоположность тому, что устраивали ребята из оркестра, да?

Я:

— Да.

Она:

— Бен — придурок, но я его обожаю.

Я:

— Да.

— И у него глаза такие зеленые.

— Угу.

Она:

— Все говорят, что ты симпатичней, но мне нравится Бен.

Я:

— Ну и ладно.

Она:

— Такая крутая вечеринка, да?

Я:

— Да.

Говорить с пьяным — все равно что с чокнутым трехлеткой, полным щенячьего восторга.

Как только она отошла, ко мне подвалил Чак Парсон.

— Джейкобсен, — сухо сказал он.

— Парсон, — ответил я.

— Это же ты сбрил мне чертову бровь?

— Ну, по сути, я не сбривал, — сказал я. — Мы удалили ее с помощью депиляционного крема.

Чак довольно сильно ткнул меня в грудь.

— Ты подонок, — сказал он со смехом. — Старик, кишка у тебя явно не тонка. Всех за ниточки дергаешь, и все дела. Я, конечно, напился, но я

прямо как-то люблю тебя сегодня, засранец.

— Спасибо, — сказал я.

Мне все это дерьмо было как-то чуждо, в смысле, эти бредни типа «мы-же-столько-лет-проучились-вместе-так-что-надо-признаться-как-мы-все-друг-друга-любим». Я представлял себе Марго на этой вечеринке, — или на тысяче ей подобных. Как бы она с пустыми глазами слушала пьяный лепет Чака Парсона, мечтая сбежать от него, живой или мертвой. Я одинаково четко мог представить себе оба пути.

— Зассанец, пиво будешь? — спросил Чак.

Я вообще мог бы забыть, что он стоит рядом, но от него так несло перегаром, что не замечать его было сложно. Я покачал головой, и он отошел.

Мне хотелось домой, но я понимал, что торопить Бена нет смысла. Может, это лучший день во всей его жизни. Он это заслужил.

Так что я отыскал лестницу и пошел в подвал. Я столько времени провел во тьме, что у меня появилось желание спрятаться от света, я хотел прилечь где-нибудь, где хоть немного тише и темнее, и снова представить себе Марго. Но проходя мимо спальни Бекки, я услышал негромкий шум, — точнее сказать, стоны — поэтому остановился перед дверью, которая оказалась чуть-чуть приоткрытой.

Мне было видно голову и торс Джейса, он лежал на Бекке уже без рубашки, а она обвила его ногами. Они еще не разделись до конца, и ничего не началось, но намерение было очевидным. Может, человек поприличнее отвернулся бы, но таким, как я, нечасто выпадает шанс посмотреть на голую Бекку Эррингтон, так что я остался у двери, глядя на них. Вскоре они перевернулись, Бекка оказалась сверху, она поцеловала его, вздыхая, и начала снимать майку.

— Я тебя завожу? — спросила она.

— О да, ты так меня заводишь, Марго, — ответил Джейс.

— Что?! — Бекка пришла в ярость, и я сразу понял, что голой ее не увижу.

Она разоралась, и я попятился от двери. Джейс меня заметил и тоже завопил:

— Какого черта?

Бекка:

— Да фиг с ним! А как же я?! Почему ты думаешь о ней, а не обо мне?!

Ситуация явно располагала к тому, чтобы уйти, так что я закрыл дверь

и направился в туалет. Мне действительно хотелось поссать, но еще больше хотелось удалиться от человеческих голосов.

Я всегда начинаю ссать только через несколько секунд после того, как настрою все оборудование, так что я чуть подождал, а потом, когда полилось и напор почти достиг максимального, когда я был готов вздрогнуть от облегчения, из ванны послышался женский голос:

— Кто там?

Я:

— Гм... Лэйси?

— Квентин? Что ты, блин, тут делаешь?

Я и хотел бы прекратить ссать, но уже, разумеется, не мог. Ссать — это как читать хорошую книгу: если уж начал, фиг остановишься.

— Гм. Ссу, — сказал я.

— Ну и как? — спросила она через занавеску.

— М-м, неплохо вроде? — Я стряхнул последнюю каплю, застегнул шорты, смыл.

— В ванну хочешь? — спросила она. — Не сочти за пошлый намек.

Через пару секунд я ответил:

— Конечно. — И отодвинул занавеску.

Лэйси улыбнулась, глядя на меня, потом подтянула колени к груди. Я сел напротив, прижавшись спиной к холодному покато́му фарфору. Ноги у нас скрестились. На ней были шорты, майка без рукавов и маленькие миленькие шлепанцы. Косметика размазалась вокруг глаз. На голове еще сохранились остатки прически. Надо сказать, что Лэйси Пембертон очень красивая. Не из тех, с кем забудешь о Марго Рот Шпигельман, но о многом другом с ней можно было забыть.

— Ну, как выпускной прошел? — поинтересовался я.

— Бен очень милый, — ответила она. — Мне было весело. Но потом мы страшно поругались с Беккой, она обозвала меня шлюхой, а потом встала на диван на верхнем этаже, попросила всех смолкнуть и закричала, что у меня ЗППП.

Я поморщился:

— Господи.

— Да, мне крышка теперь. Это... Боже. Это, честно, очень паршиво, потому что... это очень унижительно, и она знала, она этого и добивалась... так отстойно. Я пошла сюда, села в ванну, потом пришел Бен, и я попросила его оставить меня одну. Я против него ничего не имею, но он явно был не в состоянии слушать. Он же напился. А у меня даже нет ЗППП. Раньше *было*. Но я все вылечила. Неважно. Просто я не шлюха. Был

один парень. Паршивец. Господи, я даже поверить не могу, что у меня хватило ума ей это рассказать. Надо было только с Марго поговорить, без Бекки.

— Сочувствую, — сказал я. — Бекка просто завидует.

— Чего ей завидовать? Она королева бала. У нее Джейс. Теперь она на месте Марго.

У меня от твердой ванны уже задница заболела, я попытался сесть как-то по-другому. Теперь мы касались друг друга коленями.

— Место Марго никто не может занять, — сказал я. — В общем, ей хочется иметь то, что есть у тебя. Ты нравишься людям. Все думают, что ты симпатичней.

Лэйси стыдливо улыбнулась:

— Ты думаешь, что я поверхностная?

— В общем, да. — Я вспомнил себя самого, как я стоял под дверью и ждал, когда разденется Бекка. — Но и я сам тоже, — добавил я. — Все такие.

Я частенько мечтал: *«Вот бы у меня было тело, как у Джейса Ворзингтона. Уверенность в себе, уверенность с девчонками».*

— Ну, не настолько. Мы вот с Беном одинаково поверхностные. А тебе пофиг, что о тебе думают.

Это одновременно и было правдой, и не было.

— Увы, для меня это важнее, чем мне самому хотелось бы, — признался я.

— Без Марго так паршиво, — сказала Лэйси.

Она тоже была пьяная, но такие пьяные мне скорее приятны.

— Ага, — согласился я.

— Я хочу, чтобы ты меня туда свозил, — сказала она. — В торговый центр. Бен мне рассказал.

— Хорошо, поедem, когда захочешь, — ответил я. И рассказал, что этой ночью нашел там лак для ногтей и одеяльце Марго.

Лэйси какое-то время молчала, дыша через рот. А потом буквально прошептала:

— Она умерла, да.

— Я не знаю, Лэйси. Я то же самое думал до сегодняшней ночи, но теперь не уверен.

— Она умерла, а мы тут все...

Я вспомнил подчеркнутые строки из Уитмена: «Если об этом не знает никто во вселенной, я доволен, / Если знают все до одного, я доволен». И ответил Лэйси:

— Может быть, она так хотела. Чтобы жизнь продолжалась.

— На мою Марго это непохоже, — возразила она.

И я подумал про свою Марго, про Марго Лэйси, про Марго миссис Шпигельман — все мы смотрели на разные ее отражения в комнате кривых зеркал. Я собирался добавить что-то еще, но заметил, что рот у Лэйси открылся еще больше, она прислонилась головой к холодной серой плитке и уснула.

Только после того как в туалет дважды заходили пописать, я решил ее разбудить. Было уже почти пять утра, и *мне* надо было отвезти Бена домой.

— Лэйс, просыпайся, — сказал я, касаясь своим башмаком ее шлепанца.

Она покачала головой.

— Мне нравится, когда меня так называют, — сказала она. — Ты в курсе, что сейчас ты, типа, мой лучший друг?

— Я взволнован, — ответил я, хотя она была пьяная, уставшая и говорила неправду. — Слушай, мы сейчас вместе идем наверх, и если кто-нибудь что-нибудь о тебе скажет, я буду защищать твою честь.

— Хорошо, — согласилась она.

И мы пошли, народ к этому времени уже подрассосался, но у бочонка еще ошивались бейсболисты, включая Джейса. Почти все остальные уже спали — кто в спальниках, кто просто на полу; несколько ребят жались друг к другу на раздвижном диване. Энджела с Радаром лежали вместе на коротком диванчике для двоих, у Радара свисали ноги. Они спали.

Как раз когда я собирался расспросить ребят у бочонка, не видели ли они Бена, он влетел в гостиную. На голове у него был голубой чепчик, а в руках — меч из восьми пивных банок, склеенных скотчем, я так полагаю.

— Я ТЕБЯ ВИЖУ! — проорал он, указывая на меня мечом. — ВИЖУ КВЕНТИНА ДЖЕЙКОБСЕНА! ДАААА! Ко мне! На колени!

— Что? Бен, успокойся.

— НА КОЛЕНИ!

Я покорно опустился на колени, глядя на него.

Он дотронулся мечом до моих плеч:

— Силой пивного меча, скрепленного суперклеем, я нарекаю тебя моим эксклюзивным водителем!

— Благодарю, — сказал я. — Только не надо плевать в машине.

— ДА! — возопил он.

А когда я попытался подняться, он толкнул меня рукой, в которой не было пивного оружия, снова постучал мечом по плечам и сказал:

— Силой пивного меча, скрепленного суперклеем, я требую, чтобы во время вручения дипломов у тебя под мантией ничего не было.

— Что? — На этом месте я встал.

— ДА! Ты, я и Радар! Идем голыми, только мантии. На вручение! Будет нереально круто!

— Да уж, — сказал я, — *сексуальная* идея.

— ДА! — подтвердил Бен. — Поклянись, что ты с нами! Радара я уже заставил поклясться. РАДАР, ТЫ ЖЕ ПОКЛЯЛСЯ?

Радар чуть повернул голову и приоткрыл глаза.

— Поклялся, — буркнул он.

— Ну, тогда и я клянусь, — сказал я.

— ДА! — Тут Бен повернулся к Лэйси: — Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, Бен.

— Нет, я *тебя люблю*. Не по-братски и не по-дружески. Я люблю тебя, как реально пьяный чувак любит самую классную на свете девчонку.

Она улыбнулась.

Я сделал шаг вперед, стараясь спасти его от всех этих глупостей, и положил руку ему на плечо.

— Если ты хочешь попасть домой к шести, пора выходить, — напомнил я.

— Хорошо, — согласился Бен. — Но я должен поблагодарить Бекку за такую роскошную вечеринку.

Мы с Лэйси пошли вслед за Беном вниз по лестнице, он открыл дверь в комнату Бекки и сказал:

— Ты крутую вечеринку закатила! А вот ты сама — такая отстойная. У тебя даже по жилам отстой вместо крови течет! Но за пиво спасибо!

Бекка уже была в комнате одна, она лежала на кровати, таращась в потолок. На Бена она даже не взглянула, только тихонько пробормотала:

— Надеюсь, твоя подружка наградит тебя своим букетом.

Без тени иронии он ответил:

— Рад был поболтать! — после чего закрыл дверь.

По-моему, он даже не понял, что ему нахамили.

Потом мы снова поднялись наверх и направились к выходу.

— Бен, — сказал я, — пивной меч надо тут оставить.

— Ладно, — согласился он.

Тогда я взялся за конец и потянул, но он не выпустил. Я уже было собрался наорать на эту пьянь, но вдруг заметил, что Бен просто *не может* его выпустить.

Лэйси рассмеялась:

— Бен, ты что, сам к мечу приклеился?

— Нет, — ответил он. — *Супер*приклеился. Чтобы его никто не украл!

— Железная логика, — невозмутимо ответила Лэйси.

Нам удалось оторвать все банки, кроме той самой, что была приклеена к Беновой руке. Как я ни тянул, вялая рука тянулась вместе с банкой, как будто он был марионеткой на пивной нитке.

Наконец Лэйси напомнила:

— Пора уже ехать.

И мы поехали. Бена мы посадили на заднее сиденье и пристегнули ремнем безопасности. Лэйси осталась с ним, «надо следить, чтобы он не блеванул или не забил себя до смерти этой банкой».

Сам Бен был уже где-то далеко, так что она говорила о нем, не стесняясь.

— Знаешь, вот насчет того, как он старается. Ну, по-моему, как-то чересчур, но что в этом такого плохого? Он милый, разве нет?

— Наверное, — сказал я.

Голова Бена болталась из стороны в сторону так, будто и не была прикреплена к позвоночнику. Мне он особо милым не казался, но это было неважно.

Сначала я высадив саму Лэйси на противоположной стороне Джефферсон-парка. Когда она наклонилась и чмокнула Бена в губы, он оживился достаточно, чтобы снова пробормотать «да».

Потом она пошла домой и, когда проходила мимо моей дверцы, сказала «спасибо». Я просто кивнул.

После я поехал через микрорайон. Была уже не ночь, но еще и не утро. Сзади тихонько похрапывал Бен. Я остановился перед его домом, открыл дверь, отстегнул ремень, который удерживал его.

— Бенище, пойдем.

Он засопел, покачал головой, потом проснулся. Потом ему захотелось протереть глаза, но, к его удивлению, на руке оказалась пустая пивная жестянка. Он попытался сжать руку в кулак и немного погнул банку, но снять ее все равно не удалось. С минуту он на нее смотрел, а потом кивнул и констатировал: «Ко мне прилипла Тварь».

Выбравшись из машины, он на заплетающихся ногах пошел к дому; дойдя до крыльца, обернулся и улыбнулся. Я помахал ему рукой, и пивная банка задергалась в ответ.

Я поспал несколько часов, а потом все утро рассматривал найденные накануне путеводители. Я ждал до обеда, чтобы позвонить друзьям. Сначала я набрал Бена.

— Доброе утро, солнышко.

— О боже, — ответил он жалобным голосом. — Господи Иисусе, приди и утешь своего несчастного старика Бена. Боже мой. Да снизойдет на меня твоя благодать.

— Я узнал кое-что новенькое по делу Марго, — взволнованно сообщил я, — так что приезжай. А я пока Радару позвоню.

Бен меня, похоже, даже не услышал.

— Старик, когда в девять утра ко мне зашла мама, я начал зевать, захотел прикрыть рукой рот, и вдруг мы с ней увидели у меня на руке пивную банку. Что все это значит?

— Ты склеил суперклеем несколько банок, чтобы сделать из них пивной меч, а его потом приклеил к руке.

— А, да. Пивной меч. Что-то припоминаю.

— Бен, приезжай ко мне.

— Старик, мне паршиво.

— Тогда я к тебе приеду. Когда?

— Не, старик. Мне сначала надо проспять десять тысяч часов. Выпить десять тысяч литров воды и десять тысяч таблеток анальгина. Завтра в школе встретимся.

Я вдохнул поглубже, чтобы скрыть свое бешенство.

— Я, значит, среди ночи ехал за тобой через всю центральную Флориду, я один оказался трезвым на вечеринке, где текли реки бухла, я тебя, поганца, до дома довез, а ты теперь... — Мне еще было что сказать, но тут Бен повесил трубку. Прямо посреди нашего разговора. Урод.

Время шло, а я злился все больше. Одно дело, что ему на Марго насрать. Но ведь, по большому счету, получается, что ему и на меня тоже насрать. Может, наша дружба всегда была лишь условностью — просто у него не было другого партнера для видеоигр. А теперь ему нет нужды со мной считаться и делать вид, что у нас общие интересы: у него же новый друг завелся, Джейс Ворзингтон. Бен побил школьный рекорд по стойке на пивном бочонке. Пришел на выпускной с крутой телкой. И при первой же возможности вступил в братство тухлых засранцев.

Через пять минут я снова позвонил ему на сотовый. Бен даже не снял трубку.

— Что, кровавый Бен, хочешь стать таким же крутым, как Чак? — высказался я на автоответчик. — Мечты сбываются? Что ж, поздравляю. Жизнь наладилась. Вы заслуживаете друг друга, потому что ты такой же говнюк. И не перезванивай.

Потом я набрал Радара.

— Привет, — начал я.

— Привет, — ответил он. — Я только что блевал. Давай я перезвоню?

— Конечно, — сказал я, стараясь не сердиться.

Мне так хотелось, чтобы хоть *кто-нибудь* помог мне разобраться в мире Марго. Но Радар — это вам не Бен, он действительно перезвонил через пару минут.

— Блин, было так мерзко, что я, пока убирал, снова сблевал и, когда *это* убирал, тоже сблевал. Это прямо вечный двигатель. Если меня постоянно кормить, я буду непрестанно блевать.

— Ты зайти можешь? Или я к тебе?

— Конечно. А что такое?

— Марго была в том торговом центре, живая, по крайней мере, через день после того как сбежала.

— Буду у тебя через четыре минуты.

И ровно через четыре минуты он был у моего окна.

— Ставлю тебя в известность, что я поругался с Беном, — сообщил я, пока он лез в окно.

— Я посредничать между вами не могу, слишком похмелье мучает, — тихонько ответил Радар. Он улегся на кровать, полуприкрыл глаза и попытался пригладить взъерошенные волосы. — В меня будто молния ударила. — Он чихнул. — Ну, рассказывай новости.

Я сел на стул и стал рассказывать, как провел ночь в торговом центре, стараясь не упускать никаких мелочей — они могут оказаться полезными для дела. Радару всякие загадки давались легче, чем мне, так что я надеялся, что он и с этой разберется.

Он молча слушал до тех пор, пока я не сказал:

— А потом мне позвонил Бен и велел ехать на вечеринку.

— Та книга у тебя с собой? Та, где уголки загнуты? — спросил он.

Я встал и полез за ней под кровать. Радар поднял к лицу путеводитель и, морщась от головной боли, принялся листать.

— Записывай. Омаха, Небраска. Сэк Сити, Айова. Александрия, Индиана. Дарвин, Миннесота. Голливуд, Калифорния. Эллайенс, Небраска. Так. Вот эти места показались ей — ну или кому-то другому, кто эту книгу листал, — интересными.

Радар поднялся, жестом велел мне выйти из-за стола и сел за комп. Он потрясающе умел поддерживать беседу и печатать одновременно.

— Есть такая прикольная карта: можно ввести несколько географических названий, и она выдаст тебе разные маршруты. Марго про эту программу вряд ли знала, но я все равно посмотреть хочу.

— Откуда ты знаешь обо всем этом барахле? — удивился я.

— Гм. Напомню. Я. Всю. Свою. Жизнь. Занимаюсь. Мультипедией. Я, когда сегодня утром домой пришел, даже прежде чем душ принять, за час полностью переписал статью о голубой пятнистой рыбе-ангеле. Я немножко *чокнутый*. Так, ладно, смотри, — сказал он.

Я наклонился к экрану и увидел несколько зигзагообразных маршрутов на карте Соединенных Штатов. Все они начинались в Орlando и заканчивались в Голливуде.

— Может, она хочет остаться в Лос-Анджелесе? — предположил Радар.

— Может, — согласился я. — Но мы все равно ее маршрут не угадаем.

— Верно. К тому же больше никаких стрелок в сторону Лос-Анджелеса нет. Джейсу она говорила про Нью-Йорк. Похоже, что «едешь в бумажный город и никогда больше не вернешься» указывает на ближайшее недопоселение. А лак для ногтей — тоже, наверное, говорит о том, что она еще неподалеку. Думаю, можно к списку мест, где сейчас может быть Марго, добавить и город, где находится самый большой шар из попкорна.

— Похоже, ее путешествие соответствует одной из цитат из Уитмена: «Я праздный бродяга».

Радар все сидел, склонившись над клавиатурой. Я пошел к кровати.

— Слушай, а распечатай мне карту США, я точки нанесу, — попросил я.

— Можно же в Интернете это сделать.

— Я просто хочу посмотреть, как это выглядит в реале.

Через несколько секунд принтер выплюнул листок, я повесил распечатку рядом с предыдущей, на которой были отмечены найденные мной недопоселения. Воткнул булавки во все шесть городов, которые Марго (или кто-то другой) выбрала в путеводителе. Потом попытался посмотреть на них, как на созвездия — я надеялся, что получится какой-нибудь значимый рисунок или буква, но ничего такого не увидел. Фигуры

были совершенно бессмысленные, как будто она вслепую бросала в карту дротики.

Я вздохнул.

— Знаешь, что было бы хорошо? — спросил Радар. — Найти какое-нибудь подтверждение тому, что она за последнее время проверяла почту или выходила в Интернет. Я по ее имени каждый день поиск провожу, настроил бота, чтобы он меня оповестил, если Марго войдет в Мультипедию под своим ником. Отслеживаю айпи-адреса всех, кто ищет «бумажные города». Но пока все тщетно.

— Я даже не знал, что ты все это делаешь, — сказал я.

— Ну да. Я стараюсь, как хотел бы, чтобы ради меня постарались. То есть мы с Марго друзьями не были, но она ведь заслуживает, чтобы ее нашли, согласен?

— Если только она не скрывается нарочно.

— Да, такое, наверное, возможно. Пока еще разные варианты допустимы.

Я кивнул.

— Ну, ладно, — продолжил Радар. — Проведем мозговой штурм за приставкой?

— Я не в настроении.

— Тогда, может, Бену позвоним?

— Нет, он — урод.

Радар искоса посмотрел на меня:

— Ну, конечно. Знаешь, в чем твоя проблема, Квентин? Ты все ждешь от людей, что они перестанут быть такими, какие они есть. Я бы тоже мог беситься, например, из-за того, что ты дико непунктуален или что ты ничем не интересуешься, кроме Марго Рот Шпигельман, или что ты ни разу не спросил, как у меня дела с Энджелой — но мне-то пофиг, чувак, потому что ты — это ты. У моих предков тонна черномазых Санта-Клаусов, но ничего не поделаешь. Просто у меня такие родители. А я так помешан на своем веб-справочнике, что иногда к телефону не подхожу, даже когда звонят друзья или моя девчонка. И это тоже нормально. Я такой. Я же тебе все равно нравлюсь. И ты мне нравишься. Ты прикольный, умный, и хоть и опаздываешь, но ведь приходишь же.

— Спасибо.

— Ну, блин, я не похвалить тебя хотел. Я вот о чем: тебе надо перестать ждать, что Бен станет таким же, как ты, а ему — что ты станешь, как он, и остыньте уже.

— Ладно, — наконец согласился я и позвонил Бену.

Новость о том, что у меня дома Радар и он хочет поиграть на приставке, чудесным образом излечила его от похмелья.

— Ну, — сказал я, повесив трубку, — а Энджела как?

Радар рассмеялся:

— Чувак, она крутая. Все супер. Спасибо, что спросил.

— Девственность еще не потерял?

— Я на эту тему не распространяюсь. Хотя еще нет. А, да, сегодня утром у нас случилась первая ссора. Мы завтракали в Вафля-хаусе, и она начала занудствовать о том, какие у нас крутые Санта-Клаусы. Мол, мои родители — молодцы, что собирают их, потому как очень важно, чтобы люди не думали, что типа все важные фигуры в нашей культуре, такие, как Бог и Санта-Клаус, — белые. И, мол, черный Санта поддерживает всю афроамериканскую общину...

— Ну, я с ней согласен, в целом.

— Ну да, мысль хорошая, но такой бред. Они же не проповедуют, что Санта — негр. Иначе бы они сами их *делали*. А они, наоборот, пытаются скупить их всех и спрятать в нашем доме. В Питтсбурге живет чувак, у которого коллекция лишь немного меньше нашей, и они всё хотят ее у него выкупить.

Тут раздался голос Бена. Похоже, он стоял в дверях уже некоторое время.

— Радар, то, что ты еще не смог приконnectиться к такой милой зайке, — это величайшая гуманитарная трагедия нашего времени.

— Бен, ты как? — спросил я.

— Спасибо, что подвез вчера, старик.

Несмотря на то что до выпускных экзаменов оставалась всего неделя, в понедельник я весь день читал «Песнь о себе». Я хотел съездить в два оставшихся недопоселения, но Бену нужна была тачка. А в поэме я уже искал не столько намеки, сколько саму Марго. На этот раз я добрался до середины, а потом снова запнулся на куске, который перечитывал-перечитывал и все не мог понять.

«Теперь я буду слушать, только слушать», — пишет Уитмен. И потом две страницы он действительно слушает: паровой свисток, голоса людей, оперу. Он сидит на траве, внимая льющим сквозь него звукам. Наверное, и я занимался тем же самым: прислушивался ко всем издаваемым ею звукам, даже к самым тихим, потому что прежде чем понять смысл, надо услышать. До этого я Марго, по сути, не слышал — я видел, как она кричит, а думал, что смеется, — а теперь понял, что моя задача в этом. Постараться услышать «оперу Марго» даже с такого огромного расстояния.

Я не мог услышать саму Марго, но мог послушать то, что когда-то слышала она. Поэтому я скачал альбом Вуди Гатри. Я сидел за компом, закрыв глаза, уперевшись локтями в стол, и слушал минорное пение. И в этой незнакомой мне песне я старался расслышать голос, который слышал всего двенадцать дней назад, но уже не узнавал.

Когда я слушал уже другого певца, которого любила Марго, Боба Дилана, домой вернулась мама.

— Папа будет поздно, — сказала она, не открывая дверь в мою комнату. — Сделать бургеров с индейкой?

— Хорошая идея, — ответил я, а потом снова закрыл глаза и вернулся к музыке.

Встал я только через полтора альбома, когда папа позвал меня ужинать.

Пока мы ели, родители говорили о политике на Среднем Востоке. Точнее, кричали, хотя и были согласны друг с другом во всем. Они орали, что такой-то — врун, а такой-то — врун *да еще и* вор, и что все должны подать в отставку. Я сосредоточился на своем бургере, который был прекрасен: много кетчупа и поджаренного на гриле лука.

— Ладно, закроем эту тему, — предложила через какое-то время мама. — Квентин, ты как день провел?

— Отлично, — ответил я. — К экзаменам готовился.

— Я поверить не могу, что пошла последняя неделя учебы, — сказал папа. — А кажется, что только вчера...

— Да, — согласилась мама.

Голос в голове завопил: «ОСТОРОЖНО ВОЗМОЖЕН ПРИСТУП НОСТАЛЬГИИ БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ ВНИМАТЕЛЬНЫ ВНИМАТЕЛЬНЫ». Нет, мои родители — отличные люди, но они склонны к припадкам убийственной сентиментальности.

— Мы тобой так гордимся, — сказала она. — Но мы будем очень скучать, когда ты уедешь.

— Да ладно, не спешите вы. Может, я еще провалю английский.

Мама рассмеялась.

— Кстати, угадай, кого я вчера видела? Бетти Парсон. Она сказала, что Чак поедет учиться в университет Джорджии. Я за него рада, он всегда так старался!

— Да он — урод, — сказал я.

— Ну, — ответил папа, — он хулиганил. И с поведением у него было плачевно.

Это тоже характерная черта моих родителей: они никого уродами не считают. То есть они думают, что человек — не дерьмо, а просто с ним что-то не так: социальная дезадаптация, пограничный синдром или что-нибудь там еще.

Мама подхватила:

— Да, у Чака сложности с обучением. У него есть проблемы, как и у всех людей. Я понимаю, что тебе подобным образом на сверстников смотреть сложно, но когда подрастешь, начнешь воспринимать всех — хороших ребят, плохих ребят, всяких ребят — просто как людей. Все они — просто люди, и заслуживают того, чтобы их интересы учитывали. Все они в разной степени больные, невротики, все находятся на разных этапах самопознания. Но, ты знаешь, Бетти мне всегда нравилась, и я надеялась, что у Чака что-нибудь получится. Так что я рада, что он поедет в колледж, а ты?

— Честно говоря, мам, мне на него вообще наплевать.

Я не мог понять, почему тогда маме с папой так неприятны израильские и палестинские политики, если они тоже просто люди? Их они явно *достойными личностями* не считали.

Папа дожеввал, положил вилку и посмотрел на меня:

— Чем дольше я работаю, тем больше убеждаюсь, что людям не хватает хороших зеркал. Другому человеку очень трудно показать нам, как

мы выглядим со стороны, а нам сложно показать, как мы себя ощущаем изнутри.

— Это очень трогательно, — сказала мама. Мне было приятно, что у них такие хорошие отношения. — Но ведь дело еще и в том, что на каком-то глубинном уровне нам сложно понять, что другие — такие же люди, как и мы. Мы либо идеализируем их, как богов, либо презираем, как животных.

— Верно. Именно из-за такого самосознания у нас очень мутные окна. Наверное, в таком ключе я этот вопрос никогда не рассматривал.

А я сидел и слушал. И слышал что-то про нее и про окна, и про зеркала. Чак Парсон — личность. Как и я. И Марго Рот Шпигельман — личность. А я о ней так раньше не думал, по большому счету; вот в чем недостаток всех моих предыдущих представлений. Все это время — даже за десять лет до того как она сбежала — я строил образ Марго, на самом деле не слушая ее, не зная, что у нее такое же негодное окно, как и у меня. Поэтому я не мог себе представить, что она — такой же человек, который в состоянии испытывать страх, который может чувствовать себя одиноким в толпе, который может стесняться своей коллекции пластинок, потому что это слишком личное. Который может читать путеводители, чтобы убежать от жизни в том городе, в который многие бегут из других мест. С которым никто никогда не разговаривал по-настоящему — потому что никто никогда не видел в ней человека.

И я сразу понял, как Марго Рот Шпигельман чувствовала себя, когда не была Марго Рот Шпигельман: она чувствовала себя опустошенной. Она чувствовала себя так, будто она окружена стеной, размеров которой нельзя оценить. Я представил, как она спит на ковре, а над ней — крошечный лоскуток звездного неба. Может, Марго там было комфортно, потому что Марго как личность всегда жила именно так: в комнате, куда никто не входит, окна которой вечно закрыты, а свет падает только через дырки в потолке. Да. Я всегда делал одну и ту же фундаментальную ошибку — и, по сути, именно она вела меня к заблуждению: на самом деле Марго — не чудо. Не приключение. Не какая-то драгоценность. Она — девчонка.

Время, конечно, и прежде тянулось медленно, а во вторник, словно чувствуя, что я скоро подберусь к разгадке, оно, похоже, решило совсем остановиться. Мы договорились, что после школы все вместе поедem в торговый центр, и ожидание было невыносимым. Когда, наконец, прозвенел звонок, возвещая об окончании английского, я бросился вниз по лестнице и уже в дверях понял, что мы сможем поехать только после репетиции. Я сел у репетиционной и достал из рюкзака завернутую в салфетку пиццу, оставшуюся с обеда. Когда я съел четверть, ко мне подседа Лэйси Пембертон. Я предложил ей кусочек. Она отказалась.

Говорили мы, естественно, о Марго. Это была наша общая рана.

— Что мне нужно понять, — сказал я, вытирая жирные от пиццы руки о джинсы, — это «где». Но я даже не знаю, объезжать недопоселения — это стоящая мысль или нет. Иногда мне кажется, что мы совершенно сбились со следа.

— Да, я тоже не знаю. Честно говоря, если забыть обо всем остальном, мне нравится, что мы что-то узнаем о Марго. В смысле, чего не знали до этого. Я ведь раньше не понимала, что она за человек. Я воспринимала ее лишь как классную, безумную подружку, которая выкидывает всякие классные, безумные штуки.

— Верно, но она же все эти штуки *не на ходу* придумывала, В смысле, все эти ее проекты были такими... не знаю, как сказать.

— Отточенными, — подсказала Лэйси. — Ни у кого из моих знакомых — в смысле, нашего возраста — нет такой отточенности в действиях.

— Ага.

— Поэтому ее так трудно представить в какой-то страшной, пыльной комнате без света.

— Точно, — согласился я, — еще и с крысами.

Лэйси подтянула колени к груди, приняв позу зародыша.

— Фу. Совершенно на нее не похоже.

Лэйси каким-то образом удалось занять переднее сиденье, хотя она была самая маленькая. За рулем был Бен. Когда усевшийся рядом со мной Радар достал наладонник и начал что-то редактировать в Мультитипедии, я громко вздохнул.

— Исправляю разгул вандализма в статье про Чака Норриса, —

пояснил он. — Например, я хоть и согласен, что его основная специализация — удар по башке, но не думаю, что заявление, будто «слезы Чака Норриса лечат рак, но он, к сожалению, ни разу не плакал», — проверенный факт. Однако удаление этих безобразий занимает всего четыре процента моего мозга.

Я понял, что Радар пытался меня рассмешить, но мне была интересна лишь одна тема.

— Я не уверен, что мы найдем ее в одном из недопоселений. Понимаете, может быть, она даже не их имела в виду, когда говорила про «бумажные города». Указаний на разные места очень много, но все они совершенно *неконкретные*.

Радар на секунду поднял взгляд от экрана, а потом снова вернулся к нему.

— Лично я считаю, что она далеко, объезжает всякие дурацкие заправки для туристов, ошибочно полагая, что оставила достаточно подсказок, как ее отыскать. Я думаю, что сейчас Марго, например в Омахе, у самого большого шара из марок, или в Миннесоте, у самого большого клуба веревки.

Бен бросил взгляд в зеркало заднего вида и спросил:

— То есть ты полагаешь, что Марго пустилась в тур по стране и объезжает все самые большие шары в мире?

Радар кивнул.

— Ну, — продолжил Бен, — кто-то должен велеть ей возвращаться домой, потому что самые большие шары у нас тут, в Орландо. Хранятся в специальном мешочке под названием «моя кошечка».

Радар заржал, и Бен продолжил:

— Не, я серьезно. Они у меня такие огромные, что даже когда картошку фри в «Макдоналдсе» заказываешь, предлагают на выбор четыре размера порции: маленькую, среднюю, большую и как мои шары.

Лэйси смирила его взглядом и сказала:

— Неуместная шутка.

— Извини, — буркнул Бен. — Я думаю, что Марго в Орландо, — добавил он. — Наблюдает за тем, как мы ее ищем. И как предки не ищут.

— А я все еще за Нью-Йорк, — высказала свое предположение Лэйси.

— Да, все эти варианты возможны, — согласился я.

Каждому из нас по Марго, и каждая — скорее зеркало, чем окно.

Торговый центр выглядел так же, как и пару дней назад. Бен припарковался, и я провел их в офис через дверь, которую надо толкать. Когда все вошли, я тихонько сказал:

— Фонарь пока не включайте. Пусть глаза сначала привыкнут.

Вдруг в мою руку впились ногти.

— Лэйс, ты в порядке?

— Ой, — сказала она, — не та рука. — И она принялась искать что-то в воздухе. Руку Бена, полагаю.

Постепенно в темной дымке начали вырисовываться очертания предметов. Столы все еще ждали, когда кто-нибудь сядет за них поработать. Я включил фонарь, остальные тоже. Бен с Лэйси вместе направились к Норе Тролля, посмотреть на другие комнаты. Радар же пошел со мной к столу Марго. Он опустился на колени, чтобы получше рассмотреть календарь с июнем. Наклоняясь к нему, я услышал шаги.

— Люди, — взволнованно прошептал Бен.

Он нырнул под стол Марго, таща за собой Лэйси.

— Что? Где?

— В той комнате! — ответил он. — В масках. Из какой-то службы, наверное. Надо бежать.

Радар направил фонарь на Нору Тролля, но Бен резко его одернул:

— Надо. Уходить.

Лэйси смотрела на меня снизу вверх, по-моему, она немного злилась: я же говорил, что ничего страшного произойти не может.

— Ладно, — шепнул я. — Хорошо, ребята, уходим через дверь. Спокойно и быстро.

И как только я пошел, раздался громоподобный голос:

— КТО ЭТО ТАМ?

Вот срань.

— М-м-м, — сказал я, — мы просто зашли.

Блин, ну и глупость я ляпнул. Меня ослепил луч белого света, ворвавшийся в комнату из Норы Тролля. Это вполне мог оказаться сам Господь Бог.

— И каковы ваши намерения? — В голосе слышался легкий английский акцент.

Бен поднялся и встал рядом. Меня обрадовало, что я не один.

— Мы расследуем исчезновение человека, — очень уверенно сказал он. — Мы тут ничего не испортим.

Свет резко погас, я проморгался, после чего смог разглядеть три силуэта: все они были в джинсах, майках и масках с двумя круглыми

фильтрами. Один из ребят поднял маску на лоб и посмотрел на нас. Я узнал эту козлиную бородку и растянутые плоские губы.

— Газ? — удивилась Лэйси. Она встала. Это был охранник из «СанТраста».

— Лэйси Пембертон. Боже ж ты мой. Ты что тут делаешь? Без маски? Тут же тонны асбеста.

— А вы что тут делаете?

— Исследуем, — сказал он.

Бен вдруг настолько обнаглел, что подошел к незнакомцам и пожал им руки. Они представились, назвавшись Тузом и Столяром. Я бы дерзнул предположить, что это все же клички.

Потом мы все взяли стулья на колесиках и сели в кружок.

— Это вы фанеру проломили? — спросил Газ.

— Да, это я был, — объяснил Бен.

— Мы заклеили, потому что не хотели, чтобы сюда кто-нибудь еще залез. Если вход будет виден с дороги, повалит всякий сброд, ни черта не смыслящий в исследовании таких мест. Типа бомжей и нариков.

Я наклонился в их сторону и спросил:

— Так вы знали, что Марго сюда приходила?

Туз ответил раньше Газа. Он маску не снял, но разобрать, что он говорит, все равно было нетрудно.

— Чувак, Марго тут до фига времени проводила. Мы сами сюда лишь несколько раз в год ездим, тут же асбест, да и вообще не особо крутое место-то. А она за последние пару лет примерно в половине случаев оказывалась здесь. Сексапильная была телочка, да?

— Была? — переспросила Лэйси.

— Ну, она же сбежала?

— Что вам об этом известно?

— Бог мой, да ничего. Я видел его с Марго, — сказал Газ, кивком указывая на меня, — пару недель назад. А потом услышал, что она сбежала. Через несколько дней я подумал, что она может оказаться тут, поэтому мы приехали.

— Я так и не понял, чем ей это место так приглянулось. Тут же нет ничего особого, — вставил Столяр. — И исследовать больше нечего.

— Что это за *исследования*? — спросила Лэйси у Газа.

— Типа городские раскопки. Мы лазим по заброшенным зданиям, исследуем, что там есть, фотографируем. Ничего не берем, ничего не оставляем. Просто смотрим.

— Это вроде хобби, — добавил Туз. — Мы брали Марго с собой в

поездки по таким местам, когда еще в школе учились.

— У нее глаз был острый, хотя ей тогда всего лет тринадцать, наверное, было, — пояснил Газ. — Она куда хочешь пробраться могла. Тогда мы ездили лишь от случая к случаю, а теперь раза три в неделю куда-нибудь выбираемся. Интересных мест куча. В Клируотере есть заброшенная психушка. Просто круть. Там все осталось — куда звезданутых ремнями пристегивали, электрошок. А на западе есть старая тюрьма. Но Марго это почему-то не особо интересно было. Ей нравилось пробираться в разные здания, а потом она там просто *сидела*.

— Да, это малость бесило, — согласился Туз.

Столяр добавил:

— Она даже не фоткала. Не бегала, не искала ничего. Прoberется внутрь и сидит на месте. Помните, у нее блокнот такой черный был? Вот она сядет в угол и пишет там что-то, как будто у себя в комнате домашку делает или типа того.

— Честно говоря, — сказал Газ, — Марго не понимала всего смысла этих мероприятий. Дух приключений ее не захватывал. В общем, она какая-то депрессивная была.

Мне не хотелось, чтобы они останавливались — я думал, что по их рассказу смогу представить себе ее. Но вдруг Лэйси поднялась и оттолкнула стул:

— И вам в голову не пришло спросить у Марго, чего она такая депрессивная? Или на фига она в эти грязные сараи лазит? Вам плевать было?

Она стояла над Газом и кричала, он тоже поднялся, оказавшись дюймов на шесть выше нее. А потом Столяр сказал:

— Боже, успокойте кто-нибудь эту идиотку.

— Значит, вам плевать! — заорал и Бен.

Прежде чем я успел сообразить, что происходит, он столкнул Столяра со стула, и тот повалился на бок. Бен уселся на него и принялся яростно, но неуклюже колотить по маске, крича:

— ОНА НЕ ИДИОТКА! САМ ИДИОТ!

Я подскочил и схватил Бена за одну руку, Радар вцепился в другую. Мы его оттащили, но он не заткнулся:

— Меня переполняет злоба! Мне было лучше, когда я его бил! Дайте его мне!

— Бен, — сказал я как можно спокойнее, подражая своей маме. — Бен, расслабься. Он уже все понял.

Газ с Тузом помогли Столяру подняться, и Газ сказал:

— Бог ты мой, мы уходим. Место ваше, только не нервничайте.

Туз собрал фотооборудование, и они поспешно вышли в дверь. Лэйси принялась объяснять, откуда она его знает.

— Он оканчивал школу, когда мы...

Но я махнул рукой. Это не имело значения.

Радар знал, что имело значение. Он немедленно занялся календарем, уткнувшись в него носом.

— По-моему, на майском листе ничего не было написано, — сказал он. — Листы довольно тонкие, следов я не вижу. Но я не на все сто уверен.

Он принялся разыскивать что-нибудь еще. Судя по свету фонариков, Бен с Лэйси нырнули в Нору Тролля. А я остался в офисе, представляя себе ее. Я мысленно видел, как она ездит по всяким заброшенным зданиям вместе с этими ребятами, которые старше нее на четыре года. Вот такую Марго я знал. А внутри этих зданий она оказывается не такой Марго, какой я видел ее всегда. Пока все осматривают территорию, фотографируют и скачут с места на место, она сидит на полу и что-то пишет.

Вдруг из другой комнаты раздался зов Бена:

— Кью! Тут есть кое-что!

Я вытер пот с лица обоими рукавами и поднялся, опираясь на стол Марго. Потом я дошел до стены, нырнул в Нору Тролля и пошел к свернутому ковру: по стене над ним ползали три луча от фонарей.

— Смотри, — сказал Бен, рисуя светом квадрат на стене. — Это те дырочки, про которые ты говорил?

— Ага?

— Наверняка тут были какие-то важные бумажки. Судя по расстоянию между дырками, это могли быть открытки или фотки. А потом, наверное, она забрала их с собой, — сказал Бен.

— Да, возможно, — согласился я. — Хорошо бы нам найти блокнот, про который говорил Газ.

— Да, когда он сказал об этом, я его вспомнила, — ответила Лэйси, в свете своего фонаря я видел только ее ноги. — Она всегда носила с собой блокнот. Я, правда, ни разу не видела, чтобы она в нем что-то писала, я думала, что это ежедневник или типа того. Господи, я даже не поинтересовалась ни разу. На Газа разозлилась, хотя он ей даже другом не был. А сама я ее разве о чем-нибудь спрашивала?

— Она бы все равно тебе не ответила, — сказал я. Нечестно было скрывать, что Марго и сама постаралась, чтобы ее образ был для нас таким неоднозначным.

Мы походили там еще около часа, и, когда я уже уверился в мысли, что

мы приехали сюда зря, луч моего фонаря упал на брошюры о всяких микрорайонах, из которых был построен «карточный дом» — его мы видели еще в первый визит. Одна из брошюр была про Гроувпойнт. Затаив дыхание, я принялся рассматривать и остальные. Потом побежал к своему рюкзаку, который оставил у двери, и вернулся с ручкой и блокнотом, куда записал названия всех этих поселений. Одно я узнал сразу: Фермы Колье — микрорайон из моего списка, в котором я еще не побывал. Потом я убрал блокнот в рюкзак. Можете считать меня эгоистом, но я хотел встретиться с ней один, без ребят.

В пятницу, когда мама вернулась с работы, я сказал ей, что мы с Радаром едем на концерт, а сам отправился в графство Семинол — как раз там располагались Фермы Колье. Все остальные поселения из списка интереса не представляли — почти все они находились к северу от центра, на давно обжитой территории.

Мне удалось заметить съезд на Фермы Колье лишь потому, что я уже стал специалистом по едва заметным грунтовкам. Но Фермы оказались совсем не похожи на недопоселения, которые я видел до этого: там все так заросло, будто жители покинули это место лет пятьдесят назад. Я не мог понять, то ли этот микрорайон просто старше других, то ли растительность тут более буйная, из-за того что располагается он в заболоченной низине. Вскоре по этой грунтовке стало невозможно ехать.

Так что я вылез из машины и дальше пошел пешком. Высоченная трава щекотала голени, а кроссовки вязли в грязи. Мне оставалось лишь надеяться, что Марго поставила палатку на какой-нибудь крошечной возвышенности, чтобы в нее не затекала дождевая вода. Шел я медленно, потому что тут было на что посмотреть и было где спрятаться, и потому что между этим недопоселением и торговым центром была определенная связь. К тому же по такой густой грязи шагать удавалось только медленно, да я и не спешил, я внимательно разглядывал все объекты, где мог бы поместиться человек. В конце улицы я увидел бело-синюю картонную коробку, на миг мне показалось, что именно в такой были батончики, которые я нашел в торговом центре. Но нет. Это оказался полусгнивший контейнер от баночного пива. Я поплелся обратно к минивену, а потом двинул на север, в Логан Пайнс.

Добираться туда пришлось почти час, и я уже подъезжал к Национальному лесу Окала, где даже метро нет, мне оставалось всего несколько миль, как вдруг позвонил Бен.

— Как дела?

— Ты по бумажным городам ездишь? — спросил он.

— Ага. До последнего в списке уже почти добрался. И ничего еще не нашел.

— Слушай, старик, предкам Радара пришлось внезапно уехать.

— Все в порядке? — поинтересовался я. Его бабушка с дедушкой были уже очень старые и жили в пансионате в Майами.

— Да, прикинь, помнишь того чувака из Питтсбурга, у которого вторая по размеру коллекция черномазых Санта-Клаусов?

— Ну да?

— Он только что коньки отбросил.

— Ты шутишь.

— Старик, на тему кончины коллекционера черных Сант я шутить не могу. У него кровоизлияние случилось, и Радаровы предки полетели в Пенсильванию в надежде выкупить всю его коллекцию. Так что мы тут пригласили кое-кого.

— Кто это «мы»?

— Ты, я и Радар. У нас вечеринка.

— Ну, не знаю.

После паузы Бен обратился ко мне со всей торжественностью.

— Квентин, — сказал он, — я знаю, что ты хочешь отыскать Марго. Я понимаю, что она тебе дороже всего. И все это хорошо. Но у нас через неделю типа школа заканчивается. Я не прошу тебя забросить поиски. Я прошу тебя прийти на вечеринку, которую устраивают твои лучшие друзья, с которыми ты знаком уже полжизни. Пару-тройку часов потусить с нами, потягивая сладкий алкопоп, как послушная маленькая девочка, а потом еще пару-тройку часов выблевывать вышеупомянутый алкопоп через нос. А потом будешь дальше ездить по своим заброшенным домам.

Мне не очень понравилось, что Бен считал, будто друзья сейчас важнее, чем Марго, хотя друзья были на месте, а она пропала. Но таков уж Бен, как говорил Радар. А мне после Логан Пайнс все равно уже некуда было податься.

— Я сейчас это место осмотрю и приеду.

Поскольку это было последнее недопоселение в центральной Флориде — по крайней мере, из тех, которые были мне известны, — я возлагал на него большие надежды. Но пройдя по единственной тупиковой улице с фонарем, я не увидел ни палатки, ни костра, ни оберток от еды, ни каких-либо других признаков жизни. В том числе и никаких признаков Марго. В конце улицы я заметил единственный фундамент. Но и там ничего не было, просто дыра в земле, как разинутый рот мертвеца, спутавшиеся кусты шиповника и трава по пояс. Если она хотела, чтобы я все это увидел, то я увидел, но не понял ради чего. И если сама Марго уехала в какое-то недопоселение с намерением никогда не возвращаться, получается, она знала такое место, которое не смог найти я.

Обратно я добрался за полтора часа. Я оставил минивен дома, переоделся в тенниску и единственные приличные джинсы и пошел по Джефферсон-вэй в Джефферсон-корт, а потом свернул на Джефферсон-роуд. На улице Радара — Джефферсон-плейс — уже стояло несколько тачек. Хотя было всего восемь сорок пять.

Когда я открыл дверь, меня встретил Радар с кучей гипсовых Санта-Клаусов черного цвета в руках.

— Хороших надо убрать всех, — объяснил он. — А то испортим, не дай бог.

— Помочь? — предложил я.

Радар показал на гостиную, где на столиках, стоявших по обеим сторонам от дивана, красовалось несколько наборов раскрытых матрешек в виде чернокожих Санта-Клаусов. Собирая их, я не мог не обратить внимания на то, что они все же очень красивые — все раскрашены вручную и прорисованы очень тщательно. Но Радару я об этом не стал говорить, боясь, что он может забить меня до смерти стоявшей в гостиной лампой в виде черного Санта-Клауса.

Потом я отнес матрешек в гостевую спальню, где Радар аккуратно укладывал фигурки в комод.

— Знаешь, когда видишь их всех вместе, действительно начинаешь задумываться, как такая идея пришла кому-то в голову.

Радар закатил глаза:

— Да уж, я об этой сраной идее задумываюсь каждое утро, поедая хлопья ложкой в виде черного Санты.

Мне на плечо легла чья-то рука: кто-то пытался меня развернуть. Это оказался Бен, который так притопывал ногами, словно ему срочно надо было поссать или вроде того.

— Мы поцеловались. Ну, то есть она меня поцеловала. Минут десять назад. На кровати твоих предков.

— Какая мерзость, — ответил Радар. — Только не трахайтесь там.

— Ого, я-то думал, это уже пройденный этап, — сказал я. — Ты же такой шустрый по части телок.

— Заткнись, старик. Я в панике, — признался он, глядя на меня безумными глазами. — По-моему, у меня не особо хорошо получается.

— Что?

— Целоваться. Ну, то есть у нее опыта в этом деле куда больше, чем у

меня, за столько-то лет. И я не хочу, чтобы она во мне разочаровалась из-за этого и бросила. Девчонки от тебя тащатся, — сказал он мне, что могло быть верно в лишь том случае, если под словом «девчонки» понимать только тех, кто играет на барабанах в марш-оркестре. — Старик, дай совет.

Меня ох как подмывало припомнить ему всю его бесконечную похвальбу на тему, как он умеет ублажать девчонок, но я лишь сказал:

— Насколько я понимаю, основных правил два: первое — ничего не кусай без разрешения; и второе — человеческий язык — это как васаби: средство очень мощное, и злоупотреблять им не стоит.

Вдруг у Бена в глазах вспыхнул настоящий ужас. Я скривился и спросил:

— Она у меня за спиной стоит, да?

— «Человеческий язык — это как васаби», — передразнила Лэйси дебильным басом, я надеялся, что на мой голос это не похоже.

Я резко развернулся.

— Я вообще-то считаю, что язык Бена — как защитный крем от солнца, — возразила она. — Он очень полезен для здоровья и может применяться в неограниченных количествах.

— Я сблевал и проглотил, — сообщил Радар.

— Лэйси, мне просто жить больше не хочется, — добавил я.

— Как бы мне поскорее забыть об услышанном, — сказал Радар.

— Сама эта идея настолько оскорбительна, что словосочетание «язык Бена Старлинга» запрещено на телевидении, — продолжил я.

— А нарушителей этого закона либо сажают на десять лет в тюрьму, либо вылизывают языком Бена Старлинга, — закончил Радар.

— И все, — сказал я.

— Предпочитают, — продолжил Радар с улыбкой.

— Тюрьму, — договорили мы вместе.

И тут Лэйси поцеловала Бена прямо у нас на глазах.

— О, боже, — сказал Радар, прикрываясь руками. — Боже, я ослеп. Ослеп!

— Прекратите, пожалуйста, — ответил я. — Вы расстраиваете Санта-Клаусов.

Вечеринка в итоге проходила в гостиной на втором этаже, куда вместились двадцать человек. Я прислонился к стене, и моя голова оказалась в нескольких дюймах от портрета чернокожего Санта-Клауса, нарисованного на бархате. У Радара был диван, состоящий из отдельных секций, и все расселись на нем. В кулере, стоявшем возле телика,

охлаждалось пиво, но никто не пил. Все просто рассказывали какие-то истории друг о друге. Почти все это я слышал и раньше, — про поездки оркестра в лагерь, про Бена Старлинга, про первые поцелуи — но Лэйси-то не слышала, да и все равно было довольно интересно. Я почти все время молчал, пока Бен не спросил:

— Кью, как мы пойдем на вручение?

Я ухмыльнулся:

— Голыми под мантией.

— Да! — И Бен сделал глоток «Доктора Пеппера».

— Я даже *брать с собой* одежду не буду, так что не отступлю, — сказал Радар.

— Я тоже! Кью, поклянись, что и ты брать одежду не будешь.

Я улыбнулся:

— Клянусь честью.

— Я тоже хочу! — заявил наш друг Фрэнк. И за ним еще куча ребят подтянулась. Девчонки почему-то энтузиазма не проявили.

Радар сказал Энджеле:

— Твое нежелание присоединиться к нам заставляет меня усомниться в глубинных основах нашей любви.

— Ты не понимаешь, — сказала Лэйси. — Дело не в том, что мы боимся. А в том, что мы платья уже выбрали.

Энджела показала на Лэйси:

— *Именно*. А вам остается только надеяться, что ветра не будет.

— Я наоборот надеюсь, что будет, — возразил Бен. — Самым большущим шарам на свете свежий воздух полезен.

Лэйси стыдливо прикрыла лицо рукой:

— Как мне тяжело с тобой. Приятного много, но тяжело.

Все рассмеялись.

Это мне в моих друзьях больше всего нравилось: они просто сидели и рассказывали всякие истории. Истории-окна и истории-зеркала. А я просто слушал — тем, что было у меня на уме, никого не развеселить.

Я конечно же не мог не думать о том, что кончается и школа, и все остальное. Мне нравилось стоять чуть в сторонке и наблюдать за всеми — было в этом что-то тоскливое, но меня это не смущало, я просто слушал, а грусть и радость кружили вокруг меня водоворотом, усиливая друг друга. И мне казалось, что вот-вот у меня что-то треснет в груди, но чувство это не было неприятным.

Я ушел незадолго до полуночи. Кто-то еще остался, но мне было пора

домой, к тому же мне и не хотелось оставаться. Мама дремала, лежа на диване, но поднялась, увидев меня.

— Хорошо повеселился?

— Ага, — ответил я. — Было классно.

— Ты тоже классный, — с улыбкой сказала она.

Меня такое сентиментальное заявление даже рассмешило, но я промолчал. Мама встала, прижала меня к себе и поцеловала в щеку.

— Я так рада, что ты мой сын, — сказала она.

— Спасибо.

Я лег в постель с книжкой Уитмена, открыв ее в том месте, которое мне нравилось — где он слушает оперу и людей.

Послушав, он пишет: «Я обнажен... он хлещет меня яростным градом, и я задыхаюсь». Просто безупречно, думал я: ты слушаешь людей, чтобы представить, какие они, слышишь, как ужасно и прекрасно они поступают с самими собой и с другими, но в итоге *ты сам* оказываешься обнажен больше, чем те, кого ты слушал.

Когда я ходил по этим недопоселениям, пытаюсь услышать ее, про себя самого я понял куда больше, чем про Марго Рот Шпигельман. Через несколько страниц — в течение которых он слушает, обнаженный — Уитмен переходит к путешествиям, которые возможны в его воображении, он перечисляет места, в которые может попасть, валяясь на траве. «Я ладонями покрываю всю сушу», — говорит он.

Я продолжал думать о картах: когда я был маленьким, я иногда разглядывал атласы, и посмотреть на другие страны было достаточно, чтобы начало казаться, будто я сам там побывал. Вот что мне надо было делать. Надо было постараться услышать и представить себе *ее* дорогу на карте.

Но разве я не пытался сделать именно это? Я посмотрел на распечатанные карты, висевшие над компом. Я старался просчитать возможные маршруты ее путешествий, но даже в траве можно было столько всего разглядеть, а в Марго — еще больше. Найти ее на карте не представлялось возможным. Территория такая огромная, а она — такая маленькая. Эти карты — я не просто потратил на них время впустую, нет, они были материальным подтверждением бесплодности моих поисков, моей полной неспособности отрастить такие ладони, которые покрыли бы всю сушу, строить в голове правильные образы.

Я встал и сорвал со стены распечатки, булавки вылетели и упали на пол. Я скомкал листки и бросил в мусорную корзину. На обратном пути я,

как дурак, наступил на кнопку, и хотя я устал и был очень зол, и не мог больше ничего придумать, и мне больше некуда было ехать искать, мне пришлось собрать все рассыпавшиеся по ковру булавки и кнопки, чтобы позже снова не наступить на них. Мне хотелось лупить кулаками по стене, а пришлось подбирать эти чертовы кнопки. Потом я пошел к кровати и побил подушку, стиснув зубы.

Я снова попытался читать Уитмена, но, застряв между текстом и мыслями о Марго, решил, что на сегодня я обнажен уже достаточно. Так что я, наконец, отложил книгу. Вставать и выключать свет мне было лень. Я тупо уставился на стену, время от время моргая, и глаза все дольше оставались закрытыми. А открывая их снова, я видел то место, где висели карты — четыре дырочки образуют прямоугольник, внутри которого еще несколько случайных дырочек. И я похожий рисунок уже видел. В пустой комнате, над свернутым ковром.

Там когда-то была карта. С воткнутыми булавками.

В субботу я проснулся на рассвете, чуть раньше семи. Как ни странно, Радар оказался в сети.

КЬЮВОССТАНИЕ: Я был уверен, что ты спишь.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Не, чувак. Я встал в шесть, дописываю статью об одном поп-певце из Малайзии. Но Энджела еще спит.

КЬЮВОССТАНИЕ: Ого, она у тебя осталась?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Да, но моя невинность еще не пострадала. Но вот после вручения дипломов... возможно.

КЬЮВОССТАНИЕ: Слушай, мне мысль вчера пришла. Про дырочки в стене в том торговом центре — может, там висела карта?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Типа маршрут.

КЬЮВОССТАНИЕ: Именно.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Хочешь поехать? Но мне надо дожидаться, когда Энджела встанет.

КЬЮВОССТАНИЕ: Хорошо.

Радар перезвонил в десять. Я заехал за ним, потом мы двинули к Бену, решив, что на ноги его сможет поднять только внезапное нападение. Но когда мы спели ему «Солнышко мое» под окном, перед этим открыв его, он на нас, фигурально выражаясь, плюнул.

— До обеда я ничего делать не буду, — авторитетно заявил он.

Так что мы поехали вдвоем. Радар немного рассказал об Энджеле и о том, как она ему нравится, как нелепо влюбиться всего за несколько месяцев до того, как надо будет разъезжаться по колледжам, но мне было трудно как следует сосредоточиться на его монологе. Я хотел увидеть карту. Что Марго на ней отметила. Хотел воткнуть булавки на место.

Мы вошли в офис ипотечной конторы, пробежали через библиотеку, ненадолго остановились у стены с дырочками, а потом пошли в сувенирную лавку. Мне тут уже не было страшно. Побывав в каждой комнате и убедившись, что никого, кроме нас, в здании нет, я почувствовал себя так же уверенно, как дома. Под витриной я нашел коробку с картами и брошюрами, в которой рылся в ту ночь, когда все были на выпускном. Я поднял ее и поставил на углы разбитой витрины. Радар занялся первичным

отсевом, отбирая все карты, которые я потом разворачивал и искал дырочки.

Мы уже почти добрались до самого дна, когда Радар извлек черно-белую брошюру под названием «Пять тысяч американских городов». Она была издана компанией «Эссо» в 1972 году. Аккуратно разворачивая карту и разглаживая сгибы, я заметил в уголке дырочку. «Вот она», — воскликнул я. Бумага была надорвана, ее, наверное, содрали со стены. Это была уже ветхая, желтоватая карта Соединенных Штатов, по размеру такая, как вешают в школах, густо усеянная всякими интересными местами, куда можно съездить. Я решил, что Марго не хотела оставлять эту карту в качестве подсказки — к ним у нее было очень строгое требование: все они лишь запутывали ищущего. То есть каким-то образом нам удалось найти то, что она *не планировала* нам показывать, и, осознав, что она это не планировала, я вновь задумался о том, как много она *спланировала*. Может быть, именно этим она тут и занималась в темноте и тишине. Путешествовала в праздных мечтах, как и Уитмен, готовясь к настоящей поездке.

Я побежал в офис, в столе, стоявшем рядом со столом Марго, нашел кнопки, а потом мы с Радаром осторожно отнесли развернутую карту в ее комнату. Я приложил ее к стене, а мой друг попытался воткнуть булавки в уголки, но три из них были надорваны, как и три из пяти городов на карте — наверное, это произошло, когда Марго снимала карту со стены. «Выше и левее», — сказал он. — «Нет, пониже. Ага. Не двигайся». Повесив ее, наконец, мы начали сопоставлять дырочки на стене с городами на карте. Мы довольно легко нашли все пять. Но там, где бумага была порвана, ТОЧНОЕ местоположение определить не удалось. А на карте с пятью тысячами городов точность была важна. Названия были напечатаны таким мелким шрифтом, что мне приходилось носом водить по бумаге, чтобы что-то разобрать. Когда я называл города, Радар искал их в Мультипедии со своего наладонника.

Непорвавшихся дырочек оказалось две: одна, похоже, Лос-Анджелес, хотя рядом была такая куча других городков, что буквы наползали друг на друга. А вторая — Чикаго. Из порванных одна попадала на какой-то из районов Нью-Йорка.

— Сходится с тем, что мы уже знаем.

— Да, — сказал я, — но где именно в Нью-Йорке-то? Вот в чем вопрос.

— Мы наверняка что-то упустили, — ответил Радар. — Какой-то указатель. А другие точки где?

— Еще одна в штате Нью-Йорк, но не рядом с самим городом. Ну, ты посмотри, тут все городки крошечные. Может быть, Поукипси или Вудсток или Катскилл-парк.

— Вудсток. Это было бы интересно. Марго не хиппи, но явно за свободу духа.

— Не знаю, — ответил я. — Последняя — или Вашингтон или Аннаполис, или Чесапикский залив. Тут вариантов куча.

— Если бы она отметила на карте всего одно место, было бы яснее, — мрачно заметил Радар.

— Но она же, наверное, переезжает с места на место. — «Как праздный бродяга», — добавил я про себя.

Я сел на ковер, а Радар стал читать вслух статьи о Нью-Йорке, горах Катскилл, о нашей столице, о Вудстокском концерте шестьдесят девятого года. Но толку от этого, похоже, не было. Мне казалось, что мы добрались до самого конца клубка, но так ничего и не нашли.

После того как я отвез Радара домой, я сел читать «Песнь себе» и готовиться к выпускным — без особого энтузиазма. В понедельник меня ждали математика и латынь, пожалуй, для меня это были самые тяжелые предметы, я не мог позволить себе пойти на них без подготовки. Так что почти всю ночь и все воскресенье я занимался, но после ужина мне в голову пришла новая мысль про Марго, так что я отвлекся от перевода Овидия и вышел в сеть. В мессенджере была Лэйси. Мне Бен прислал ее контакт, и я решил, что мы с ней достаточно хорошо знакомы, чтобы завести разговор.

КЬЮВОССТАНИЕ: Привет, это Кью.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Привет!

КЬЮВОССТАНИЕ: Ты не думала о том, что Марго, наверняка, очень долго все планировала?

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Ты про то, как она оставила буквы из супа в тарелке и вывела тебя к торговому центру?

КЬЮВОССТАНИЕ: Да. Такое же за десять минут не придумаешь.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Может, она это в блокноте писала.

КЬЮВОССТАНИЕ: Именно.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Ага. Я о нем сегодня думала. Я вспомнила, что, когда мы ходили по магазинам, Марго всегда совала его в сумки, которые ей нравились — ей важно было, чтобы он туда входил.

КЬЮВОССТАНИЕ: Вот бы мне его раздобыть.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Она его, скорее всего, с собой взяла.

КЬУВОССТАНИЕ: Ну да. В ее шкафчике ты его не видела?

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Нет, там только учебники лежали аккуратной стопкой, как и всегда.

Я стал дальше готовиться к экзаменам, ожидая, что кто-нибудь еще выйдет в сеть. Через какое-то время появился Бен, я пригласил его в чат вместе с Лэйси. Почти все время говорили они, а я еще занимался своим переводом — до тех пор, пока к нам не присоединился Радар. Тогда я отложил карандаш.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Сегодня некто из Нью-Йорка искал Марго Рот Шпигельман в Мультипедии.

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: А можно определить место точнее?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: К сожалению, нет.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Там же еще висят объявления про нее. Может, кто-то просто пытался узнать, кто она такая.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Точно. Об этом я забыл. Отстой.

КЬУВОССТАНИЕ: Ребят, я с вами, но я пока вишу на том сайте, который составляет маршруты — мне его Радар показал.

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Ссылку?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: У меня новая теория. Она придет на вручение дипломов и сядет вместе с гостями.

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: А у меня старая теория. Она где-нибудь в Орландо, ржет над нами, радуясь тому, что стала центром нашей вселенной.

ПОСЫПАЮГОЛОВУПЕПЛОМ: Бен!

ЭТОБЫЛАПРОБЛЕМАСПОЧКАМИ: Прости, но я абсолютно прав.

Они еще какое-то время говорили о Марго, а я пытался проследить ее маршрут. Если она не хотела, чтобы мы нашли эту карту, — а судя по тому, что та была сорвана со стены, она этого не хотела, — мне оставалось считать, что мы собрали все оставленные ею подсказки плюс кое-что еще. Значит, информации у меня было достаточно. Но я все равно был еще очень далек от нее.

Просидев в понедельник утром три часа над восемью сотнями слов из Овидия, я шел по коридору с ощущением, что мозги сейчас польются из ушей. Но я нормально справился. Теперь меня ждал полуторачасовой обеденный перерыв, которого должно было хватить, чтобы расплавленный мозг застыл перед вторым экзаменом. У шкафчика меня ждал Радар.

— Я только что испанский подзавалил, — сказал он.

— Я уверен, что все у тебя там в порядке.

Радара ждал Дартмутский колледж с огромной стипендией. Он был жуть какой умный.

— Не знаю, чувак. Во время устной части я засыпал на ходу. Слушай, я полночи не спал, программой занимался. Она крутейшая. Выбираешь категорию — район какой-нибудь или семейство животных — и видишь первые фразы статей по этой теме, до сотни на одной странице. Например, тебе нужен конкретный вид кролика, а вспомнить ты его не можешь. Она собирает тебе все статьи про кроликов, и ты читаешь все за три минуты.

— Ты этим перед выпускными занимался? — спросил я.

— Да, я понимаю. Я тебе пришлю. Крайне занимательная вещь.

Подошел и Бен.

— Кью, клянусь, мы вчера с Лэйси до двух ночи сидели на этом сайте с маршрутами. Мы проложили все возможные пути между Орландо и теми пятью точками, и я понял, что все это время заблуждался. Марго не тут. Радар прав. Она вернется на вручение.

— С чего ты взял?

— Время подходит *идеально*. Чтобы доехать от Орландо до Нью-Йорка, потом до гор, потом до Чикаго, потом до Лос-Анджелеса, а потом вернуться в Орландо, нужно почти *ровно* двадцать три дня. Плюс к тому шутка хоть и идиотская, но вполне в духе Марго. Заставить всех подумать, что собираешься наложить на себя руки. Создать тайну, чтобы все обратили внимание. А потом, когда интерес к тебе идет на убыль, появиться на вручении дипломов.

— Нет, — возразил я. — Исключено.

Я к этому времени уже достаточно хорошо понял Марго, чтобы так говорить. Внимание ей было нужно. В это я верил. Но Марго делала это все не ради прикола. Она от таких штук кайф не ловила.

— Говорю тебе, старик. Жди ее на вручении. Она появится.

Я лишь покачал головой. Поскольку сегодня все обедали одновременно, столовая была забита под завязку, так что мы воспользовались правом старшеклассников поест в другом месте и поехали в «Вендис». Я старался сконцентрироваться на математике, но мне в голову начали закрадываться мысли, что, может, существуют какие-то еще ниточки, ведущие к Марго. Если Бен прав насчет того, что на такую поездку надо двадцать три дня, то это очень интересная тема. Может быть, именно это длинное путешествие в одиночку она и планировала в своем черном блокноте. Всего эта теория не объясняла, но она, по крайней мере, сходилась со страстью Марго к планированию. Хотя на нее саму это не выводило. В разорванную карту булавку вставить сложно, а если цель движется — то еще сложнее.

После длинного экзаменационного дня я почти с облегчением вернулся к уютной непролазности «Песни о себе». Я дошел до странного куска — после того как Уитмен долго слушал и слышал людей, путешествовал с ними бок о бок, он вдруг прекращает и слушать и даже просто к кому-либо ходить, он начинает *становиться* другими людьми. Ну, как бы вселяться в них в прямом смысле слова. Он рассказывает о капитане корабля, который спас всю команду, но погиб сам. И Уитмен уверяет, что поэт может рассказать эту историю, потому что сам стал этим капитаном. Он пишет: «Я сам этот шкипер, я страдал вместе с ними». А еще через несколько строк становится окончательно ясно, что Уитмену больше не надо слушать, чтобы стать другим человеком: «У раненого я не пытаю о ране, я сам становлюсь тогда раненым».

Я отложил книгу и лег набок, глядя на окно, которое вечно нас разделяло. Недостаточно просто видеть или слышать ее. Чтобы найти Марго Рот Шпигельман, надо стать Марго Рот Шпигельман.

А я сделал многое из того, что могла бы сделать она: я склеил самую невероятную пару на выпускной. Я унял псов кастовых войн. Я прижился в доме с крысами и привидениями, где она выдумывала свои лучшие планы. Я видел. Я слушал. Но я пока еще не мог стать раненым.

На следующий день я со скрипом сдал физику и основы управления государством, а потом до двух ночи дописывал работу по «Моби Дику». Я решил, что Ахав был героем. Особых оснований для такого вывода у меня не было — особенно с учетом того, что роман я не читал, — но я так решил и соответствующим образом изложил свои мысли.

Сокращенная экзаменационная неделя означала, что в среду у нас

последний день. И очень сложно было не думать о том, какое все последнее-препоследнее: вот я последний раз стою у репетиционной в кругу своих друзей под сенью дуба, который защищает от солнца уже не первое поколение порядочных оркестрантов. Последний раз ем пиццу в столовке с Беном. Последний раз сижу за партой и пишу экзаменационное сочинение, так вцепившись в ручку, что пальцы сводит. Последний раз смотрю на эти часы. Последний раз вижу в этом коридоре Чака Парсона с полуулыбкой-полуухмылкой. Боже. Я уже начал скучать по Чаку Парсону. Заболел, что ли.

Марго, наверное, так же себя чувствовала. Она все тщательно спланировала, наверняка она заранее знала, что уезжает, и не могла совершенно избежать этих чувств. У нее ведь со школой тоже приятные моменты были связаны. А в последний день плохое вспоминать сложно. Марго тут, так или иначе, жизнь прожила, как и я. Пусть город бумажный, но воспоминания-то — настоящие. На меня нахлынули мысли обо всем, что со мной тут произошло, о любви, жалости, сострадании, насилии и злобе. Эти беленые стены из шлакоблока. Мои белые стены. Белые стены Марго. Мы так долго были тут пленниками, застряв в них, как Иона во чреве китовом.

В течение дня я то и дело задумывался о том, что, может, именно из-за этого она распланировала все так тщательно и точно: даже если ты хочешь убежать, чувства тебя не отпускают, и сделать это очень тяжело. Для этого нужна предварительная работа, и, быть может, она именно этим и занималась, составляя в торговом центре свои планы: готовясь мысленно и эмоционально, воображая себе свою дальнейшую судьбу.

У Бена с Радаром была сверхдолгая репетиция — оркестр должен был играть на вручении дипломов «Торжественный и церемониальный марш», и они хотели сделать это безупречно. Лэйси предложила подбросить меня домой, но я решил разобрать свой шкафчик, поскольку не хотел возвращаться сюда еще раз — я боялся, что захлебнусь от этой идиотской ностальгии.

Там был настоящий срач: наполовину шкафчик был забит мусором, наполовину — учебниками. Я вспомнил, как Лэйси сказала, что у Марго книжки лежали аккуратной стопкой, словно она намеревалась вернуться в школу на следующий день. Я подтащил мусорное ведро к дверце. Сначала я сорвал фотку, на которой мы с Радаром и Беном скривили идиотские рожи. Ее я убрал в рюкзак, а потом начал разбирать накопившуюся за целый год мерзость. Ужаснейшее занятие: жвачка, завернутая в обрывки тетрадных листов, закончившиеся ручки, жирные салфетки. Все это

перекидывало в ведро. А параллельно я размышлял: «Я делаю это в последний раз, больше я сюда не приду, этот шкафчик больше не мой, мы с Радаром больше не будем переписываться на математике, я больше никогда не увижу Марго в другом конце коридора». Впервые в моей жизни столько всего сразу происходило в последний раз.

Потом я вдруг понял, что больше не могу. Я уже не справлялся с этим чувством, оно охватило меня целиком и стало невыносимым. Я полез в самую глубину шкафчика. И вывалил все — и фотки, и записки, и книжки — в мусорное ведро. И ушел, не закрыв дверцу. Проходя мимо репетиционной, я услышал приглушенные звуки марша. Но не остановился. На улице было жарко, но не так ужасно, как обычно. Переносимо. *Почти везде по дороге домой есть тротуары*, подумал, я. И я пошел.

Все эти «я больше никогда не» меня буквально парализовали, и, уйдя из школы, я вдруг почувствовал себя просто прекрасно. Я стал чист. Это была свобода без каких-либо примесей. Все, что некогда столько для меня значило, за исключением одной паршивой фотки, теперь было в помойке, но меня это невероятно радовало. Я побежал, чтобы поскорее отдалиться от школы.

Уходить очень тяжело — до тех пор пока не уйдешь. А потом понимаешь, что легче нет ничего на всем белом свете.

И пока я бежал, я впервые почувствовал, что превращаюсь в Марго. Я четко знал: *она не в Орландо. Она не во Флориде*. Оставить все позади — классно, когда все уже позади. Если бы я был в тачке, а не пешком, я бы тоже, наверное, не остановился. Она сбежала и не вернется ни на вручение, ни потом. Теперь я в этом не сомневался.

Я ухожу, и уход захватывает меня настолько, что вернуться я не могу. Но что тогда? Я ухожу и ухожу отовсюду, ухожу и ухожу, и скитаюсь, как праздный бродяга?

Когда до Джефферсон-парка оставалось около четверти мили, мимо меня проехал ЗПЗ. Бен с визгом затормозил на Лейкмонте, несмотря на то что это мешало оживленному движению, я подбежал к тачке и сел. Они хотели ехать ко мне и поиграть в «Восстание», но мне пришлось отказать, потому что я подобрался к разгадке как никогда близко.

Всю ночь со среды на четверг и весь четверг я пытался применить то, что понял о Марго, на практике — я надеялся увидеть какую-то связь между картой и путеводителями, между Уитменом и картами, чтобы разгадать маршрут ее путешествия. Но я все больше задумывался о том, что, вероятно, ее настолько захватил кайф, который испытываешь, уходя, что она перестала сыпать на дорогу хлебные крошки. И в таком случае эта карта, которую Марго нам показывать не хотела, может быть единственным указателем на ее местонахождение. Но ведь и на ней конкретных координат не было. Даже Катскилл-парк, заинтересовавший меня тем, что он один располагался не вблизи большого города, был довольно большим и густонаселенным, чтобы найти там единственную девушку. В «Песни о себе» упоминались кое-какие места в Нью-Йорке, но их было так много, что все не обойти. Как найти точку на карте, если она движется от миллионника к миллионнику?

Когда в пятницу утром ко мне в комнату зашли родители, я уже снова сидел над путеводителями. Они редко приходили ко мне вместе, и к горлу подкатила тошнота — я вдруг перепугался, что они принесли плохие новости насчет Марго, но потом вспомнил, что сегодня мне вручат диплом.

— Ну, готов, дружище?

— Да. Ну, то есть я этому мероприятию особого значения не придаю, но, думаю, будет прикольно.

— Ну, школу-то заканчиваешь всего раз в жизни, — сказала мама.

— Ага, — согласился я.

Они сели напротив меня на кровать. Я заметил, что они переглянулись и хихикнули.

— Что такое? — спросил я.

— Мы хотим вручить тебе подарок по случаю окончания школы, — объяснила мама. — Квентин, мы тобой очень гордимся. Ты — самое большое наше достижение, для тебя это очень значимый день, и мы... ты просто прекрасный парень.

Я с улыбкой смотрел на них. А папа протянул крошечный подарочек в голубой обертке.

— Нет, — воскликнул я, хватая его.

— Давай открывай.

— Не может быть, — сказал я, уставившись на упаковку. Размером с ключ. И весит как ключ. Я потряс коробочку — там что-то загремело, в точности как ключ.

— Открывай же, дорогой, — настаивала мама.

Я сорвал обертку. КЛЮЧ! Я внимательно его рассмотрел. От «форда»! У нас «форда» не было.

— Вы мне машину купили?!

— Ага, — ответил папа. — Не совсем новую, но ей только два года, пробег всего двадцать тысяч миль.

Я подскочил и обнял их обоих.

— И она моя?

— Да! — буквально выкрикнула мама.

— У меня машина! Машина! Моя собственная!

Я отклеился от родителей и закричал: «Спасибо спасибо спасибо спасибо», перелетел через гостиную, рывком открыл дверь на улицу — хотя был в одних трусах и майке. Там стоял минивен «форд» с огромным синим бантом.

Они купили мне минивен. Из всего многообразия тачек они выбрали именно его. Минивен. О, Транспортный Бог, зачем ты изволишь так надо мной потешаться? Минивен, ты — как камень у меня на шее! Каинова печать! Проклятье с высоким потолком и малой мощностью!

Я сделал отважное лицо и развернулся обратно.

— Спасибо-спасибо-спасибо! — снова сказал я, но, конечно, уже с меньшим чувством, ведь подделать былой восторг я не мог.

— Мы знали, что тебе мой минивен очень нравится, — сказала мама.

Они с папой просто сияли — они же не сомневались, что это и есть тачка моей мечты.

— С друзьями будет классно кататься! — добавил папа.

Подумать только, вроде как они у меня специалисты в анализе и понимании человеческой души.

— Слушай, — продолжал папа, — нам надо поскорее выехать, если мы хотим занять хорошие места.

А я еще не помылся, не оделся и все такое. В общем, одеваться я особо и не планировал, но все же.

— Мне туда только к половине первого, — сказал я. — И мне подготовиться надо.

Папа нахмурился:

— Но я хочу занять место, откуда все видно и можно фотогра...

Я перебил:

— Я могу приехать на СВОЕЙ МАШИНЕ. Могу поехать САМ на СОБСТВЕННОЙ ТАЧКЕ. — Я широко улыбнулся.

— Я знаю! — взволнованно согласилась мама.

И какая к черту разница — это все-таки тачка. Ездить на собственном минивене все равно лучше, чем на чьем-то еще.

Я вернулся к компу и рассказал Радару и Лэйси (Бена в сети не было) о своем минивене.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Отличные новости вообще-то. Можно, я зайду и поставлю тебе кулер в багажник? Мои на вручение со мной поедут, я не хочу, чтобы они его видели.

КЬЮВОССТАНИЕ: Не вопрос, он открыт. А что в кулере?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Ну, поскольку на моей вечеринке никто не пил, у меня осталось 212 бутылок пива, и мы берем его с собой на вечеринку к Лэйси, которая состоится сегодня.

КЬЮВОССТАНИЕ: 212 бутылок пива?

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ96: Кулер-то большой.

Тут в сеть вышел Бен и ЗАОРАЛ, что он уже принял душ, что он голый и что ему осталось всего лишь надеть мантию и шапочку. И мы принялись обсуждать, как явимся на вручение нагишом. Когда все покинули чат и принялись собираться, я пошел в душ и вытянулся во весь рост, чтобы вода хлестала мне в лицо, а сам принялся думать. Нью-Йорк или Калифорния? Чикаго или Вашингтон? Я же теперь тоже могу поехать, у меня тоже есть тачка, как и у нее. Я могу объехать все пять городов, и, даже если не найду ее, это все равно будет прикольнее, чем вариться все лето в Орlando. Но нет. Это все равно что вломиться в «Морской Мир». Нужен безупречный план, который необходимо с блеском привести в исполнение, а потом — ничего особенного. Такой же «Морской Мир», как и всегда, только темнее. Марго мне говорила: удовольствие не в том, чтобы сделать, а в самом планировании.

Вот об этом я и думал, стоя под душем: о планах. Марго сидит в торговом центре с блокнотом и составляет планы. Может, план поездки, отмечая на карте маршрут. Читает Уитмена и подчеркивает «я, праздный бродяга», потому что ей нравится представлять себя в этом образе, нравится планировать подобные вещи.

Но нравится ли ей этим заниматься? Нет. Потому что Марго известен секрет жизни, секрет, который я понял только что: ты можешь

почувствовать чистый кайф, только если бросаешь что-то важное, что-то, что для тебя много значило. Выдергиваешь самого себя с корнями. Но сделать это можно только тогда, когда у тебя есть эти корни.

Поэтому она уехала навсегда. Но я не думал, что Марго собиралась стать праздным бродягой. Я был уверен, что она поехала в какое-то конкретное место — где сможет прожить столько, чтобы пропитаться к нему чувствами, чтобы в следующий раз уезжать было так же тяжело и сладко, как и в этот. Где-то далеко отсюда есть такое местечко, в котором никто не знает, что означают слова «Марго Рот Шпигельман». И в этом-то уголке сидит она и пишет что-то в своем черном блокноте.

Вода стала холоднее. К мылу я даже не притронулся, вышел так, обернул бедра полотенцем и снова сел за комп.

Я открыл письмо Радара с программой для Мультипедии и скачал плагин. Он действительно оказался крут. Сначала я ввел индекс делового центра Чикаго, нажал «поиск по месту» и задал радиус в двадцать миль. Немедленно вывалилась сотня результатов: от Пристани Нейви до Дирфилда. У меня на экране появилось первое предложение каждой статьи, я прочел все минут за пять. Ничего не привлекло особого внимания. Потом я ввел индекс местечка около Катскилл-парка в Нью-Йорке. На этот раз статей оказалось всего семьдесят две, и они были рассортированы по дате создания. Я начал читать.

Вудсток, штат Нью-Йорк — город в графстве Алстер, штат Нью-Йорк, известен в первую очередь фестивалем, названным в честь этого города [см. *Фестиваль Вудсток*], который прошел в 1969 году. В течение трех дней на фестивале выступали многочисленные артисты, от Джимми Хендрикса до Дженис Джоплин. Однако на самом деле концерты проходили не в Вудстоке, а в соседнем городке.

Озеро Кэтрин — небольшое озеро в графстве Алстер, штат Нью-Йорк, излюбленное место Генри Дэвида Торо.

Катскилл-парк — участок в горах Катскиллах площадью 700 000 акров, который находится во владении правительства Соединенных Штатов и местной администрации; в том числе 5 % акций принадлежит городу Нью-Йорку, получающему питьевую воду из водохранилищ, частично располагающихся в парке.

Роскоу, штат Нью-Йорк — небольшое селение в штате Нью-Йорк. По данным последней переписи там находится 261 дом.

Ээгло, штат Нью-Йорк — вымышленная деревня на карте, выпущенной компанией «Эссо» в начале 1930-х гг. в целях контроля за нарушением авторских прав, так называемый «бумажный город».

Я перешел по ссылке и прочел статью целиком:

Деревня расположена на пересечении двух грунтовых дорог к северу от Роскоу, штат Нью-Йорк. Ее выдумали два картографа, Отто Г. Линдберг и Эрнст Эльперс, которые составили название деревни из собственных инициалов.

Подобные ловушки давно используются картографами для контроля за соблюдением авторских прав. Они выдумывают ориентиры, улицы, населенные пункты, помещая их на картах. Если эта вымышленная деталь будет обнаружена на карте другого издательства, налицо случай плагиата. Они также называются бумажными улицами или городами [также см. *вымышленные объекты*]. Несмотря на то что редкое издательство признает существование таких ловушек на собственных картах, даже сейчас подобный способ контроля за соблюдением авторских прав используется повсеместно.

В 1940-х гг. деревня Ээгло в штате Нью-Йорк стала появляться и на картах других издательств. Компания «Эссо» заподозрила их в нарушении авторских прав и готовилась подавать в суд, но выяснилось, что на самом деле некто неизвестный построил «Центральный универсам Ээгло» на том самом перекрестке, который был указан на картах «Эссо».

Это здание, которое все еще стоит на том самом месте [необходима цитата], является единственным строением в Ээгло, и деревня продолжает фигурировать на картах. Население деревни указывается: ноль человек.

У каждой статьи в Мультимедии есть своя подстраница, где можно посмотреть все правки, которые в нее когда-либо вносились, и обсуждения по теме. Саму статью об Ээгло никто не редактировал больше года, а вот в

обсуждениях висел недавний комментарий от анонима:

кстати, кто тут это Редактирует — Население Ээгло до Полудня 29 мая Будет Один человек.

Я помнил, кто так странно вставляет большие буквы. *Правила слишком несправедливы к словам, стоящим в середине.* Меня словно за горло схватили, но я заставил себя успокоиться. Комментарий был оставлен пятнадцать дней назад. И все это время он ждал, когда я его прочту. Я посмотрел на часы в компе. Оставалось меньше суток.

Впервые за эти несколько недель я без тени сомнения знал, что Марго жива. Она жива. И проживет хотя бы еще один день. Я так долго думал исключительно о том, где она есть, чтобы отвлечься от вопроса, жива ли она вообще, и до сего момента даже не осознавал, как я за нее боялся. Но теперь, Боже мой. Она жива.

Я подскочил, полотенце упало, но я, не обращая на это внимания, позвонил Радару. Зажав телефон между головой и плечом, я принялся натягивать трусы, потом шорты.

— Я знаю, что такое бумажные города! У тебя наладонник при себе?

— Да. Чувак, ты бы тут уже должен быть. Нас скоро строить начнут.

Послышался голос Бена:

— И я надеюсь, что он голый!

— Радар, — ответил я, надеясь, что до него дойдет значимость моей находки. — Посмотри город Ээгло, штат Нью-Йорк. Понял?

— Ага. Уже читаю. Погоди. Ого. Ого! И это может быть та самая точка в Катскиллах на карте?

— Да, я так думаю. Это рядом. Смотри обсуждения.

— ...

— Радар?

— Бог ты мой.

— Знаю, знаю! — заорал я.

Что он ответил, я не услышал, поскольку натягивал рубашку, но снова приложив телефон к уху, я понял, что Радар разговаривает с Беном. Я повесил трубку.

В Интернете я попытался найти указания, как доехать от Орlando до Ээгло, но эта Радарова карта Ээгло не знала, так что я ввел Роскоу. Если считать по шестьдесят пять миль в час в среднем, сказал компьютер, потребуется девятнадцать часов четыре минуты. Сейчас два пятнадцать. У меня есть двадцать один час сорок пять минут. Я распечатал маршрут,

схватил ключ от минивена и запер за собой парадную дверь.

— Ехать туда девятнадцать часов четыре минуты, — сказал я в мобильник. Звонил я на Радаров номер, но разговаривал с Беном.

— И что ты собираешься делать? — спросил он. — Лететь туда?

— Нет, у меня не хватит денег, да и все равно от самого Нью-Йорка до туда еще часов восемь езды. Так что поеду сразу отсюда.

Радар взял трубку:

— Сколько ехать?

— Девятнадцать часов четыре минуты.

— Кто сказал?

— Гугл-карты.

— Черт, — выругался Радар. — Они не учитывают пробки. Я тебе перезвоню. И поторопись! Мы уже строимся!

— Я не пойду. Не могу время терять, — ответил я, но меня уже никто не услышал.

Через минуту Радар перезвонил:

— Если ехать со средней скоростью шестьдесят пять миль в час, не останавливаясь и накинуть на пробки по среднему, надо двадцать три часа девять минут. Получается, ты будешь там после часа. То есть тебе надо где-то выиграть время.

— Что? Но...

Радар перебил:

— Не хочу тебя критиковать, но, возможно, в данной ситуации человеку, который постоянно опаздывает, следует прислушаться к мнению пунктуального человека. И тебе надо сюда хоть на минуту заскочить, потому что если тебя не будет, когда тебя вызовут, твои предки психанут, более того, хотя, конечно, это не самый важный вопрос, просто к слову пришлось, но у тебя там все наше пиво.

— Ты же видишь, что у меня нет времени, — ответил я.

В разговор снова вклинился Бен:

— Не будь козлом. Это всего пять минут займет.

— Ладно, хорошо.

Я резко свернул направо на красный свет и выжал полный газ — обороты мой минивен набирал быстрее, чем мамин, но не намного — и рванул к школе. Через три минуты я был на стоянке у спортзала. Я даже парковаться как следует не стал — просто остановился посреди площадки и выскочил на улицу. Я понесся к спортзалу, а мне навстречу бежали три человека в мантиях. Мантии развевались на ветру, и я увидел тоненькие,

темные ноги Радара, рядом с ним был Бен в кроссовках без носков. Лэйси чуть отставала.

— Берите пиво, — сказал я, не останавливаясь, — а мне надо с предками поговорить.

На трибунах сидели родственники выпускников, я пробежал по баскетбольному полю туда-сюда пару раз, прежде чем заметил своих — они сидели на средних рядах. Они махали мне. Я бросился вверх, перепрыгивая через ступеньки, так что к тому времени, как я добрался до них и опустился на колени, я уже едва дышал.

Я сказал:

— Слушайте, я не [вдох-выдох] иду на вручение, потому что [вдох-выдох] я, кажется, нашел Марго, и [вдох-выдох] мне очень нужно ехать, мобильник выключать не буду, [вдох-выдох] не злитесь, пожалуйста, и еще раз спасибо за тачку.

Мама обняла меня за талию и спросила:

— Что? Квентин, ты о чем? Не спеши.

— Я поеду в Эггло, Нью-Йорк, и ехать надо *сейчас же*. Вот и все. Я пошел. Времени нет. Телефон с собой. Все, я вас люблю.

Пришлось вырываться из маминых нежных объятий. Прежде чем они успели что-либо сказать, я понесся вниз по ступенькам и вон из зала, к минивену. Сел, завел, поехал, повернулся и увидел Бена на пассажирском сиденье.

— Берите свое пиво и выметайтесь! — заорал я.

— Мы тоже едем, — ответил он. — Ты все равно уснешь или просто устанешь так долго вести машину.

Обернувшись, я увидел сзади Лэйси и Радара с мобильниками в руках.

— Надо предков предупредить, — объяснила Лэйси, нажимая кнопки. — Давай, Кью. Гони, гони, гони.

Часть третья

Судно

3 ур. Час первый

Какое-то время уходит на то, чтобы все объяснили своим, что, первое — мы пропускаем вручение и, второе — едем в Нью-Йорк, третье — в деревню, которой может и не быть на самом деле, в надежде, четвертое — перехватить анонимного комментатора Мультипедии, которым, судя по ее склонности бессистемно начинать слова с Большой Буквы, должна быть, пятое — Марго Рот Шпигельман.

Последним трубку кладет Радар и говорит:

— Хочу сделать заявление. Мои родители крайне недовольны тем фактом, что я пропускаю вручение дипломов. Девушка моя тоже зла, потому что у нас через восемь часов было запланировано нечто совсем особенное. Вдаваться в подробности не хочу, но надеюсь, что поездка будет достаточно прикольной.

— Твоя способность сохранять девственность вдохновляет нас всех, — отвечает Бен.

Я смотрю на Радара в зеркало заднего вида.

— СУПЕР-ПУПЕР ПОЕЗДОЧКА! — обещаю я.

Он нехотя улыбается. РадуетсЯ тому, что уезжает.

Сейчас мы уже на 1-4, дорога не слишком загружена, что само по себе сродни чуду. Я гоню по левой полосе, на восемь миль в час превышая допустимую скорость, составляющую пятьдесят пять миль в час — я когда-то слышал, что останавливают, только если превышаешь на девять миль.

Мы очень быстро распределяем роли.

Сидящая сзади Лэйси ведет учет. Она вслух перечисляет все, что у нас есть для путешествия: половина «Сникерса», который Бен начал есть перед тем, как я позвонил; двести двенадцать бутылок пива в багажнике; моя распечатка маршрута; остальное из ее сумочки: восемь пластинок жвачки с гаультерией, карандаш, несколько платочков, три тампона, пара солнцезащитных очков, бальзам для губ, ключи от ее дома, членская карточка ИМКА, читательский билет, квитанции, тридцать пять баксов и карточка ВР.

Лэйси восклицает:

— Прекрасно! Мы — как первопроходцы, у которых почти ни фига нет! Жалко, денег маловато.

— Ну, хотя бы карточка ВР есть, — говорю я. — Можно заправиться и еды купить.

Я смотрю в зеркало заднего вида, у Радара в вырезе мантении видны волосы на груди.

— У тебя там мужских трусов нет? — интересуется он.

— Реально, нам надо бы в «Гэп» заехать.

Работа Радара заключается в ведении Исследований и Расчетов, и начинает он ее с помощью калькулятора в своем наладоннике. Сейчас он сидит один на ряде сидений за моей спиной, разложив рядом с собой распечатку с маршрутом и руководство пользователя этого минивена. Он высчитывает, с какой скоростью надо ехать, чтобы быть на месте завтра к полудню, сколько раз надо остановиться, чтобы не закончился бензин, смотрит, где по маршруту следования расположены заправки ВР, сколько будут длиться остановки, сколько времени потратим, сбавляя скорость.

— Так, заправиться надо будет четыре раза. И делать все придется очень-очень быстро. На самой дальней от дороги заправке у нас всего шесть минут. Нас ждут три участка, где ведутся дорожные работы, пробки в Джексонвилле, Вашингтоне и Филадельфии, хотя Вашингтон мы будем объезжать в три утра, что нам на руку. И по моим подсчетам, средняя скорость должна составлять семьдесят две мили в час. Сейчас какая?

— Шестьдесят три, — говорю я. — Ограничение пятьдесят пять.

— Гони на семидесяти двух.

— Не могу, это опасно, и мне квитанцию выпишут.

— Гони на семидесяти двух, — повторяет он.

Я давлю на газ. Сложность отчасти в том, что я не хочу гнать на семидесяти двух, а отчасти в том, что и сам минивен не хочет гнать на семидесяти двух. Он начинает так трястись, что кажется, будто он сейчас развалится. Я держусь в крайней левой полосе, и все равно некоторые машины едут быстрее нас, так что обгонять им приходится справа, мне из-за этого очень неловко, но я должен хорошо видеть дорогу перед собой, потому что, в отличие от всех остальных водителей на этой трассе, не могу себе позволить сбавлять скорость. В этом моя задача: ехать и нервничать. И мне кажется, что я эту роль когда-то уже играл.

А что же Бен? Его задача — захотеть пописать. Поначалу, конечно, кажется, что он будет просто жаловаться на то, что нет дисков и что все радиостанции в Орландо — отстой, кроме нашей школьной, но ее уже не слышно. Но вскоре он забывает об этой чуши и переходит к главному: он хочет в туалет.

— Мне надо пописать, — заявляет он в 03:06.

Это через сорок минут после того, как мы выехали. И осталось нам ехать примерно день.

— Ну, — отвечает Радар, — могу тебя обрадовать тем, что мы остановимся. Но, к сожалению, не ранее, чем через четыре часа тридцать минут.

— Думаю, выдержу, — обещает Бен, но в 03:10 сообщает: — Вообще-то мне сильно хочется. Очень сильно.

Мы отвечаем хором:

— Терпи.

Он говорит:

— Но я...

Мы хором:

— Терпи!

Какое-то время мы так развлекаемся: Бен хочет отлить, а мы велим ему терпеть. Он ржет и жалуется, что от смеха ссать хочется еще больше. Лэйси подскакивает к нему сзади и щекочет. Он хохочет, поскуливая, я смеюсь над ним, не сбавляя скорости. Мне интересно, Марго нарочно подстроила нам такую поездку, или это вышло случайно — но все равно мне так весело не было с тех пор, как я провел ночь за рулем маминого минивена.

3 ур. Час второй

Я все еще за рулем. Мы сворачиваем на север, на 1-95, и несемся по серпантину на север Флориды, дорога проходит недалеко от побережья. Тут растут одни сосны, высокие и стройные, прямо, как я. Но кроме самой дороги ничего интересного нет, я многих обгоняю, иногда кто-то обгоняет меня, я слежу за тем, кто у меня впереди и сзади, кто приближается и удаляется.

Лэйси с Беном сели вместе, а Радар ушел совсем назад, они играют в «Я заметил», причем в древнюю версию, когда можно замечать только то, что в действительности не увидишь.

— Я заметил краем глаза нечто классное и ужасное, — начинает Радар.

— Как Бен улыбается только правой стороной рта? — предполагает Лэйси.

— Нет, — отвечает Радар, — к тому же зачем ты такие личные вещи про Бена говоришь. Это чересчур.

— Может, ты заметил, что у вас под мантиями ничего нет, а теперь в таком виде приходится ехать в Нью-Йорк, и все остальные водилы думают, что вы в платьях?

— Нет, — говорит Радар, — это просто ужасное, но не классное.

Лэйси улыбается:

— Ничего, со временем вы полюбите платья. Так обдувает приятно.

— Я понял! — восклицаю я. — Ты заметил, что нам предстоит ехать целые сутки в этом минивене. Это классно, потому что все поездки круты по определению; а ужасно, потому что мы пожрем столько бензина, что это разрушит нашу планету.

Радар снова говорит, что я не угадал, так что игра продолжается. Я гоню на семидесяти двух, молясь, чтобы мне не выписали штраф, и играю с ними в эту метафизическую версию «Я заметил». Классным и ужасным оказывается то, что мы не смогли показаться на вручении во взятых на прокат мантиях, под которыми ничего нет. Я пролетаю мимо полицейской тачки, стоящей на разделительной полосе, засеянной травой. Крепко вцепляюсь в руль обеими руками, не сомневаясь в том, что они погонят за нами и заставят остановиться. Но они не гонятся. Может, понимают, что я превышаю скорость только потому, что у меня нет иного выхода.

3 ур. Час третий

Бен снова сидит на переднем сиденье. Я все еще за рулем. Нам всем хочется есть. Лэйси раздает каждому по жвачке, но это мало помогает. Она составляет огромный список всего, что надо будет купить на заправке во время первой остановки. Я надеюсь, что там будет богатая заправка, и мы выпотрошим ее всю.

Бен болтает ногами.

— Может, прекратишь?

— Мне уже три часа как надо отлить.

— Ты говорил, помню.

— У меня уже до ребер поднялось, — объясняет он, — скоро до ушей дойдет. На настоящий момент, старик, на семьдесят процентов мое тело состоит из мочи.

— Ага, — говорю я с едва заметной улыбкой. Реально смешно, но я уже очень устал.

— Я боюсь, что сейчас заплачу, и из глаз польются ссаки.

Это меня добивает, и я все же хохочу.

Когда я смотрю на него через несколько минут, Бен сидит, вцепившись в промежность и смяв ткань мантии.

— Что это за фигня? — спрашиваю я.

— Чувак, мне надо *отлить*. Я уже вынужден пережимать шланг. — Он поворачивается назад: — Радар, скоро там?

— Чтобы не делать больше четырех остановок, надо проехать, по меньшей мере, еще сто сорок три мили, если удастся держать скорость, это будет примерно через час пятьдесят восемь с половиной минут.

— Я не сбавляю! — кричу я.

Мы на севере Джексонвилля, подъезжаем к Джорджии.

— Радар, я столько не выдержу. Найди мне, во что можно поссать.

Мы взрываемся хором: НЕТ. Ни в коем случае. Будь мужиком, держись. Держись, как леди викторианской эпохи держится за свою девственность. Борись с собой с достоинством и благородством, с какими президент Соединенных Штатов должен бороться за счастье стран свободного мира.

— ДАЙТЕ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ, ИЛИ Я СЕЙЧАС НАЛЬЮ НА СИДЕНЬЕ. И ПОСКОРЕЕ!

— О, господи, — говорит Радар, отстегивая ремень безопасности.

Он лезет назад, открывает кулер. Вернувшись, он подает Бену пиво.

— Слава богу, крышка скручивается, — радуется Бен, зажимает ее мантией и открывает бутылку.

Я смотрю в боковое зеркало, как из окна летит пиво и разбрызгивается по трассе. Потом Бен умудряется засунуть бутылку под мантию, не продемонстрировав нам предположительно самых больших шаров в мире, а мы молча ждем — смотреть на него нам противно.

Лэйси спрашивает: «Ну, неужели нельзя потерпеть?», и в тот самый миг раздается этот звук. Я его раньше ни разу не слышал, но все равно узнаю: моча хлещет по дну пивной бутылки. Этот звук похож на музыку. Тошнотную и очень быструю музыку. Я бросаю взгляд на Бена и вижу блаженство в его взгляде. Он улыбается, глядя в никуда.

— Чем дольше ждешь, тем лучше потом, — сообщает он.

Через некоторое время звук меняется со звонкого журчания мочи по стеклу до гулко-шепота мочи, льющейся в мочу. Потом улыбка медленно сходит с лица Бена.

— Старик, мне, похоже, нужна еще одна бутылка, — вдруг объявляет он.

— Еще одну, БЫСТРО! — ору я.

— Есть еще одну бутылку! — Радар мигом перегибается через спинку сиденья, ныряет с головой в кулер и выкапывает из-под льда еще одно пиво. Срывает крышку голой рукой, приоткрывает окно сзади и выливает бухло через щелку. Потом кидается вперед, втискиваясь между мной и Беном, протягивает бутылку ему, а у бедолаги уже взгляд мечется туда-сюда от ужаса.

— Гм, поменять их будет, гм, непросто, — сообщает он.

Под мантией происходит какая-то длительная возня, я стараюсь даже не думать о том, что именно там творится, и вдруг показывается бутылка из-под светлого «Миллера» с мочой (на вид до жути похожей на светлый «Миллер»), Бен ставит полную бутылку в подстаканник, хватая у Радара новую и облегченно вздыхает.

Всем остальным в это время остается лишь созерцать мочу в подстаканнике. Дорога довольно ровная, но сам минивен все же потряхивает, так что она там плещется у самого горлышка.

— Бен, если твоя ссанина окажется в моей новенькой тачке, я отрежу тебе яйца.

Он, еще не перестав ссать, с ухмылкой смотрит на меня:

— Старик, где ты такой большой нож найдешь?

Наконец я слышу, как поток ослабевает. Закончив, он быстро

выбрасывает вторую бутылку в окно, за ней следует и первая.

Лэйси делает вид, что сейчас сблюет, хотя, может, и вправду сблюет. Радар говорит:

— Боже, ты что, сегодня с утречка восемьдесят литров воды выглушил?

Но Бен просто светится от счастья. Он вскидывает сжатые в кулаки руки и орет:

— Ни капли на сиденье! Я Бен Старлинг! Первый кларнет школьного марш-оркестра. Рекордсмен в стойке на пивном бочонке. Чемпион по ссанию в тачке. Я потряс мир! Я лучше всех!

Через тридцать пять минут, под конец третьего часа нашего путешествия, он тихонько вопрошает:

— Когда у нас остановка?

— Если Кью не будет сбавлять скорость, через один час три минуты, — отвечает Радар.

— Хорошо, — говорит Бен. — Хорошо. А то мне поссать надо.

3 ур. Час четвертый

Лэйси спрашивает, впервые за сегодня: «Мы еще не доехали?» Мы ржем. Но мы уже в Джорджии, а я уже полюбил этот штат, хоть и по одной-единственной причине: тут ограничение скорости семьдесят миль в час, поэтому я могу прибавить до семидесяти семи. Во всем остальном Джорджия очень напоминает Флориду.

Час мы готовимся к первой остановке. Она очень важна, потому что я очень-очень-очень-очень хочу есть и пить. По какой-то причине от разговоров о том, что мы накупим на заправке, становится легче. Лэйси составляет список покупок для каждого из нас — мелким почерком на обратных сторонах чеков, которые оказались в ее сумочке. Она заставляет Бена высунуться из окна и посмотреть, с какой стороны у нас отверстие для заливки бензина. Она заставляет нас наизусть выучить список покупок и проводит тест. Мы несколько раз прогоняем план посещения заправки, ведь все надо будет сделать так же быстро, как чинятся гоночные тачки во время заезда.

— Еще разок, — требует Лэйси.

— Я занимаюсь бензином, — начинает Радар. — Вставив пистолет, я бегу внутрь, хотя, пока бензин качается, я, по идее, должен стоять и следить за процессом, и отдаю вам карточку. Потом лечу обратно к тачке.

— Я подаю карточку кассиру, — говорит Лэйси.

— Или кассирше, — вставляю я.

— Неважно, — отвечает Лэйси.

— Ты просто не будь такой сексисткой.

— Ладно, Кью. Я подаю человеку за кассой карточку. Прошу ее или его посчитать все, что мы принесем, и иду в туалет.

Потом моя очередь:

— Я тем временем собираю все, что у меня по списку, и выношу на кассу.

Бен:

— А я пока ссу. Как поссу, набираю покупки по списку.

— Самое главное — майки, — вставляет Радар. — Все на меня так косятся.

Лэйси:

— Я выхожу из туалета и подписываю чек.

— Как только бак наполнится, я сажусь в минивен и уезжаю. Так что

вам к этому времени лучше вернуться. Потому что иначе я вас брошу, серьезно. Даю вам шесть минут, — грозит Радар.

— Шесть минут, — говорю я и киваю.

Лэйси с Беном тоже повторяют: «Шесть минут». В 17:35, когда остается девять сотен миль пути, Радар сообщает, что, согласно его наладоннику, на следующей развязке нас ждет ВР.

Я въезжаю на заправку, Лэйси с Радаром сидят у дверей наготове. Бен уже отстегнул ремень, одна рука у него на ручке двери, вторая — на приборной панели. Я как можно дольше стараюсь не сбавлять скорость и прямо перед колонкой жму на тормоз. Минивен резко останавливается, мы вылетаем из дверей. Я встречаюсь с Радаром перед машиной, бросаю ему ключ, бегу в торговый зал со жратвой. Лэйси с Беном оказываются у входа раньше, но не намного. Бен кидается в туалет, а Лэйси объясняет седой старухе (это *все же* женщина!), что мы много всего сейчас накупим и что мы жутко спешим, и пусть она посчитает все, что мы принесем, и проведет покупку по карте ВР; женщина несколько ошеломлена, но согласна. Вбегает Радар в развевающейся мантии, передает Лэйси карточку.

А я летаю по рядам и собираю все, что было в моем списке. Лэйси достались жидкости, Бену — несъедобное, мне — еда. Я накидываюсь на полки, как будто бы я гепард, а картофельные чипсы — раненые газели. Я тащу гору чипсов, вяленого мяса и орешков к кассе, потом бегу за сладостями. Пригоршня Ментоса, пригоршня Сникерсов, и... в списке этого нет, да и фиг бы с ним, я люблю Нердс и хватаю три пачки. Бегу обратно, потом в «кулинарию», в которой есть лишь древние сэндвичи с индейкой, где индейка сильно напоминает ветчину. Беру два. На пути к кассе останавливаюсь, хватаю парочку Старберстов, упаковку Твинкис и не известно сколько питательных батончиков ГоуФаст. Бегу обратно. Бен стоит у кассы в мантии, передавая кассирше майки и очки по четыре бакса. Лэйси приносит литры газировки, энергетиков, воды. Бутылки большие, столько даже Бену не нассать.

— МИНУТОЧКУ! — кричит Лэйси.

И я впадаю в панику: кручусь на месте, смотрю на полки, стараясь вспомнить, что же я забыл. Подглядываю в список. Мне кажется, что я взял все, но есть такое чувство, что все же упустил что-то важное. Что-то такое. *Давай, Джейкобсен*. Чипсы, шоколадки, индейка в виде ветчины, сэндвичи с арахисовым маслом и вареньем и — что еще? Что еще за еда бывает? Мясо, чипсы, сласти и... и... и... сыр! «КРЕКЕРЫ!» — говорю я как-то слишком громко, кидаясь к печенье, хватаю сырные крекеры, крекеры с

арахисовым маслом, для ровного счета еще и «бабушкино печенье» тоже с арахисовым маслом, бегу обратно и швыряю на прилавок. Кассирша уже собрала нам четыре пакета покупок. Почти на сотню баксов, и это, не считая бензина, мне все лето с родителями Лэйси придется рассчитывать.

Пауза возникает лишь секундная — когда кассирша проводит карточку Лэйси. Я смотрю на часы: через двадцать секунд мы должны выехать. Наконец-то печатается чек. Женщина отрывает его от ленты, Лэйси подписывает, мы с Беном хватаем пакеты и кидаемся к машине. Радар уже завел мотор и подбавляет обороты, словно говоря «*поторапливайтесь*», мы бежим через стоянку, у Бена так развивается мантия, что он становится похож на черного мага, с образом не сочетаются только тоненькие, бледные ножки и пакеты с покупками. Выглядывают из-под платья и ноги Лэйси, икры напряжены от бега. Не знаю, как выгляжу я сам, но чувствую себя Молодым Придурком. Совершенно безбашенным. Бен с Лэйси открывают боковую дверь и забрасывают туда пакеты, залезают сами. За ними я — падаю на пакеты и на Лэйси. Когда я с громким стуком захопываю дверь, Радар жмет на газ, выезжает с заправки, становясь за всю долгую и полную легенд историю езды на минивенах первым, кто сорвался на нем с места с такой дикой скоростью. Он выворачивает на трассу на скорости, которая никак не может гарантировать нам безопасности. Мы на четыре секунды опережаем график и радуемся, как механики на гонках «Нэскар», хлопая друг друга по ладоням и по спине. Мы хорошо запаслись. У Бена куча бутылок, в которые можно мочиться. Мне хватит вяленого мяса. Лэйси — Ментоса. У Радара с Беном есть майки. Минивен стал нашей биосферой — если время от времени подзаправляться, мы сможем жить на ходу вечно.

3 ур. Час пятый

Ладно, может быть, мы все же не так-то уж и хорошо запаслись. Выясняется, что мы с Беном в спешке сделали ошибки средней ужасности (хотя и не смертельные). Радар впереди один, мы с Беном — на следующем ряду, разбираем пакеты и передаем все Лэйси, которая сидит сзади. Она раскладывает все по кучкам согласно странному принципу инвентаризации, который понятен только ей.

— Почему у тебя средства от простуды и от сонливости лежат в разных кучках? — спрашиваю я. — Разве все медицинские препараты не должны быть вместе?

— Кью, милый мой. Ты — мальчик. Ты в этом ничего не понимаешь. Таблетки от сна лежат с шоколадом и «Маунтин дью», потому что в них содержится кофеин, и они не дают заснуть. А лекарство от простуды с вялым мясом, потому что, когда его поешь, наваливается усталость.

— Потрясающе, — говорю я.

Когда продукты у меня в пакете заканчиваются, Лэйси спрашивает:

— Кью, а где еда, которая... ну, ты знаешь... полезна?

— Что?

Лэйси достает копию моего списка покупок и зачитывает:

— Бананы. Яблоки. Сушеная клюква. Изюм.

— Ой, — говорю я. — Точно. Значит, четвертая группа, про которую я сначала забыл — не крекеры.

— Кью! — Она в ярости. — Я такое есть не могу!

Бен кладет руку ей на локоть:

— Бабушкино-то печенье можешь. Оно не вредное. Его же бабуля испекла. Бабуля тебе плохого не пожелает.

Лэйси сдувает прядь волос с лица. Похоже, она искренне недовольна.

— К тому же, — добавляю я, — есть питательные батончики. Там витамины!

— Ага, витамины и грамм тридцать жира, — возражает она.

До нас доносится голос Радара:

— Ну-ка не критикуй ГоуФаст! Ты что, хочешь, чтобы я остановил машину?

— Когда я съедаю ГоуФаст, я понимаю, почему комарам в кайф пить кровь, — говорит Бен.

Я разворачиваю гадковатый на вид батончик со злаками и подношу его

ко рту Лэйси.

— Ты только понюхай, — говорю я. — Вдохни аромат вкуснейших витаминов.

— Я из-за вас разжирею.

— А еще прыщами покроешься, — добавляет Бен. — Про прыщи не забывай.

Лэйси берет у меня батончик и неохотно откусывает. Ей приходится закрыть глаза, чтобы скрыть сходное с оргазмом удовольствие, знакомое всем, кто сидит на диете из ГоуФаста.

— Боже мой. Это же вкус надежды.

Наконец мы переходим к последнему пакету. Там две большие майки, которые невероятно радуют Бена с Радаром — ведь это означает, что они теперь будут «пацанами в майках поверх дурацких мантий», а не просто «пацанами в дурацких мантиях».

Но когда Бен их разворачивает, всплывают две небольшие проблемы. Во-первых, оказывается, что футболка размера L на заправке в Джорджии — это не то же самое, что футболка размера L, скажем, в Олд Нейви. Майка с этой заправки просто великанская, это скорее мешок для мусора, чем майка. Она поменьше, чем мантии, но не намного. Но этот недостаток уходит на второй план по сравнению со вторым, который заключается в том, что на обеих напечатан флаг Конфедеративных Штатов Америки с надписью, гласящей: «НЕ ОТРЕКАЙСЯ, А НАСЛЕДУЙ».

— Не может быть, — говорит Радар, когда я показываю ему, над чем мы ржем. — Бен Старлинг, мало того, что ты дружишь со мной, только чтобы показать всем, что ты не расист, так ты мне еще и расистскую майку купил!

— Старик, я схватил первое, что под руку подвернулось.

— Ты меня больше стариком не называй, — отвечает Радар, но сам трясется от хохота.

Я отдаю ему майку, и он натягивает ее, зажав руль коленями.

— Надеюсь, меня остановят, — говорит он. — Очень хочу посмотреть на лицо копа, когда он увидит черного в майке с флагом конфедерации, под которой — черное платье.

3 ур. Час шестой

По неизвестной причине *всем и каждому* потребовалось выехать в пятницу вечером на участок трассы 1-65 к югу от Флоренции, штат Южная Каролина. Мы застреваем в пробке, которая тянется несколько миль, и даже несмотря на отчаянное стремление Радара превысить скорость, быстрее тридцати миль в час двигаться не получается. Я сижу с ним впереди, и, чтобы не нервничать, мы играем в игру, которую только что придумали и которая называется «Вон тот мужик — жиголо». Суть игры в том, что мы выдумываем, как живут люди, застрявшие вместе с нами в пробке.

Вот мы проезжаем мимо латиноамериканки в старенькой, побитой Тойоте «Королла». Я смотрю на нее в сгущающихся сумерках.

— Она бросила семью и перебралась сюда, — строю я свои предположения. — Незаконная иммиграция. В третий вторник каждого месяца отправляет деньги родне. У нее двое маленьких детишек — муж тоже мигрант. Он сейчас в Огайо, дома проводит только три-четыре месяца в году, но они все равно еще очень хорошо друг с другом ладят.

Радар наклоняется ко мне и смотрит на нее где-то полсекунды:

— Господи, Кью, все отнюдь не столь драматично. Она работает секретаршей в юридической фирме — посмотри, как одета. Она и сама уже почти пять лет проучилась и скоро получит диплом и станет адвокатом. А детей у нее нет, мужа тоже. Но парень имеется. Он человек непостоянный. Боится привязанностей и обязательств. Он белый и против расового смешения.

— У нее кольцо, — отмечаю я.

В защиту Радара должен сказать, что я разглядывал женщину дольше. Ее машина справа, я смотрю на нее сверху вниз. Стекла у нее тонированные, но мне все равно видно. Я замечаю, что она поет и не моргая смотрит на дорогу. Тут так много народа. Все время забываешь, что мир полон людей, просто битком набит и вот-вот лопнет; так легко составить представление о каждом человеке, но оно постоянно оказывается неверным. У меня появляется ощущение, что эта мысль очень важная, из тех, что переваривать надо долго и постепенно, как питоны переваривают пищу, но далеко в этом продвинуться я не успеваю, потому что меня отвлекает Радар.

— Она его просто так носит, чтобы отвадить извращенцев вроде тебя, — объясняет он.

— Возможно. — Я улыбаюсь, беру с колен оставшуюся половинку батончика и кусаю.

На какое-то время снова наступает тишина, и я размышляю о том, что в человеке можно увидеть или не увидеть, о тонированных стеклах, отделяющих меня от этой женщины, которая еще едет вровень с нами, мы оба сидим в машинах, в которых столько стекол и зеркал. Поток машин медленно ползет. Когда Радар снова начинает говорить, становится ясно, что и он тоже думал об этом.

— Насчет «жиголо», — начинает он. — Ну, это вроде бы игра, а с другой стороны, получается, что человек, который строит предположения о жизни другого, раскрывается больше, чем тот, про которого эти предположения строят.

— Да, — соглашаюсь я. — Я как раз об этом же размышлял.

И я уже не могу не думать, что у Уитмена все хоть и очень красиво, но как-то чересчур уж оптимистично. Мы можем слышать другого человека, можем попасть в его мир, не сходя с места, можем воображать, каков он, и мы все действительно связаны друг с другом, переплетены, как корни травы... но после этой игры я на самом деле усомнился в том, что можно *стать* другим человеком.

3 ур. Час седьмой

Мы наконец объезжаем вставший поперек дороги грузовик, снова разгоняемся, и Радар уже высчитывает в уме, с какой скоростью теперь нам нужно передвигаться, оказывается, семьдесят семь миль в час — до самого Ээгло. Прошел уже целый час с тех пор, как Бен в последний раз говорил, что ему надо поспать, но это легко объяснимо: он уснул. Ровно в шесть он выпил лекарство от простуды. Лег сзади, и мы с Лэйси пристегнули его двумя ремнями. Он жаловался, что неудобно, но, первое — это было для его же блага и, второе — мы все знали, что через двадцать минут он уже не будет ощущать никакого дискомфорта, потому что уснет мертвецким сном. И теперь он дрыхнет. Его разбудят в полночь. Сейчас, в девять, я уложил спать Лэйси в точно таком же положении на другом сиденье. Ее мы разбудим в два ночи. Мы решили спать по очереди, чтобы завтра, когда приедем в Ээгло, не пришлось вставлять спички в глаза.

Минивен стал как бы нашим домом: я сижу на пассажирском сиденье рядом с водителем, и это мастерская. Я считаю, что это самая классная комната во всем доме, потому что и места достаточно, и кресло удобное.

На коврике за мной — кабинет, там Бен разложил карту США с заправки и распечатанный мной маршрут, плюс клочок бумаги, на котором Радар рассчитывал скорость и расстояние.

Радар за рулем. Это гостиная. Там почти так же хорошо, как в мастерской, только расслабиться невозможно. А еще там чище.

Между гостиной и мастерской располагается центральная приборная панель, также известная как кухня. Тут лежат наши запасы вяленого мяса и батончиков ГоуФаст, а еще волшебный энергетический напиток «Блюфин», который Лэйси внесла в список покупок. Его разливают по маленьким, прикольно раскрашенным стеклянным бутылочкам, а на вкус он, как синяя сахарная вата. За всю историю человечества это самый действенный напиток, который не дает заснуть, хотя от него становишься каким-то дерганным. Мы с Радаром договорились, что прекратим его пить, когда останется два часа до сна. Я лягу в полночь, когда встанет Бен.

Первый ряд неразделенных сидений — это наша первая спальня. Наименее удобная, потому что расположена рядом с кухней и гостиной, где разговаривают неспящие люди, а иногда еще и радио слушают.

За ней следует вторая спальня, там темнее и тише, и в целом лучше,

чем в первой.

А за ней стоит холодильник, то есть Радаров кулер, где двести десять бутылок пива, в которые еще не нассал Бен, сэндвичи с индейкой в виде ветчины и сколько-то кока-колы.

У этого дома полно достоинств. Он весь застелен ковролином. Тут есть кондиционер и отопление. Система объемного звука. Да, признаюсь, жилплощадь невелика. Но можно же пристроить верхний этаж.

3 ур. Час восьмой

Когда мы въезжаем в Южную Каролину, я вижу, что Радар зевает, и настойчиво предлагаю сменить его за рулем. Мне нравится водить машину — пусть это всего лишь минивен, но он *мой*. Радар перелазит в первую спальню, я хватаю руль, стараясь держать его покрепче, быстро переступаю через кухню и сажусь на водительское место. Радар забирается в мастерскую.

Выясняется, что в поездке многое узнаешь о себе. Например, раньше мне и в голову не приходило, что я из тех, кто ссыт в еще недопитые бутылки из-под «Блюфина», гоня по Южной Каролине на скорости семьдесят семь миль в час — а выясняется, что из тех. А еще я не знал, что если смешать много мочи и чуть-чуть энергетика «Блюфин», получится такой потрясно яркий бирюзовый цвет. Такая красота, что мне хочется закрыть его крышкой и поставить в подстаканник, чтобы и Бен с Лэйси увидели, когда проснутся.

Но Радар другого мнения.

— Если ты сейчас же не выкинешь это дерьмо, нашей одиннадцатилетней дружбе конец, — грозит мне он.

— Это не *дерьмо*, — говорю я, — это *моча*.

— Выбрасывай, — настаивает он.

Так что приходится мусорить. В боковом зеркале я вижу, как бутылка ударяется об асфальт, и в сторону летят брызги, будто от лопнувшего шарика с водой. Радар это тоже видит.

— Господи, — вздыхает он. — Надеюсь, моя психика вытеснит этот травмирующий опыт, и я совершенно забуду о случившемся.

3 ур. Час девятый

Раньше я не думал, что питательные батончики ГоуФаст могут надоесть. Но такое возможно. Откусив всего лишь второй кусок от четвертого батончика, я чувствую, что желудок уже против. Я открываю центральную панель и прячу туда остатки. Это у нас кладовая.

— Жаль, яблок нет, — говорит Радар. — Господи, как сейчас клёво было бы съесть яблоко.

Я вздыхаю. Эта дурацкая четвертая группа продуктов. Помимо этого, хотя я уже несколько часов не пил «Блюфин», меня все еще как-то потряхивает.

— Я что-то издергался весь, — сообщаю я.

— Да, — соглашается Радар, — я вот тоже пальцами стучать никак не перестану.

Я смотрю на него. Он действительно беззвучно стучит пальцами по собственной коленке.

— Ну, то есть, — добавляет он, — я реально не могу остановиться.

— Слушай, я тоже усталости не чувствую, так что давай сидеть до четырех, а потом их разбудим и ляжем спать до восьми.

— Хорошо, — соглашается он.

Пауза. Дорога к этому времени уже опустела; теперь тут только я и дальнобойщики, и я чувствую, что мозг обрабатывает информацию в одиннадцать тысяч раз быстрее, чем обычно, и мне кажется, что все очень легко, что ничего не может быть приятней, чем гнать по трассе: надо лишь держаться в своей полосе, ни к кому слишком не приближаясь, и ехать, не останавливаясь. Может, и Марго себя так же чувствовала, но если бы я ехал один, мне не было бы так хорошо.

Радар нарушает молчание:

— Ну, раз уж мы собираемся не спать до четырех...

Я заканчиваю:

— Да, тогда можно еще бутылочку «Блюфина» открыть.

И мы открываем.

3 ур. Час десятый

Подходит время второй остановки. Сейчас 00:13. У меня такое ощущение, что в моих пальцах нет костей и мышц, а одна лишь чистая энергия: они как будто сделаны из самого движения. Я потираю руль.

Когда Радар находит на своем наладоннике ближайшую ВР, мы начинаем будить Лэйси с Беном.

Я говорю:

— Ребят, скоро остановка.

Ноль эмоций.

Радар поворачивается и трясет Лэйси за плечо:

— Лэйс, пора вставать.

Никакой реакции.

Я включаю радио. Нахожу станцию, где крутят старье. Поют «Битлы». «Доброе утро». Я добавляю громкости. Никто не просыпается. Радар делает еще громче. И еще. Потом вступает хор, и он начинает подпевать. Потом еще и я начинаю подпевать. Думаю, это мой фальшивый голос наконец будит их.

— Прекратите! — орет Бен.

Мы делаем музыку потише.

— Бен, у нас остановка намечается. Поссать надо?

Он молчит, сзади из темноты доносится какой-то шум, и я думаю: может, он как-то на ощупь проверяет, насколько у него полон мочевого пузыря.

— По-моему, не надо, — сообщает Бен.

— Хорошо, тогда ты бак заправляешь.

— А я по праву единственного мужчины, который не ссал в машине, первый иду в сортир, — говорит Радар.

— Тссс, — подает вдруг голос Лэйси. — Тихо. Замолчите все.

— Подружка, надо встать и поссать, — отвечает ей Радар. — У нас остановка.

— И яблок можешь купить, — добавляю я.

— Яблок, — тихонько говорит она милым детским голоском. — Яблочки я люблю.

— Но потом ты *поведешь машину*, — напоминает Радар. — Так что тебе реально надо проснуться.

Она садится и говорит уже обычным голосом:

— А вот это мне не особенно нравится.

Мы съезжаем с трассы, до заправки девять миль, кажется, что немного, но Радар говорит, что это, вероятно, будет стоить нам четырех минут, а мы и так уже потеряли время в пробке в Южной Каролине, и к тому же через час, по словам Радара, ожидается участок, где идет ремонт. Но мне волноваться нельзя. Бен с Лэйси уже пришли в себя и ждут у двери, как и в прошлый раз, и когда минивен останавливается у колонки, все вылетают, я бросаю Бену ключи, он ловит.

Мы с Радаром быстро проходим мимо белого кассира, и, заметив его удивленный взгляд, Радар останавливается.

— Да, — невозмутимо говорит он. — Я действительно надел майку с надписью: «НЕ ОТРЕКАЙСЯ, А НАСЛЕДУЙ» поверх мантии, в которой ходил на выпускной. Кстати, а штаны тут у вас есть?

Парень несколько выбит из колеи.

— Есть несколько камуфляжных, рядом с машинным маслом.

— Отлично, — радуется Радар. Потом он поворачивается ко мне и говорит: — Будь другом, выбери мне штаны. И, может, майку получше.

— Будет сделано, будет сделано.

Оказывается, что камуфляжные штаны представлены не во всех размерах. Есть только средний и большой. Я хватаю средние плюс большую розовую футболку с надписью: «ЛУЧШАЯ БАБУШКА НА СВЕТЕ». И еще три бутылки «Блюфина».

Когда Лэйси выходит из туалета, я отдаю все это ей и сам иду в женский, потому что Радар еще не вышел. Раньше я в дамской комнате на заправке вроде бы не бывал.

Отличия.

Нет автомата с презиками.

Стены меньше исписаны.

Писсуара нет.

Воняет примерно так же, и это малость разочаровывает.

Когда я выхожу, Лэйси расплачивается, Бен сигналил, после короткого замешательства я бегу к машине.

— Мы потеряли минуту, — сообщает Бен; он сидит впереди на пассажирском сиденье.

Лэйси выворачивает на дорогу, которая вливается в шоссе.

— Простите, — говорит Радар; он сидит сзади, рядом со мной, и, извиваясь, натягивает штаны под мантией. — Но хорошо то, что у меня

теперь есть штаны. И новая футболка. Где она, Кью?

Лэйси отдает ему пакет.

— Очень смешно. — Он стягивает мантию и надевает вместо нее бабушкину майку.

Бен тем временем стонает, что ему никто штаны не купил. Он сообщает, что у него чешется задница. И что он подумал еще раз и решил, что ему все же надо поссать.

3 ур. Час одиннадцатый

Мы доезжаем до участка, где ремонтируется дорога. Трасса сужается до одной-единственной полосы, и мы упираемся в тягач с прицепом, который едет *ровно* с допустимой для ремонтируемого участка скоростью в тридцать пять м/ч. Лэйси как водитель идеально подходит для данной ситуации. Я бы колотил по рулю, а она мирно беседует с Беном, но потом вдруг поворачивается и говорит:

— Кью, мне, правда, нужно в туалет, все равно мы из-за этого тягача время теряем.

Я молча киваю. Я ее не виню. Я бы давно уже остановил тачку, если бы не мог пописать в бутылку. А она держится геройски.

Лэйси подъезжает к круглосуточной заправке, я выхожу, чтобы размять затекшие ноги. Когда она прибегает обратно, я сижу за рулем. Я и сам не понял, как там оказался, почему сел туда вместо Лэйси. Она подходит к водительской дверце и видит меня, окно открыто, я говорю:

— Я могу повести.

Все-таки это моя машина и моя миссия.

— Да? Ты уверен?

— Да-да, все отлично.

Лэйси залезает назад и укладывается на первом ряду сидений.

3 ур. Час двенадцатый

02:40. Лэйси спит. Радар спит. Я веду. Дорога пуста. Даже водители грузовиков почти все улеглись спать. Фары едущей навстречу машины я вижу лишь раз в несколько минут. Бен не дает мне заснуть, он сидит рядом, мы болтаем. О Марго.

— Ты думал о том, как мы это самое Ээгло вообще *найдем*? — спрашивает он.

— Гм, ну, я примерно представляю, где этот перекресток. И там ничего, кроме него, нет.

— И она там сидит в своей тачке, подперев рукой подбородок, и ждет тебя?

— Это бы сильно облегчило мою задачу, — отвечаю я.

— Старик, должен признаться, я несколько беспокоюсь, что... ну, если все получится не так, как ты запланировал... что ты будешь серьезно разочарован.

— Я просто хочу ее найти, — говорю я, потому что так оно и есть.

Я хочу, чтобы Марго была жива и невредима и чтобы наконец она нашлась. Клубочек-то сматывается. А остальное второстепенно.

— Да, но... я не знаю, — не унимается Бен. Я чувствую, что он смотрит на меня взглядом Серьезного Чувака. — Ты просто... помни, что иногда человек на самом деле может оказаться вовсе не таким, каким ты его себе представляешь. Ну, вот я, например, всегда думал, что Лэйси крутая, невообразимая и сексапильная, а теперь, когда мы вместе... восприятие поменялось. Человек становится другим, когда видишь его крупным планом, когда чувствуешь его запах, понимаешь?

— Это я знаю, — говорю я. Я уже осознал, как долго питал насчет Марго ужасные и ложные иллюзии.

— Я просто к тому, что раньше восторгаться Лэйси было просто. Издалека легко испытывать симпатию. Но когда она перестает быть чем-то таким потрясным и недостижимым и превращается, как это сказать, в обычную девчонку, которая ест какую-то фигню, частенько бывает не в духе и любит тобой помыкать — тогда уже приходится любить совершенно другого человека.

Я чувствую, как у меня вспыхивают щеки.

— Ты хочешь сказать, что Марго мне *на самом деле* не нравится? После всего... я уже двенадцать часов сижу в этой тачке, а ты думаешь, что

она мне даже не нравится, потому что я не... — Я смолкаю. — Думаешь, тот факт, что у тебя есть девчонка, возносит тебя надо мной и дает право читать мораль? Неужели ты такой...

Я вынужден заткнуться, потому что на границе света фар и тьмы вижу нечто такое, что может нас всех прикончить.

Посреди дороги стоят две безмятежные коровы. Они быстро приближаются, на левой полосе пятнистая, а на нашей — вообще какое-то гигантское создание, даже мой минивен уже, чем она. Корова совершенно неподвижна, она смотрит на нас пустыми глазами. Она абсолютно белая, это просто огромная белая стена, сделанная из коровы, и через нее не перелезешь, под нее не поднырнешь, ее не обогнешь. В нее можно только врезаться. Бен ее тоже увидел — я понимаю это по тому, как он затаил дыхание.

Говорят, что в такие моменты перед глазами проносится вся твоя жизнь, но со мной ничего такого не происходит. У меня перед глазами только эта бесконечная белоснежная шкура, до которой остается всего секунда. Я не знаю, что делать. Нет, проблема-то не в этом. Проблема в том, что вообще ничего нельзя поделать, только врубиться в эту белую стену, прибив и ее, и себя. Я ударяю по тормозам, но скорее по привычке, нежели на что-то надеясь: катастрофа неизбежна. Я поднимаю руки с руля. Не знаю зачем, но вскидываю руки, словно показывая, что сдаюсь. Мысли у меня банальные: я просто не хочу умирать. Не хочу, чтобы мои друзья умерли. И, честно говоря, когда замедляется время, а руки ползут вверх, мне судьба дарует шанс подумать еще кое о чем, и я думаю о Марго. И я виню ее за свою нелепую смерть — за то, что она подвергла нас риску, превратила меня в придурка, готового гнать всю ночь — без сна, на высокой скорости. Если бы не она, я бы не умер. Я бы сидел дома, как обычно, в безопасности, и смог бы сделать то единственное, что я хотел сделать в жизни, — повзрослеть.

После того как я выпускаю бразды правления судном, к моему собственному удивлению на руль ложится чужая рука. И машина поворачивает прежде, чем я осознаю, почему это происходит; потом-то мне становится ясно, что это Бен крутит руль на себя в тщетной попытке избежать столкновения с коровой, мы съезжаем на обочину, потом на траву. Я слышу, как крутятся в воздухе колеса, когда Бен начинает резко и быстро вращать руль в противоположную сторону. Я перестаю видеть, что происходит. Не знаю, закрыл ли я глаза или просто сознание отрубилось. Желудок с легкими резко сталкиваются где-то в середине тела. Что-то

острое бьет меня по щеке. Остановка.

Не знаю зачем, но я касаюсь лица. Потом смотрю на ладонь и вижу на ней кровь. Я трогаю руки, щупаю тело — просто для того чтобы понять, все ли на месте. Смотрю на ноги. Они тоже тут. Вижу битое стекло. Осматриваюсь вокруг. Бутылки раскололись. Бен смотрит на меня. Трогает свое лицо. Он нормально выглядит. Он так же, как и я, ощупывает свое тело. Оно еще работает. И он смотрит на меня. А я в зеркале заднего вида вижу корову. И теперь, когда уже все позади, Бен вдруг начинает орать. Смотрит на меня и вопит, широко разинув рот. Крик идет откуда-то из самой глубины, и в нем слышится ужас. Потом он смолкает. Со мной что-то не так. Я чувствую слабость. В груди жжет. Я хватаю ртом воздух. Кажется, я забыл, что надо дышать. Я не дышал все это время. Задышав, я почувствовал себя куда лучше. *Вдох через нос, выдох через рот.*

— Кто-то ранен?! — кричит Лэйси.

Она расстегивает ремень на своем «диване», лезет назад. Обернувшись, я вижу, что боковая дверь открылась, и меня пронзает мысль, что Радар вывалился из машины, но он вдруг поднимается на своем сиденье. Он тоже проводит руками по лицу и говорит:

— Со мной все в порядке. Я цел. Все целы?

Лэйси даже не отвечает; она прыгает вперед, протискивается между мной и Беном, перекидывается через кухню и смотрит на него.

— Милый, ты не пострадал? — У нее в глазах столько воды, сколько в бассейне в проливной дождь.

И Бен отвечает ей:

— Я в порядке в порядке у Кьюкровь.

Она поворачивается ко мне. Мне плакать не следует, но я плачу, не из-за боли, а из-за страха, я поднял руки, а Бен нас всех спас, и теперь на меня смотрит эта девчонка, смотрит по-матерински, и вроде бы это не должно так прошибать, но прошибает. Я понимаю, что порез на щеке не страшный, я стараюсь сказать им об этом, но не могу перестать плакать. Лэйси зажимает мою рану пальцами, они у нее тонкие и мягкие, и орет Бену, чтобы придумал, чем ее закрыть, а потом к моему лицу справа от носа прижимают кусок флага конфедерации.

Лэйси говорит:

— Держи крепко. У тебя все нормально, где-нибудь еще болит?

Я говорю, что нет. И тут понимаю, что мотор еще работает, и мы не едем только потому, что я все еще давя на тормоз. Я ставлю минивен на стояночный и выключаю двигатель. Когда его шум стихает, я слышу, как что-то льется. Не капает, а именно льется.

— Наверное, лучше вылезти, — говорит Радар.

Я прижимаю флаг к лицу. Из машины все так же льется.

— Это бензин! Мы взорвемся! — вопит Бен.

Он распахивает дверь, вылетает и в ужасе бежит прочь. Перепрыгивает через забор и несется по сенокосу. Я также вылезаю из тачки, но с меньшей скоростью. Радар тоже выходит и кричит рвущему когти Бену:

— Это пиво!

— Что?

— Все пиво разбилось, — объясняет он, показывая на треснувший кулер, из которого льется пенистая жидкость.

Мы стараемся докричаться до Бена, но он нас не слышит, потому что очень занят: он орет, что «ВСЕВЗОРВЕТСЯ!», мчась через поле. Мантия развеивается так, что видна его костлявая задница.

Я разворачиваюсь, смотрю на дорогу и слышу звук мчащейся мимо машины. Белая бестия и ее пятнистая подружка успешно доковыляли до противоположной обочины, они до сих пор довольно безмятежны. Потом я вижу, что минивен уперся в забор.

Пока я оцениваю повреждения, Бен наконец разворачивается и тащится обратно к нам. Мы нехило стесали бок о забор — на двери такая большая царапина, что если присматриваться, можно сквозь нее увидеть, что творится внутри минивена. Но все остальное сохранилось безупречно. Других вмятин нет. Окна не треснули. Шины не сдулись. Я иду к задней двери, чтобы закрыть ее, содержимое двухсот десяти разбитых бутылок все еще пенится. Ко мне подходит Лэйси и обнимает одной рукой. Мы вместе смотрим на пенный ручеек, стекающий в канаву.

— Что произошло-то? — спрашивает она.

Я рассказываю: мы умерли, но Бену удалось повернуть куда надо, выкрутас получился прямо как у какой-то гениальной балерины на колесиках.

Бен с Радаром залезли под минивен. Ни один из них в тачках не разбирается, но, наверное, это повышает их самооценку. Из-под машины торчит подол мантии с голыми ляжками.

— Чувак, — вопит Радар, — на вид тут все *прекрасно*.

— Радар, — отвечаю я, — машина перевернулась раз восемь, *прекрасно* там все быть просто не может.

— Но *кажется*, что прекрасно, — говорит он.

— Слышь, — говорю я, хватая Бена за кроссовки. — Вылезай.

Он поспешно выкатывается, я подаю ему руку, помогая подняться.

Руки у него черные. Когда он встает, я его обнимаю. Если бы я не бросил руль, а он не отреагировал так быстро, я уверен, что погиб бы.

— Спасибо, — говорю я, может быть, чересчур увлеченно колотя его по спине. — Я никогда в жизни не видел, чтобы так хорошо управляли тачкой с пассажирского места.

Он похлопывает меня по целой щеке грязной ладонью.

— Я это ради себя сделал, — отвечает он. — Поверь мне, о тебе я вообще не думал.

Я смеюсь:

— Я о тебе тоже.

Бен смотрит на меня, его губы готовы расплыться в улыбке, а потом добавляет:

— Корова-то огромная была. Скорее сухопутный кит, чем корова.

Я смеюсь.

Тут из-под машины выкатывается Радар.

— Чувак, я реально думаю, что все отлично. Ну, мы минут пять всего потеряли. Не надо будет даже гнать намного быстрее, чем раньше.

Лэйси смотрит на спидометр, поджав губы.

— Что думаешь? — спрашиваю я у нее.

— Едем, — говорит она.

— Едем, — поддерживает Радар.

Бен раздувает щеки и шумно выдыхает:

— Я говорю это в основном под давлением компании: едем.

— Едем, — повторяю и я. — Но я, блин, точно за руль больше не сяду.

Бен берет у меня ключи. Мы забираемся в минивен. Радар выводит машину вверх по обочине обратно на трассу. До Ээгло пятьсот сорок две мили.

3 ур. Час тринадцатый

Каждые пару минут Радар повторяет:

— Ребят, а помните, как мы однажды чуть не померли, а потом Бен схватил руль и объехал эту гигантогромную вонючую корову, и мы закрутились, как машинки в парке аттракционов, но выжили?

Лэйси кладет руку Бену на коленку и говорит:

— Ты же *герой*, ты это понимаешь? За такое *медали* дают.

— Я уже сказал, но повторю еще раз: я ни о ком из вас не думал. Я. Собственную. Шкуру. Спасал.

— Ты врешь. Ты восхитительный геройский врунишка, — говорит она и чмокает его в щеку.

Снова вступает Радар:

— Слушайте, а помните, как я спал на заднем сиденье пристегнутый двумя ремнями, вдруг дверь открывается, все пиво разбито, а на мне ни одной царапины? Как такое вообще *возможно*?

— Давайте поиграем в метафизическую версию «Я заметил», — предлагает Лэйси. — Я краем глаза заметила сердце настоящего героя, сердце, которое бьется не ради одного себя, а ради всего человечества.

— Я НЕ СКРОМНИЧАЮ. Я ПРОСТО САМ ПОДЫХАТЬ НЕ ХОТЕЛ! — восклицает Бен.

— Ребят, а вы помните, как однажды, минут двадцать назад, мы ехали в минивене и чуть не разбились?

3 ур. Час четырнадцатый

Когда первый шок проходит, мы начинаем прибираться. Мы стараемся собрать осколки от «Блюфина» на бумажку, а потом в пакет, чтобы выбросить, когда будет возможность. Ковролин теперь пропитан липкой смесью «Маунтин дью», «Блюфина» и диетической колы, и мы промокаем его теми несколькими салфетками, которые удалось найти. Машину потом придется, по меньшей мере, как следует помыть, но до Ээгло мы точно это сделать не успеем. Радар поискал в Интернете запасную дверь для моей модели: триста баксов плюс покраска. Поездка выходит дорогушая, но я смогу летом работать у папы в конторе и все покрою; в любом случае, за Марго это выкуп небольшой.

Справа восходит солнце. Кровь из щеки еще идет. Зато флаг уже прилип к ране, его можно больше не держать.

3 ур. Час пятнадцатый

За рядом дубов идут кукурузные поля, и тянутся они до самого горизонта. Меняется пейзаж, но все остальное остается на месте. Такие крупные трассы объединяют страну: везде «Макдоналдсы», ВР, «Вендисы». Я понимаю, что должен бы ненавидеть дорогу за это и ностальгировать по былым безмятежным денькам, когда каждый уголок был окрашен местным колоритом — но фиг бы с ним. Мне нравится. Нравится стабильность. Мне приятно, что я уже пятнадцать часов еду, а тут все, как дома. Лэйси пристегивает меня на заднем сиденье двумя ремнями безопасности. «Тебе надо отдохнуть, — говорит она. — Столько всего произошло». Поразительно, что никто еще не обвинил меня в том, что я был недостаточно активен в борьбе с коровой.

Погружаясь в сон, я слышу, как они шутят — слов разобрать уже не могу, только интонации, звуки, нарастающие и ниспадающие тоны дружеских подтруниваний. Мне нравится слушать, праздно развалившись. Я решаю, что, даже если мы Марго не найдем, то просто поедем кататься по горам, будем валяться на траве, болтать и прикалываться. Может, это становится возможным потому, что я теперь снова знаю наверняка: Марго жива — даже если доказательств не увижу. Я почти представляю себе, что смогу быть счастлив без нее, смогу ее отпустить, я чувствую, что мы с ней все равно связаны корнями, даже если я больше в жизни не увижу листьев ее травы.

3 ур. Час шестнадцатый

Я сплю.

3 ур. Час семнадцатый

Я сплю.

3 ур. Час восемнадцатый

Я сплю.

3 ур. Час девятнадцатый

Когда я просыпаюсь, Радар с Беном громко спорят, как назвать мою тачку. Бен настаивает на Мухаммеде Али, потому что если ею ударить, он тоже не остановится, как и мой минивен. А Радар считает, что именем исторических личностей машины называть нельзя. Он говорит, что надо назвать ее Лерлен, потому что ему нравится, как это звучит.

— Ты хочешь назвать ее *Лерлен*? — переспрашивает Бен, и его голос звенит от ужаса. — Разве этот несчастный тарантас еще недостаточно настрадался?

Я отстегиваю один из ремней и сажусь. Лэйси поворачивается ко мне.

— Доброе утро, — говорит она. — Добро пожаловать в великий и прекрасный штат Нью-Йорк.

— Сколько времени?

— Девять сорок две. — Она забрала волосы в хвостик, остались торчать только самые короткие пряди. — Ты как? — спрашивает она.

Я отвечаю:

— Мне страшно.

Лэйси улыбается и кивает:

— Ага, мне тоже. Такое ощущение, что вариантов развития событий так много, что ко всем не подготовишься.

— Да, — соглашаюсь я.

— Я надеюсь, что мы с тобой все лето будем общаться, — говорит она.

И почему-то мне от этого становится легче. Никогда не угадаешь, от чего станет легче.

Теперь Радар настаивает, что машину надо назвать Серым Гусем. Я слегка подаюсь вперед, чтобы все услышали, и говорю:

— Дрейдл.^[5] Чем сильнее закрутишь, тем лучше результат.

Бен кивает. Радар оборачивается:

— Думаю, тебя надо официально назначить называльщиком.

3 ур. Час двадцатый

Я сижу в первой спальне вместе с Лэйси. Бен за рулем. Радар за шкипера. Я третью остановку проспал, они взяли карту штата. Ээгло на ней нет, но к северу от Роскоу всего пять-шесть перекрестков. Я всегда думал, что Нью-Йорк — это бесконечный метрополис, но тут только зеленые холмы, на которые моему минивену приходится героически взбираться. Беседа стихает, Бен тянется к ручке приемника, я восклицаю:

— «Я заметил кое-что метафизическое»!

Бен начинает:

— Я заметил краем глаза кое-что такое, что мне очень нравится.

— А, я знаю, — отвечает Радар, — это вкус шаров.

— Нет.

— Членов, — предполагаю я.

— Нет, придурок.

— Гм... — Радар озадачен. — Может, тогда *запах* шаров?

— *Фактура* шаров? — спрашиваю я.

— Блин, уроды, вообще не связанное с гениталиями. Лэйс?

— То, что ты спас жизни трех человек?

— Нет. По-моему, ребят, у вас уже фантазия иссякла.

— Ну ладно. И что же это?

— Лэйси, — сообщает Бен, и я замечаю, что он смотрит на нее в зеркало заднего вида.

— Дебил, — говорю я, — мы же в *метафизическое* играем. Это должно быть что-то невидимое.

— Оно и есть невидимое, — возражает он. — Мне очень нравится Лэйси, какая она внутри.

— Фу, тошнотина, — отвечает Радар.

Лэйси отстегивает ремень, наклоняется к Бену и шепчет ему что-то на ухо. Бен краснеет.

— Ладно, я обещаю без тупежа, — говорит Радар. — Я заметил кое-что, что чувствуем мы все.

Моя догадка:

— Невероятная усталость?

— Нет, хотя предположение отличное.

Лэйси:

— Это то странное ощущение, которое испытываешь, когда организм

перенасыщен кофеином и кажется, что у тебя не сердце стучит, а все тело пульсирует?

— Нет. Бен, ты?

— Что надо поссать? Или это только мне надо?

— Как обычно, только тебе. Еще предположения будут?

Мы молчим.

— Правильный ответ: мы все чувствуем, что станем счастливее, когда споем «Солнечный ожог»^[6] а капелла.

И это оказывается правдой. Мне хоть и медведь на ухо наступил, ору я не тише других. Когда песня кончается, я говорю:

— Я заметил прекраснейший сюжет.

Какое-то время все молчат. Слышно только, как Дрейдл расплющивает асфальт, катясь вниз с холма. Через какое-то время Бен спрашивает:

— Вот этот самый, да?

Я киваю.

— Да, — соглашается Радар, — история классная, если мы не сдохнем.

Будет еще лучше, если мы найдем Марго, думаю я, но не говорю никому об этом. Бен все-таки включает радио и находит какую-то станцию с неторопливыми печальными песнями, чтобы можно было подпевать.

3 ур. Час двадцать первый

Мы проехали по трассе больше тысячи ста миль, и пора наконец с нее сворачивать. По дороге, которая ведет дальше на север, к Катскиллам, ехать со скоростью семьдесят семь миль в час решительно невозможно. Но это не страшно. Радар, наш великолепный стратег, заложил в расчеты запасные полчаса, не сказав об этом нам. Тут очень красиво, уже позднее утро, и девственный лес залит солнцем. В таком свете даже кирпичные домики в деревеньках, которые мы проезжаем, кажутся новенькими.

Мы с Лэйси рассказываем Бену с Радаром о Марго все, что только удастся вспомнить, в надежде, что это поможет нам ее найти. Напоминаем им, какая она. И самим себе тоже. Она ездит на «Хонде Цивик». Она светлая шатенка, волосы прямые. Любит заброшенные здания.

— У нее с собой черный блокнот, — говорю я.

Бен поворачивается ко мне:

— Понял, Кью. Если увижу в Ээгло девчонку, в точности похожую на нашу Марго, но у нее в руках не будет *блокнота*, я ничего предпринимать не буду. Это же самый верный признак.

Я не обращаю на него внимания. Я просто хочу побольше о ней вспомнить. Вспомнить ее в последний раз, с надеждой увидеть ее снова.

3 ур. Ээгло

Знаки ограничивают нашу скорость сначала до пятидесяти пяти, потом до сорока пяти, потом до тридцати пяти миль в час. Мы переезжаем железнодорожные пути, и вот перед нами Роскоу. Мы медленно едем через центр сонного города, там есть кафе, магазин с одеждой, долларовый магазинчик и еще пара торговых павильонов, заколоченных досками.

Я подаюсь вперед и говорю:

— Марго вполне может быть там.

— Да, — допускает Бен, — но я вламываться никуда не хочу, чувак. Не думаю, что в тюрьме Нью-Йорка мне понравится.

Меня же мысль осмотреть эти здания особо не пугает: мне весь город кажется заброшенным. Открытых заведений нет. Когда мы проезжаем центр, дорогу пересекает единственная улица, и вдоль нее тянется единственный жилой район Роскоу, там же стоит начальная школа. Каркасные деревянные домики кажутся крошечными по сравнению с деревьями — они тут высокие и натыканы часто.

Мы выбираемся на другое шоссе, допустимая скорость постепенно возрастает, но Радар все равно ведет медленно. Не проехав и мили, мы замечаем, что влево уходит грунтовка, улица без названия.

— Может, это оно, — говорю я.

— Это *подъездная дорога*, — отвечает Бен, но Радар все равно сворачивает.

Эта хорошо накатанная грунтовка *действительно* кажется подъездной. Слева — нескошенная трава, такая же высокая, как и деревья; я ничего не вижу и волнуюсь, что в таких зарослях очень легко спрятаться. Через некоторое время мы упираемся в старомодный особняк. Разворачиваемся и едем обратно на двухполосную дорогу, с которой свернули, а потом дальше на север. Шоссе переходит в улицу Кэт-Холлоу-роуд, мы доезжаем до еще одной грунтовки, похожей на предыдущую, только в этот раз она ведет направо, к дряхлому строению типа амбара, доски которого уже посерели. По полю с обеих сторон разбросаны большие вязанки сена, но трава уже снова разрослась. Радар едет не быстрее пяти миль в час. Мы пытаемся рассмотреть что-нибудь необычное. Какие-нибудь трещинки в этой сельской идиллии.

— Как думаете, могло это быть Центральным универсамом Ээгло? — спрашиваю я.

— Этот сарай?

— Ну да.

— И не знаю, — отвечает Радар. — Универсамы в те времена были похожи на сарай?

— Фиг знает.

— Это... черт, это ее тачка! — вдруг восклицает сидящая рядом со мной Лэйси. — Да-да-да-да-да-да-да-ее-тачка-ее-тачка!

Радар тормозит, я смотрю в поле, куда указывает ее палец, за эту ветхую постройку. Там блестит что-то серебристое. Я опускаю голову к Лэйси и вижу изгиб крыши машины. Бог знает, как она туда попала — дороги в ту сторону нет.

Радар съезжает на обочину, я выпрыгиваю, бегу к ее тачке. Она пуста. Двери не закрыты. Я лезу в багажник. Там ничего нет — только открытый пустой чемодан. Я оглядываюсь по сторонам, несусь к амбару, который уже с уверенностью могу считать бывшим Центральным универсамом Ээгло. Я бегу по скошенной траве, и меня обгоняют Бен с Радаром. Мы проникаем в здание через отверстия в стене, а не через дверь — амбар уже просто разваливается.

Оказавшись внутри, мы видим на гниющем деревянном полу многочисленные пятна света, падающего через дырявую крышу. Я ищу ее следы и замечаю, что пол мокрый. Пахнет миндалем, как от Марго. В стороне стоит старинная ванна на ножках с когтями. Стены такие дырявые, что мы как бы и в здании и на улице одновременно.

Кто-то дергает меня за майку. Я поворачиваю голову и вижу Бена, его взгляд направлен в угол помещения. Сквозь потолок льется толстый сноп ярко-белого света, но мне все равно удастся рассмотреть два длинных куска оргстекла высотой по мою грудь, грязных и тонированных. Они сходятся под острым углом, а другими краями примыкают к стене, так что получается как бы треугольная кабинка.

И вот в чем фишка: через тонированное стекло свет все равно проходит. Так что я вижу картину, которая взрывает мне мозг, хотя все и кажется серым: в черном, кожаном офисном кресле сидит Марго Рот Шпигельман, склонившись над школьной партой, и что-то пишет. Волосы у нее заметно короче, торчащие в разные стороны пряди челки не доходят даже до бровей, на голове страшный беспорядок, словно Марго претит сама мысль о гармонии — но все же это она. Живая. Она перенесла свой офис из заброшенного торгового Центра в заброшенный амбар в штате Нью-Йорк, и я ее отыскал.

Мы идем к ней, все четверо, но она нас, похоже, не замечает. Она

пишет. Наконец кто-то — может быть, Радар — окликает ее:

— Марго. Марго?

Она поднимается, кладет руки на стенки своей самодельной кабинки. Если она и удивлена нашему появлению, по ее глазам этого не видно. Вот она, Марго Рот Шпигельман, стоит в пяти футах от меня, губы потрескались, макияжа нет, под ногтями грязь, глаза ничего не выражают. Никогда не видел их такими мертвыми, но, возможно, я ей раньше в глаза и не смотрел. Она уставилась на меня. Я уверен, что на меня, а не на Лэйси, Бена или Радара. Я такого пристального взгляда не чувствовал с тех самых пор, как мы встретили Роберта Джойнера в Джефферсон-парке.

Марго долго молчит, меня слишком пугает ее взгляд, и я останавливаюсь. «Тут мы стоим с этой тайной вдвоем», — как писал Уитмен.

Наконец она говорит:

— Дайте мне минут пять, — снова садится за стол и пишет.

Я какое-то время смотрю на нее. В остальном Марго выглядит точно так же, как и раньше. Не знаю почему, но я ждал, что она изменится. Станет старше. Что я ее едва узнаю, когда увижу снова. Но вот она передо мной, за куском оргстекла, и выглядит точно как Марго Рот Шпигельман, как девчонка, которую я знаю с двух лет, образ которой я создал в собственной голове и любил.

И только теперь, когда она закрывает блокнот и убирает его в стоящий рядом рюкзак, встает и идет к нам, я понимаю, что этот мой образ был не только неверен, но и опасен. Мысль о том, что человек — больше, чем просто человек, предательски вероломна.

— Привет, — говорит она Лэйси, улыбаясь.

Сначала Марго обнимает ее, потом здоровается за руку с Беном, потом с Радаром. Вскинув брови, она говорит:

— Привет, Кью, — и обнимает меня, поспешно и некрепко.

Я бы предпочел подержаться за нее подольше. Мне хочется, чтобы что-то произошло. Мне хочется, чтобы Марго припала к моей груди и заплакала, чтобы слезы стекали по пыльным щекам мне на майку. Но она лишь поспешно меня обнимает и садится на пол. Я сажусь напротив, Бен, Радар и Лэйси садятся в ряд со мной, лицом к ней.

— Я рад тебя видеть, — через какое-то время говорю я, и мне кажется, будто я прерываю какую-то безмолвную молитву.

Марго убирает со лба челку. Кажется, она подбирает слова, прежде чем что-то сказать.

— Я... гм. Гм. Мне редко бывает трудно собраться с мыслями, да? Я

просто в последнее время ни с кем не разговаривала особо. Гм. Может, начнем вот с чего: вы на фига сюда приперлись?

— Марго, — говорит Лэйси. — Бог ты мой, мы так волновались!

— Волноваться не о чем, — радостно отвечает Марго. — У меня все отлично. — Она поднимает вверх большие пальцы обеих рук. — Просто супер.

— Могла бы позвонить и сообщить нам об этом. — В голосе Бена звучит какая-то досада. — Не пришлось бы ехать черт знает куда.

— Как показал мой опыт, Кровавый Бен, уходя лучше *уходить*. Ты, кстати, чего в платье-то?

Бен краснеет.

— Не называй его так, — резко говорит Лэйси.

Марго в упор смотрит на нее:

— Боже, ты что, с ним *замутила*?

Лэйси молчит.

— Да, я угадала, — констатирует Марго.

— Ну, вообще-то да, — отвечает Лэйси. — И вообще-то он классный. А ты вообще-то стерва. И я вообще-то ухожу. Спасибо тебе за то, что заставила меня последний месяц школы прожить в страхе, чувствуя себя полным дерьмом, и за то, что проявила всю свою стервозность, когда мы тебя нашли, чтобы убедиться, что у тебя все хорошо. Рада была пообщаться.

— О да, я тоже. Я бы разве без тебя узнала, насколько я жирная?

Лэйси встает и топает к выходу, рассыпающийся пол аж вибрирует. Бен встает и идет за ней. Я поворачиваюсь — поднимается и Радар.

— Я тебя никогда особо не знал до этих твоих загадок, — говорит он. — И загадки мне нравились больше, чем ты сама.

— Что за фигню он несет? — спрашивает меня Марго.

Радар не отвечает. Он уходит молча.

Мне, конечно, тоже следует пойти со всеми. Они же мне друзья куда больше, чем Марго. Но у меня есть к ней вопросы. Когда она встает и идет обратно к своей кабинке, я начинаю с самого очевидного:

— Ты чего ведешь себя как свинья?

Тут Марго резко разворачивается, хватая меня за майку и орет:

— А ты чего ждал? Вы же приперлись сюда совершенно без предупреждения!

— А как бы я тебя предупредил? Ты же как с лица земли исчезла!

Марго щурится, и я понимаю, что ей нечего на это ответить, поэтому продолжаю наезжать. Я жутко зол. За то... за... не знаю. За то, наверное,

что она оказалась не той Марго, которую я ожидал встретить. Не той Марго, которую я себе нарисовал в последние недели — как я думал, правильно нарисовал.

— Я-то думал, что ты после той ночи ни с кем не выходишь на связь, потому что у тебя какая-то важная причина есть. И... вот она, твоя причина? Смоталась, чтобы бомжевать тут спокойно?

Она выпускает мою майку, отталкивает меня.

— Ну и кто после этого свинья? Только так и можно уходить. Для этого надо собрать всю себя и резко оторвать — как пластырь. А ты можешь продолжать быть собой, Лэйс может продолжать быть собой, пусть все продолжают быть собой, и я тоже.

— Да, вот только я не мог быть собой, потому что думал, что ты умерла. Очень долго думал. И пришлось наделать всякой фигни, которую в других обстоятельствах я ни за что бы не сделал.

Марго кричит на меня и снова вцепляется в мою футболку, стараясь дотянуться до лица.

— Чушь! Ты сюда ехал вовсе не для того, чтобы убедиться, в порядке ли я. Ты приехал, потому что хотел спасти бедняжку Марго от ее психоза, хотел, чтобы я по гроб жизни благодарила рыцаря в блестящих доспехах, чтобы разделась догола и умоляла тебя взять мое тело.

— Что за бред! — кричу я, потому что это действительно почти полный бред. — Ты ведь просто играла с нами? Ты хотела даже после своего отъезда остаться центром нашей вселенной, чтобы все мысли вертелись только вокруг тебя.

Марго продолжает орать, я даже не думал, что ее голос может быть таким громким.

— Кью, да ты даже не на меня злишься! Ты злишься на образ той Марго, что живет у тебя в голове с самого детства, и кроме него ты ничего не видишь!

Она хочет от меня отвернуться, но я хватаю ее за плечи, поворачиваю к себе и, все еще не отпуская, говорю:

— Ты вообще думала о том, как воспримут твоё исчезновение? О Руфи? Обо мне, Лэйси, обо всех остальных, кому ты была небезразлична? Нет. Конечно же ты не думала. Потому что зачем думать о том, что происходит не с тобой! Да, Марго? Так?

Она больше не сопротивляется. Она горбится и идет к своему кабинету. Пинает стенки из оргстекла, те с грохотом падают на стол и кресло, а потом соскальзывают на пол.

— ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ, ПРИДУРОК!

— Хорошо, — соглашаюсь я. Почему-то то, что Марго вышла из себя, помогает мне успокоиться. Я начинаю говорить с ней, как моя мама. — Я заткнусь. Мы оба не в себе. А у меня к тебе еще куча вопросов.

Она садится в кресло, поставив ноги на стекло, которое только что было стеной. И смотрит в угол сарая. Между нами футов десять.

— Как, блин, вы меня вообще отыскиали?

— Я думал, ты хотела, чтобы мы тебя нашли, — говорю я так тихо, что даже удивляюсь, что она услышала.

— Ничего подобного.

— «Песнь о себе», — отвечаю я. — Гатри вывел меня на Уитмена. Уитмен указал на дверь. Дверь — на торговый центр. Мы смогли прочесть закрашенную надпись на стене. Я про «бумажные города» не понял: это же могли быть и заброшенные микрорайоны, я подумал, что ты уехала в какой-то из них и не собираешься возвращаться. Боялся, что ты умерла там где-нибудь, покончила с собой, но по какой-то причине хотела, чтобы я тебя нашел. Я объехал кучу заброшенных поселений истроек — тебя искал. А потом сопоставил карту из сувенирной лавки с дырочками в стене. Стал читать эту поэму более внимательно и решил, что ты, наверное, не скитаешься, а просто где-то засела и планируешь что-то. Пишешь в своем блокнотике. Я нашел на карте Ээгло, увидел твой комментарий в Мультимедии, мы забили на вручение дипломов и примчались сюда.

Марго приглаживает волосы, но они теперь такие короткие, что лицо уже не закрывают.

— Дебильная стрижка, — говорит вдруг она. — Хотела сменить имидж, а получилось нелепо.

— Мне нравится, — отвечаю я. — Черты лица хорошо подчеркивает.

— Прости, что я встретила вас, как сучка. Ты просто пойми... вы же, блин, как с неба свалились, я обделалась до смерти.

— Ну, могла бы так и сказать: «Ребят, я из-за вас в штаны наложила».

Она фыркает:

— Да уж, потому что именно такую Марго Рот Шпигельман все знают и любят. — На какое-то время она замолкает, а потом говорит: — Зря я этот коммент оставила. Просто мне показалось, что будет прикольно, если они его обнаружат какое-то время спустя. Я думала, что копы, может, проследят, но будет уже слишком поздно. Ведь в Мультимедии миллиарды страниц. Я не...

— Что?

— Хочу ответить на твой вопрос. Я много о тебе думала. И о Руфи. И о родителях. Ну, естественно же! Да, может быть, я самая ужасная

эгоцентристка в истории человечества. Но блин, неужели ты считаешь, что я бы так поступила, если бы в этом не было *необходимости*? — Марго качает головой.

Теперь она наконец поворачивается ко мне, ставит локти на колени, и у нас начинается настоящий разговор. На расстоянии, но хоть так.

— Я просто не придумала, как мне еще уйти, чтобы меня обратно не затащили.

— Я очень рад, что ты не умерла, — признаюсь я.

— Да уж. Я тоже, — соглашается Марго. Она ухмыляется, и я впервые вижу улыбку, по которой так скучал. — Поэтому мне и надо было уехать. Хоть жизнь и дерьмо, она лучше, чем ее противоположность.

У меня звонит телефон. Это Бен. Я отвечаю.

— Лэйси хочет с Марго поговорить, — сообщает он.

Я подхожу к ней и остаюсь рядом, а она сидит ссутулившись и слушает. До меня доносится нечленораздельная речь из трубки, а потом Марго перебивает:

— Слушай, извини. Я просто очень испугалась.

А потом тишина. Через какое-то время, наконец, снова слышится голос Лэйси, Марго смеется, что-то отвечает. Я думаю, что надо дать им пообщаться наедине, и продолжаю осматривать амбар. В противоположном углу у той же стены Марго устроила постель — четыре связки сена, а на них надувной оранжевый матрас. На отдельной связке лежит аккуратная стопочка одежды. Есть зубная щетка и паста, большой пластиковый стакан из «Сабвея». Это все стоит на книжках: «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и «Бойня номер пять» Курта Воннегута. Невероятное сочетание мещанского порядка и ужасающего упадка. Но с другой стороны, таким же невероятным мне кажется и то, как много времени я потратил, представляя себе, что она живет как-то иначе.

— Они в мотеле. Лэйс велела тебе передать, что они утром возвращаются, независимо от того, едешь ты или нет, — раздается сзади голос Марго.

И когда я слышу это «*ты*» там, где должно быть «*мы*», я впервые задумываюсь о том, что будет дальше.

— Мне всего хватает, — сообщает она, останавливаясь рядом со мной. — Тут на улице есть туалет, но он так себе, поэтому я езжу на стоянку для грузовиков к востоку от Роскоу. Там есть и душевая, в женской довольно чисто, потому что дальнбойщиц не так много. И Интернет есть. Тут у меня как будто дом, а стоянка — дача.

Я смеюсь. Марго проходит дальше и опускается на колени, ищет что-

то в связках сена. Через некоторое время вытаскивает фонарик и тонкий квадратный кусок пластика.

— Это все, что я купила за месяц, если не считать еды и бензина. Потратила всего три сотни.

Я беру пластмассовую штуку, и до меня доходит, что это проигрыватель на батарейках.

— Я прихватила из дома пару альбомов, — рассказывает Марго. — Но в городе, конечно, еще куплю.

— В городе?

— Ага. Я же сегодня в Нью-Йорк уезжаю. В Мультипедии ведь написано. Пускаюсь в настоящее путешествие. Изначально я собиралась в этот день выехать из Орlando — хотела все же получить диплом, потом замутить с тобой какие-нибудь классные приколы, а на следующее утро угнать прочь. Но стало совсем невыносимо. Я реально поняла, что даже часа лишнего не выдержу. Узнав про Джейса, я подумала: да у меня же все спланировано, просто дату поменяю. Но мне очень жаль, что я вас напугала. Я изо всех сил старалась сделать так, чтобы вы не беспокоились, но последние часы прошли в такой спешке! Не лучшая моя операция.

Но меня план ее бегства и оставленные следы очень впечатлили. Еще больше меня удивило признание, что в первоначальном плане присутствовал я.

— Может, ты мне расскажешь, — прошу я, стараясь улыбнуться. — Я тут много думал об этом, ну, ты понимаешь. Что у тебя было спланировано, а что нет? Почему ты оставила мне какие-то знаки, почему вообще сбежала, все такое.

— Гм. Ну ладно. Но надо будет начать издалека, рассказать предысторию.

Марго встает, я иду за ней след в след — она легко и изящно обходит гнилые участки на полу. Мы возвращаемся в ее кабинет, она лезет в рюкзак и достает свой черный ежедневник. Садится на пол, скрестив ноги, и похлопывает ладонью рядом. Я сажусь. Марго постукивает по закрытому блокноту.

— Итак, все это началось очень давно. Класе в четвертом я начала в этом блокноте развивать сюжет. Типа детектива.

Я вдруг думаю, что можно вырвать блокнот у нее из рук и шантажировать им. Заставить вернуться в Орlando, найти работу и снять квартиру, и жить там до начала учебы, так мы хоть лето вместе проведем. Но я этого не делаю, а просто слушаю.

— Ну, хвалиться я не люблю, но это на редкость гениальное

сочинение. Шучу. На самом деле это придурочные бредни десятилетней мечтательницы с уклоном в магию. В главной роли — девчонка по имени Марго Шпигельман, точно такая же десятилетка, как и я, только у нее любящие богатые родители, которые покупают ей все, что она захочет. Марго влюблена в пацана по имени Квентин, который отличается от тебя только тем, что он бесстрашный герой, готовый умереть за нее и все такое. Еще там есть Мирна Маунтвизель, точно такая же, как настоящая Мирна Маунтвизель, только волшебная. Например, по сюжету, кто ее погладит, десять минут не может врать. А еще она разговаривает. Естественно. Разве кто-нибудь в десять лет напишет про собаку, которая *не умеет* разговаривать?

Я смеюсь, хотя думаю о той десятилетней Марго, которая была влюблена в десятилетнего меня.

— Так вот, — продолжает она, — Квентин с Марго и Мирной Маунтвизель расследуют таинственную смерть Роберта Джойнера, который погиб так же, как и в реальности, за исключением того, что явно не сам застрелился, а *кто-то* ему помог. Ну и мы пытаемся разузнать, кто это был.

— И кто же?

Она ухмыляется:

— Ты что, хотел бы услышать?

— Ну, — отвечаю я, — я предпочел бы прочитать.

Марго раскрывает блокнот и показывает мне страничку. Понять ничего нельзя, и не потому что у нее плохой почерк, а потому что поверх горизонтальных строчек идут еще и вертикальные.

— Перекрестная штриховка, — говорит она. — Всем, кроме Марго, читать сложновато. Так что придется рассказывать, но ты сначала пообещай, что не разозлишься.

— Обещаю, — говорю я.

— Выясняется, что преступник — брат бывшей жены Роберта Джойнера, которая любила выпить. Он сошел с ума, потому что им завладел дух злобной домашней кошки, которая жила еще в Древнем Египте. Классный сюжет, я же сказала. Так вот, мы с тобой и Мирной Маунтвизель находим убийцу, он пытается пристрелить меня, но ты бросаешься под пулю и героически умираешь у меня на руках с простреленной грудью.

Я хохочу:

— Отлично. Начало было такое многообещающее: я, влюбленная в меня красавица, тайна и интрига, а потом меня замочили.

— Ну да. — Марго улыбается. — Но я просто вынуждена была тебя

убить, потому что иначе нам под конец оставалось только заняться этим самым, а в десять лет я была не готова такое писать.

— Справедливо, — соглашаюсь я. — Но когда будешь редактировать, пусть уж между нами хоть что-нибудь произойдет.

— Ну, разве что после того как тебя застрелят. Может, я поцелую тебя перед смертью.

— Очень милосердно.

Я мог бы встать, подойти к ней и поцеловать ее. Мог бы. Но этим мог бы так много испортить.

— В общем, я закончила свой детектив в пятом классе. Через несколько лет я решила сбежать в Миссисипи. И стала записывать план побега поверх этого старого сочинения, а потом уехала — укатила на маминой тачке за тысячу миль, оставив в тарелке подсказку. Сама поездка мне и *не понравилась* даже — было невероятно одиноко. Но меня жутко радовал тот факт, что я сделала это. Поэтому я стала планировать еще — всякие приколы, как свести конкретных девчонок с конкретными пацанами, украсить дома туалетной бумагой, всякие новые секретные поездки и все такое. К началу первого курса я исписала полблокнота и тогда решила, что делаю еще одну крупную штуку и уезжаю.

Марго собирается продолжать, но я вынужден ее перебить:

— Слушай, а дело в месте или все же в людях? Ну, если бы люди были другие?

— А как можно отделить одно от другого? Люди — это место — это люди. Да в любом случае, *по-моему*, дружить там больше не с кем. Я думала, что все либо напуганные, как ты, либо просто внимания не обращают, как Лэйси. А...

— Я не такой уж и напуганный, как ты думаешь, — возражаю я. И это правда. Я понял это только после того, как сказал, но тем не менее.

— погоди, я сейчас *дойду* от этого, — говорит Марго, чуть не плача. — Так вот, когда я училась на первом курсе, Газ отвез меня в Оспри... В этот заброшенный торговый центр. И потом я стала регулярно ездить туда одна, просто тусоваться и планы свои писать. И к последнему курсу у меня уже все мысли были только об этом окончательном бегстве. Не знаю, может, из-за того что я эту свою старую писанину перечитала, но я решила включить в свои планы тебя. Я решила, что мы будем все это делать вместе — ну, в «Морской Мир» влезем, например, — хотела, чтобы ты перестал быть таким пай-мальчиком. Я рассчитывала на то, что эта ночь тебя раскрепостит. А потом я исчезну, а ты запомнишь меня навсегда. План получался страниц на семьдесят, и я уже была готова к его реализации, все

в нем сходилась очень хорошо. И тут я узнаю про Джейса и принимаю решение сматываться. Немедленно. Диплом мне не нужен. Какой в нем смысл? Но сначала надо подогнать план под изменившиеся обстоятельства. И поэтому я весь день сижу с блокнотом, редактирую, включаю в свой прикол Бекку, Джейса, Лэйси и остальных, кого я ошибочно считала друзьями, чтобы показать им, как я их всех ненавижу, прежде чем бросить навсегда. Но мне все равно хотелось, чтобы рядом был ты. Меня еще прельщала мысль сделать тебя хоть немного похожим на крутого героя моей детской сказки.

— А потом ты меня удивил, — продолжает Марго. — Я все эти годы считала тебя бумажным мальчиком: ты казался мне двухмерным, и как персонаж, и как человек — в жизни ты был, конечно, другой, но все же плоский. Но в ту ночь ты вдруг оказался настоящим. И все это получилось так необычно и прикольно, что я, вернувшись утром к себе в комнату, начала по тебе *скучать*. Мне хотелось зайти к тебе, побыть с тобой, поговорить, но я уже решила, что уеду, поэтому надо было ехать. В последнюю секунду мне в голову пришла мысль завещать тебе Оспри. Показалось, что, если ты туда попадешь, то сможешь изжить в себе внутреннего трусишку. Думать пришлось очень быстро. Я налепила постер с Вуди на жалюзи, обвела песню на пластинке, подчеркнула две строчки в «Песни о себе» не тем маркером, каким пользовалась, когда читала ее для себя. А когда ты ушел в школу, я забралась к тебе через окно и засунула в дверь записку. Потом сама поехала в Оспри — отчасти потому что еще не была готова уехать, отчасти потому что там надо было прибраться, прежде чем туда попадешь ты. Пойми, я *не хотела*, чтобы ты переживал. Поэтому я покрасила надпись — я не знала, что ее все же удастся прочитать. Вырвала страницы из календаря, которыми пользовалась, сняла карту — она там висела с тех самых пор, как я нашла на ней Ээгло. А потом я поняла, что устала и мне пока некуда ехать, и легла спать. В итоге я там две ночи провела, с духом собиралась, наверное. А еще, может, надеялась, что ты быстрее найдешь. Но потом я все же поехала. Добиралась сюда двое суток. И с тех пор тут живу.

Мне кажется, что она закончила, а у меня оставался еще вопрос.

— А почему именно сюда?

— Бумажный город для бумажной девчонки, — говорит Марго. — Я впервые узнала об Ээгло из книги «интересных фактов», которую прочла лет в десять-одиннадцать. И постоянно о нем вспоминала. По правде говоря, когда я ходила в «СанТраст», включая нашу совместную вылазку, я размышляла не о том, что все из бумаги. Я смотрела вниз и думала, что

бумажная я сама. Это я хлипкая, это меня можно смять, а не все остальное. И вот в чем секрет. Людям нравится этот образ бумажной девчонки. Всегда нравился. И хуже всего то, что он притягивал меня саму. Я его культивировала, понимаешь? Это же здорово — воплотить в жизнь тот образ, который нравится всем. Но я сама до конца не могла поверить в свою бумажность. А Ээгло — то самое место, где бумажное становится реальным. Точка на карте стала настоящим городком, куда более настоящим, чем могли себе представить те ребята, которые ляпнули его на карту. И я подумала, что вырезанная из бумаги девочка тут тоже сможет обрести настоящую жизнь. Я таким образом хотела сказать той, которой нужно было внимание и тряпки, и вся остальная мишура: «Ты едешь в бумажный город. И *никогда* больше не вернешься».

— Ты написала это на стене, — говорю я. — Господи, Марго, я столько заброшенных поселений объехал в поисках твоего тела. Я правда... правда думал, что ты умерла.

Она встает, какое-то время роется в вещах, потом берет «Под стеклянным колпаком» и читает вслух:

— «Но когда дело дошло до того, чтобы приступить к этому самой, кожа на запястьях показалась мне такой белой и такой беззащитной, что я не смогла решиться. Мне почудилось, будто то, что я вознамерилась умертвить, обитает вовсе не под кожей и вовсе не в тонких синеватых прожилках вен, напрягшихся, когда я сдавила себе запястье, а где-то в другом месте, гораздо глубже, — и добраться туда будет гораздо труднее».

[7] — Она снова садится рядом, лицом ко мне, мы так близко, что соприкасается ткань наших джинсов. — Я знаю, о чем речь. Я знаю, что там, глубже. Внутренние трещины. Расколы внутреннего мира, где не сходятся одно с другим.

— Мне это нравится, — говорю я. — Как пробойны в корпусе корабля.

— Точно, точно.

— И рано или поздно ты из-за них идешь ко дну.

— Именно, — соглашается Марго.

Разговор наш набирает обороты.

— Не могу поверить, что ты не хотела, чтобы я тебя нашел.

— Извини. Если тебе от этого станет легче, ты меня поразил. И я рада тебя видеть. С тобой хорошо путешествовать.

— Это что, предложение? — спрашиваю я.

— Возможно. — Она улыбается.

Мое сердце уже так давно трепещет, как птичка в клетке, что это заявление кажется переносимым — почти переносимым.

— Марго, если ты вернешься домой на лето... Мои родители сказали, что не против, чтобы ты пожила у нас. Или ты можешь найти себе работу и квартиру на время, а потом ты поедешь учиться, и тебе больше не придется жить с твоими предками.

— Дело не только в них. Меня снова засосет, — говорит она. — И я уже не выберусь. Проблема не в сплетнях, не в вечеринках и прочем мелком дерьме, а в том, что правильная жизнь — колледж, работа, муж и детишки и прочий бред — это опасная ловушка.

Дело в том, что, *на мой взгляд*, колледж, работа и, может, когда-нибудь даже дети — это осмысленная жизнь. Я верю в будущее. Может, это мой недостаток, но у меня он врожденный.

— Учеба ведь дает более широкие возможности, — наконец говорю я. — А не ограничивает их.

Марго ухмыляется.

— Спасибо, проповедник высшего образования Джейкобсен, — отвечает она и меняет тему. — Я все представляла тебя в Оспри. Привыкнешь ли ты к нему. Перестанешь ли бояться крыс.

— Привык. Мне даже начало там нравится. Я провел там ночь, когда все были на выпускном.

Она улыбается:

— Круто. Я так и думала, что ты рано или поздно оценишь. Мне в Оспри ни разу не было скучно, но это потому, что всегда наступала пора возвращаться домой. А вот приехав сюда, я заскучала. Тут нечего делать, и я так много читаю. А еще нервничаю все больше, я же тут никого не знаю. Я все ждала, что одиночество и нервы вынудят меня вернуться. Но нет. Это единственное, чего я сделать не могу, Кью.

Я киваю. Я понимаю. Но я все же делаю еще одну попытку.

— А что потом? Когда кончится лето? Как же колледж? И вся остальная жизнь?

Марго пожимает плечами:

— А что?

— Ты не беспокоись насчет того, что будет *потом*?

— Потом состоит из множества сейчас, — отвечает она.

На это мне возразить нечего, я просто впадаю в ступор, а Марго продолжает:

— Это Эмили Дикинсон. Как я и говорила, я много читаю. Я думаю, что будущее заслуживает веры в него. Но с Эмили Дикинсон спорить сложно.

Марго встает, вскидывает рюкзак на плечо, протягивает мне руку:

— Давай пройдемся.

Когда мы выходим на улицу, она просит у меня телефон. Набирает номер, я хочу отойти, чтобы дать ей поговорить, но она хватается меня за руку и не отпускает. Мы вместе идем в поле, она разговаривает с родителями.

— Привет, это Марго... Я в Эггло, штат Нью-Йорк, с Квентином... М-м-м... нет, мам, просто думаю, как тебе ответить по-честному... Мам, хватит... Не знаю, мам... Я решила поехать в выдуманный город. Вот что случилось... Да, вообще-то я не думаю, что вернусь... Можно с Руфи поговорить?.. Привет, подружка... Да, но я первая тебя полюбила... Извини. Я сделала ошибку. Я думала... Не знаю, о чем я думала, Руфи, но это точно была ошибка, и теперь я буду звонить. Маме, может, и нет, а тебе буду... По средам?.. По средам ты занята. Гм. Ладно. А какой день тебя устроит?.. Тогда вторник... Каждый вторник, ага... Да, и в этот вторник тоже. — Марго закрывает глаза, стискивает зубы. — Ладно, Руфи, передай трубку обратно маме, хорошо?.. Мам, я тебя люблю. Все будет хорошо. Точно тебе говорю... Да, хорошо, и ты тоже. Пока.

Она останавливается, закрывает мой телефон-раскладушку, но не отдает. Она сжимает его так крепко, что кончики пальцев розовеют, а потом бросает его на землю. Она кричит — коротко, но очень громко, — и когда крик замирает, я впервые осознаю, насколько в Эггло тихо.

— Она думает, что я обязана ей угодить и что у меня не может быть никаких своих желаний, а когда я не угождаю — меня выкидывают. Она замки сменила. Это первое, что она мне сказала. Господи.

— Сочувствую, — говорю я, раздвигая желто-зеленую траву высотой по колено. — Но с Руфи-то ты была рада поговорить?

— Да, она классная. Знаешь, я зла на себя, что не позвонила ей раньше.

— Да уж, — соглашаюсь я.

Марго игриво меня подталкивает.

— Ты должен меня радовать, а не огорчать! — говорит она. — Это же твоя основная задача!

— Я и не знал, что обязан вам угодить, миссис Шпигельман.

Она смеется:

— Значит, с матерью меня сравниваешь. Прямо ножом по живому. Но справедливо. Ну, а сам-то ты как? Если Бен с Лэйси встречаются, у вас там наверняка еженощные оргии?

Мы медленно шагаем по ухабистому полю. Поначалу оно не кажется мне большим, но мы все идем и идем, а деревья на горизонте никак не

приблизятся. Я рассказываю о том, как мы сбежали с вручения, как закрутился наш волшебный Дрейдл. О выпускном, о том, как Лэйси поссорилась с Беккой, как я ночевал в Оспри.

— В ту ночь я окончательно убедился, что ты там была, — говорю я. — Одеяльце сохранило твой запах.

На этих словах ее рука касается моей, и я хватаю ее, потому что сейчас терять мне уже почти нечего. Марго смотрит на меня:

— Мне надо было уехать. Я зря тебя перепугала, это глупо вышло, следовало все получше спланировать. Но я должна была уехать. Понимаешь ты?

— Да, — отвечаю я. — Но думаю, что теперь ты можешь вернуться. Серьезно.

— Нет, не понимаешь, — возражает Марго, и она права: она все видит по моему лицу.

До меня доходит, что я не могу стать ею, а она не может быть мной. Допустим, у Уитмена был такой дар, но у меня его нет. Мне приходится спрашивать у раненого, где болит, потому что я сам не могу стать этим раненым. Единственный раненый человек, которым я могу быть, это я сам.

Я притаптываю траву и сажусь. Марго укладывается рядом, сунув под голову рюкзак. Я тоже ложусь. Она вытаскивает из рюкзака пару книг и дает мне — чтобы и у меня была подушка. «Избранное» Эмили Дикинсон и «Листья травы».

— У меня было два экземпляра, — объясняет она с улыбкой.

— Поэма шикарная, — говорю я. — Лучше ты и выбрать не могла.

— Я в то утро реально сделала все это, повинуюсь какому-то импульсу. Вспомнила строчки про двери и решила, что подходит идеально. Но приехав сюда, я ее перечитала. Мы ее проходили давно, на английском, и мне понравилось. Я много стихов читала. Пыталась понять, чем же ты меня в ту ночь удивил? Я долго подозревала: меня зацепило то, что ты цитируешь Элиота.

— Но на самом-то деле нет, — возражаю я. — Тебя поразила размер моих бицепсов и то, как ловко я вылезал из окна.

Марго ухмыляется:

— Дурак, заткнись и дай мне сделать комплимент как следует. Дело не в стихах и не в бицепсах. Меня удивило, что, несмотря на все твоё волнение, ты действительно оказался похож на того Квентина из моей детской сказки. Понимаешь, я пишу свои планы поверх этого текста уже несколько лет, и я каждый раз перечитывала страницу, прежде чем ее

исписать, и над каждой страницей ржала — ты не обижайся, но я думала: «Блин, неужели я действительно считала *Квентина Джейкобсена* таким соблазнительным и верным мачо и борцом за справедливость?» А потом... понимаешь, ты действительно в каком-то смысле *таким* и оказался.

Я мог бы повернуться на бок, и она бы тоже легла ко мне лицом. И мы бы поцеловались. Но сейчас-то какой смысл ее целовать? Это ни к чему не приведет. И мы лежим, смотрим в безоблачное небо.

— Реальность никогда не бывает такой, как ты себе воображаешь, — говорит Марго.

Небо похоже на современную монохромную картину, меня затягивает иллюзия его глубины, оно делает меня выше.

— Да, это верно, — соглашаюсь я. Но, подумав секундочку, добавляю: — Воображение несовершенно. В чужую голову не залезешь.

Я представить себе не мог, что Марго разозлится, когда мы ее найдем, или что она сочинила детектив. Но все же единственный выход — это пытаться представить себе, что ты сам становишься кем-то другим или мир становится каким-то другим. Это тот самый инструмент, который убивает фашистов.

Марго поворачивается ко мне, кладет голову мне на плечо, и мы лежим — точно так, как мы лежали в моей фантазии в «Морском Мире». Для этого пришлось проехать тысячу миль и выждать много дней, но вот оно: ее голова у меня на плече, дыхание щекочет шею, нас обоих заливают густая усталость. Сейчас мы стали такими, какими я хотел видеть нас тогда.

Когда я просыпаюсь, в уходящем свете дня все кажется таким важным и осмысленным: и наливающееся желтым небо, и тихонько покачивающиеся над головой стебли травы, царственно красивые. Я поворачиваюсь на бок и вижу, что Марго Рот Шпигельман стоит на четвереньках в трех футах от меня, джинсы плотно обтягивают ее ноги. Через какое-то время до меня доходит, что она копает. Я подползаю к ней — сухая земля под ладонями скорее похожа на пыль. Она улыбается. Сердце у меня бьется со скоростью звука.

— Что мы раскапываем? — спрашиваю я.

— Неправильный вопрос, — говорит Марго. — Правильный: кого мы закапываем?

— Ладно. И кого мы закапываем?

— Мы роем могилы Маленькой Марго, Маленькому Квентину, Маленькой Мирне Маунтвизель и бедолажке-мертвецу Роберту Джойнеру.

— Эту идею, пожалуй, я могу поддержать, — говорю я.

Земля тут сухая, спекшаяся, испещренная ходами насекомых, она похожа на брошенный муравейник. Но мы упорно роем голыми руками, каждая пригоршня земли испускает облачко пыли. И все же мы выкапываем широкую и глубокую нору. Могила должна быть достойной. Вскоре яма мне уже по локоть. Вытирая пот со щеки, я пачкаю рукав рубашки. Марго порозовела. До меня доносится ее запах, он такой же, как в ту ночь, — прежде чем она сиганула в ров вокруг «Морского Мира».

— Я его никогда как реального человека не воспринимала, — признается она.

Я решаю, что это повод сделать паузу, и сажусь на корточки.

— Кого, Роберта Джойнера?

Марго упорно роет.

— Ага. Ну, то есть он — это какое-то происшествие в *моей* жизни, понимаешь? Но ведь, как бы это сказать, прежде чем сыграть второстепенную роль в драме моей жизни, он играл главную роль в драме собственной жизни. Я, в общем, никогда не видела в нем личность. Парня, который возился в грязи, как и я. Любил, как и я. У которого оборвались ниточки, который не чувствовал, что его корешок цепляется за землю, который треснул внутри. Как и я.

— Да, — говорю я через некоторое время и снова принимаюсь копать. — Я тоже всегда воспринимал его только как труп.

— Жаль, что я ничего не смогла сделать, — отвечает Марго. — Жаль, что мы не показали всем, какие мы герои.

— Ага, — соглашаюсь я. — Хорошо было бы сказать ему в свое время, что это не конец света.

— Да, хотя рано или поздно *что-нибудь* тебя все равно убивает.

Яжимаю плечами:

— Знаю. Я не говорю, что пережить можно что угодно. Но многое все же можно — за исключением самого последнего.

Я снова запускаю руки в землю, тут она куда чернее чем там, у нас. Бросаю пригоршню на образовавшийся за спиной холмик, снова сажусь. Мне в голову приходит мысль, и я стараюсь сформулировать ее вслух. Я еще ни разу не говорил Марго столько слов подряд за всю длинную и полную событий историю наших с ней отношений. Но это мой последний ход в нашей игре.

— Когда я размышлял о его смерти, — случалось это, признаюсь, не часто — я думал именно так, как говорила ты, что у него все ниточки оборвались. Сказать об этом можно по-разному: ниточки оборвались или

корабль затонул, но, может быть, мы — как трава: наши корни так тесно сплетены, мы настолько взаимозависимы, что живы все, пока жив хоть кто-то. Ну, то есть метафор можно всяких навывдумывать. Но выбирать свою метафору надо осторожно, потому что вот это как раз важно. Если думать о ниточках, то в твоей картине мира можно сломаться так, что не починишь. Если выбираешь траву, то веришь во всеобщую взаимосвязь, в то, что корни не только держат нас вместе, но и помогают понять друг друга, стать друг другом. У всякой метафоры есть свои последствия. Понимаешь, о чем я?

Марго кивает:

— Мне нравится метафора с ниточками. Давно уже нравится. По моим ощущениям это верно. Но, наверное, из-за этого я воспринимаю боль как нечто более фатальное, чем оно есть на самом деле. Люди не такие хлипкие, какими я их воспринимаю с этими ниточками. Но и про траву мне тоже нравится. Трава связала меня с тобой, помогла увидеть в тебе личность. Но мы все же не побеги одного растения, я не могу быть тобой. Как и ты — мной. Ты можешь хорошо понять другого человека — но не на все сто, согласен?

— Может, на самом деле всё больше похоже на то, что ты говорила раньше — что мы все треснули. Что рождается человек водонепроницаемым цельным судном. А потом происходит всякая ерунда: нас бросают, или не могут полюбить, или не понимают, а мы не понимаем их, и мы теряем, подводим, обижаем друг друга. И наше судно дает трещины. И да, когда появляется первая трещина, конец становится неизбежным. Ну, вот в Оспри начала заливаться дождевая вода, и никто его чинить не будет. Но между тем моментом, как появляется трещина, и тем, когда судно затонет, есть время. И только в это время у нас есть шанс увидеть друг друга, потому что посмотреть за пределы себя удастся только через эти трещины, заглянуть вглубь другого — тоже. Когда мы начали смотреть друг другу прямо в глаза? Только когда ты заметила мои трещины, а я — твои. А до этого мы видели лишь вымышленные образы друг друга — это как я смотрел на твое окно, завешенное жалюзи, но не видел, что внутри. А когда появляется трещина, внутрь попадает свет. И свет также выходит наружу.

Марго подносит палец к губам, словно задумавшись, или чтобы закрыть их от моего взгляда, или чтобы наощупь почувствовать слова, которые она скажет.

— Да ты просто нечто, — говорит она.

Марго пристально смотрит на меня, мы сидим глаза в глаза, между

нами уже нет барьеров. Если я ее поцелую, это мне ничего не даст. Но мне ничего уже и не нужно.

— Я должен сделать кое-что, — сообщаю я, и она едва заметно кивает, словно знает, что это за кое-что, и я ее целую.

Через какое-то время Марго говорит, прерывая наш поцелуй:

— Можешь приехать в Нью-Йорк. Будет круто. Как целоваться.

И я говорю:

— Целоваться — это просто нечто.

Она:

— Значит, отказываешься?

Я:

— Марго, у меня там вся моя жизнь, и я — не ты, я... — но договорить мне не удастся, потому что она меня целует, и в этот самый момент я окончательно понимаю, что тут наши с ней пути расходятся.

Марго встает и идет к своему рюкзаку. Достает свой блокнот, возвращается к могиле и кладет его на дно.

— Я буду по тебе скучать, — шепчет она, не знаю, мне или блокноту.

И я, сам не зная кому, говорю:

— Я тоже. — А потом добавляю: — В добрый путь, Роберт Джойнер. — И бросаю пригоршню земли.

— В добрый путь, юный герой Квентин Джейкобсен, — продолжает Марго, тоже швыряя в яму горсть земли.

Я бросаю еще одну и добавляю:

— В добрый путь, бесстрашная орландийка Марго Рот Шпигельман.

И она:

— В добрый путь, волшебная собачка Мирна Маунтвизель.

Мы засыпаем блокнот землей, притаптываем. Там скоро снова вырастет трава. И станет нашими прекрасными нестриженными волосами могил.

Мы беремся за руки, ладони у нас шершавые от грязи. Мы возвращаемся в Центральный универсам Ээгло. Я помогаю Марго перенести вещи — стопку одежды, туалетные принадлежности, офисное кресло — в машину. Из-за важности момента говорить должно быть легче, но становится, наоборот, сложнее.

Мы стоим на стоянке у одноэтажного мотеля — прощание уже неизбежно.

— Я заведу сотовый и буду тебе звонить, — говорит Марго. — И по

мылу писать. И постить таинственные комменты к статье о «бумажных городах».

Я улыбаюсь.

— Напишу тебе, когда домой вернусь, — обещаю я. — И буду ждать ответа.

— Гарантирую. И еще увидимся. Я не прощаюсь с тобой навсегда.

— Может, в конце лета встретимся где-нибудь перед учебой.

— Ага, — соглашается Марго. — Да, отличная идея.

Я улыбаюсь и киваю. Она отворачивается, а я думаю, всерьез ли она все это мне только что сказала, и вдруг вижу, что у нее задержались плечи. Она расплакалась.

— Ну, увидимся. А пока буду писать, — говорю я.

— Да, — отвечает Марго, не оборачиваясь, дрожащим голосом. — И я тоже.

Этот разговор позволяет нам хоть как-то держать себя в руках, чтобы не сорваться. Рисуя в своем воображении будущее, мы можем сделать его реальным. Или не можем, но воображать будущее все же необходимо. Из щелей льется свет.

Я все еще на стоянке, и меня охватывает понимание того, что я еще никогда в жизни не был так далеко от дома, что я в нее влюблен, но не могу ехать с ней. Я надеюсь, что это какая-то геройская миссия, потому что не поехать за ней — это самая трудная задача, которую я ставил себе в жизни.

Я все думаю о том, что сейчас она сядет в свою тачку, но она пока не садится. Наконец Марго поворачивается ко мне лицом, и я вижу ее мокрые глаза. Пространство между нами исчезает. Мы в последний раз пытаемся сыграть что-то на порванных струнах друг друга.

Я чувствую, как она касается моей спины, мы целуемся в темноте, но глаза у меня открыты, у Марго тоже. Она стоит так близко, что я ее вижу, потому что даже сейчас, ночью, на окраине бумажного города Ээгло из нее сквозь трещины сочится невидимый свет. Потом мы прижимаемся лбами и долго смотрим друг на друга. Да, я отлично ее вижу даже в такой крошечной тьме.

От автора

Впервые я узнал о бумажных городах, когда учился в колледже на первом курсе: мы наткнулись на один такой с подругой во время своего автопутешествия. Мы ездили туда-обратно по пустынному участку трассы в Южной Дакоте, выискивая этот городишко, обозначенный на карте, — насколько помню, назывался он Хоулен. В конце концов мы просто постучались в какой-то дом. Нам открыла дружелюбная женщина и сказала, что ей этот вопрос задают уже не первый раз. Она объяснила, что город, который мы ищем, существует лишь на карте.

То, что я написал в этой книге насчет Ээгло — почти целиком правда. Сначала он появился на карте — чтобы потом можно было выявить нарушение авторских прав. Владельцы карт «Эссо» то и дело пытались его отыскать, и, наконец, кто-то построил там магазин, и город стал существовать на самом деле. С тех пор как Отто Г. Линдберг и Эрнест Эльперс выдумали Ээгло, в картографии многое поменялось. Но все же такой ловушкой пользуются до сих пор, судя по той моей поездке в Южную Дакоту.

Этого магазина в Ээгло уже нет. Но я думаю, что если бы город снова появился на картах, кто-нибудь там опять бы что-нибудь построил.

Благодарности

Я хочу сказать спасибо:

— Моим родителям, Сидни и Майку Гринам. Не думал, что когда-либо дойду до такого, но: спасибо за то, что вырастили меня во Флориде.

— Брату Хенку Грину, с которым мне очень хорошо работается.

— Моей наставнице Илене Купер.

— Всем работникам издательства «Даттон», в особенности своему несравненному редактору Джули Стросс-Гейбел, Лизе Йошковиц, Саре Шамвей, Стефании Оуэнс Льюри, Кристиану Фюнфхаузену, Розане Лауэр, Ирене Вандервурт и Стиву Мельтцеру.

— Моему восхитительно настойчивому агенту, Джоди Ример.

— «Борцам с отстоем», которые показали мне столько реально крутого.

— Моим коллегам по перу Эмили Дженкинс, Скотту Вестерфельду, Джастину Ларбалестье и Морин Джонсон.

— Авторам двух книг, которые оказались особенно полезны, когда я изучал тему пропавших без вести: Уильяму Диру за его *«Хранителя подземелья»* и Джону Кракауэру за книгу *«В диких условиях»*. Также я благодарен Сесил Адамс, мозговому центру «Стрейт Доуп»: насколько мне известно, она — автор самой исчерпывающей статьи о хитрых системах защиты авторского права.

— Моим бабушкам и дедушкам: Генри и Билли Грейс Гудрич, а также Уильяму и Джоу Грин.

— Эмили Джонсон, моей неоценимой читательнице; Джоэлю Хослеру — о таком психотерапевте писателю остается только мечтать; кузенам моей жены Блейку и Филлису Джонсонам; Брайену Липсону и Лис Ровински из «Индивер»; Кэти Элс; Эмили Блиджвос, с которой мы тогда искали бумажный городишко; Левину О'Коннор, который показал мне много прикольного в этой жизни; Тобину Андерсону и Шону, с которыми я ездил на городские раскопки в Детройте; школьному библиотекарю Сьюзан Хант и всем, кто готов защищать свободу слова, рискуя потерять работу; Шеннону Джеймсу; Маркусу Зусэку; Джону Молдину и моим чудесным тестю и теще — Конни и Маршаллу Юристам.

— Саре Юрист Грин, моей первой читательнице, первому редактору, лучшему другу и любимой соратнице.

Об авторе

Джон Грин — знаменитый писатель, лауреат премии Принца, автор романов «В поисках Аляски» и «Многочисленные Катерины». Он работал на радио в программе «С учетом всего», писал рецензии к современной прозе, в том числе для таких изданий, как «Нью-Йорк Таймс» и «Буклист». Помимо этого он является одним из двух организаторов сетевого видеопроекта «Братство 2.0» (над которым работает вместе со своим братом). Число просмотров их роликов превышает 10 миллионов.

Джон Грин вырос среди микрорайонов и аттракционов Орландо, но сейчас живет в Индиане со своей женой Сарой. Вы можете зайти к нему на веб-сайт Sparksflyup.com и Nerdfighters.com

Награды Джона Грина

«В поисках Аляски»:

Премия Майкла Л. Принтца, 2006 год.

Финалист литературного конкурса «Лос-Анджелес Таймс». В 2005 году попал в лучшую десятку авторов для подростков.

Лучшая книга для подростков по мнению ALA, 2006 год.

Вошел в список рекомендаций «КвикПик» для трудных подростков, 2006 год.

«Многочисленные Катерины»:

Почетный номинант премии Майкла Л. Принтца, 2007 год.

Финалист литературного конкурса «Лос-Анджелес Таймс».

Лучшая книга для подростков по мнению ALA, 2007 год.

notes

Примечания

Сборник статей в поддержку ратификации Конституции США,
выходил в 1787–88 гг.

Обряд достижения еврейской девочкой религиозного совершеннолетия.

Марго использует знаменитое латинское выражение «живи одним днем», а Квентин поправляет «ночью».

Цитируется в переводе К. Чуковского.

Четырехгранный волчок, с которым играют во время еврейского праздника Хануки.

Сингл британской рок-группы «Мьюз».

Цитируется перевод Виктора Топорова.